

ХРЕСТОМАТИЯ
СОВРЕМЕННЫЙ
РУССКИЙ
ЯЗЫК **2**
часть

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
МОРФОЛОГИЯ

УДК 882.07-5(075.8)
ББК 81.2Рус-2-923
С56

Авторы-составители:
Т. Н. Волынец, В. Л. Леонович, И. С. Ровдо

Рекомендовано Ученым советом
филологического факультета
20 ноября 2003 г., протокол № 2

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *В. Д. Стариченок*;
кандидат педагогических наук, доцент *Т. В. Игнатович*

Современный русский язык : хрестоматия. В 3 ч. Ч. 2. Слово-
С56 **образование. Морфология / авт.-сост. : Т. Н. Волынец, В. Л. Лео-**
нович, И. С. Ровдо. – Мн. : БГУ, 2005. – 242 с.
ISBN 985-485-326-8.

Хрестоматия содержит статьи и извлечения из работ известных русистов по всем разделам вузовского курса современного русского языка. Вторая часть предназначена студентам филологических факультетов второго года обучения. Первая часть, адресованная студентам первого года обучения, вышла в свет в 2000 году.

УДК 882.07-5(075.8)
ББК 81.2Рус-2-923

ISBN 985-485-326-8 (ч. 2)
ISBN 985-445-297-2

© БГУ, 2005

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Глубокое усвоение современного русского языка, одного из главных предметов в подготовке учителя-словесника, невозможно без знакомства с основными трудами языковедов-русистов. Именно для этого в конце каждой из трех частей учебника по теоретическому курсу «Современный русский язык», рассчитанного на три года обучения (ч. 1 – Фонетика. Лексикология и фразеология; ч. 2 – Словообразование. Морфонология. Морфология; ч. 3 – Синтаксис. Пунктуация), дается список литературы. К сожалению, не все из рекомендованного легко доступно студенту. Если учебники, учебные пособия и словари еще можно найти в библиотеках и кабинетах учебных заведений, то монографии, а тем более статьи, опубликованные в малотиражных изданиях, являются, как правило, библиографической редкостью.

Необходимость ознакомления студентов с основными трудами языковедов и побудила составителей издать настоящую хрестоматию.

Во второй ее части помещены статьи (полностью или в сокращении) и отдельные фрагменты фундаментальных работ, посвященных словообразованию и морфологии.

Составители признательны рецензентам – профессору БГПУ им. М. Танка доктору филологических наук В. Д. Стариценку и доценту Белорусского государственного университета кандидату педагогических наук Т. В. Игнатович – за конструктивные замечания по содержанию пособия.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Г. О. Винокур

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ЗАМЕТКИ ПО РУССКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

<...> Производная основа отличается от непроизводной иным отношением к предмету действительности, ею обозначаемому. Вообще отношение между словом, как «обозначающим» и самим «обозначаемым» может быть двояким: слово может обозначать известный предмет действительности или непосредственно, или через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими. В первом случае слово служит таким обозначением соответствующей идеи, в структуре которого остается ничем не выраженной самая сущность этой идеи, как она обнаруживается в ее реальных связях. *Стол, коса, алый, нести* обозначают нечто, независимо от того, какие отношения существуют у каждого такого нечто с другими явлениями действительности. Все это нерасчлененные названия соответствующих предметов мысли, и вопрос о том, почему данные предметы мысли названы именно так, а не как-нибудь иначе, постоянно возникающий у всякого, кто размышляет над своим языком, будь то историк языка или просто любознательный человек, ни в малой степени не определяет функционирования языка как наличного орудия общения. И что бы ни думали специалисты по этимологии относительно корня слова *рыба*, понимание этого слова в живом акте речи совершенно не зависит от возможных по этому поводу догадок.

В отличие от этого, отношения между словом и обозначаемым им предметом мысли, в случаях вроде *настольный, косить, алеть, поднести*, обнаруживают такое обозначение идеи, в котором данная идея раскрывается в известной хотя бы части своих связей, формирующих ее в живой действительности. *Настольный* – значит «находящийся на *столе*, предназначенный для этого», *косить* – «работать *косой*», *алеть* – «быть или становиться *алым*», *поднести* – совершить действие, обозначаемое словом *нести* в направлении полного приближения к чему-нибудь», и т. д. Иными словами, в этих случаях известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова.

Таким образом, есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, **мотивированные** обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей).

Практический вывод из сказанного состоит в том, что если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно, то есть не отразило реального факта языка. В известном смысле может показаться «естественным» в словах вроде *малина*, *смородина* выделить звукосочетание *ин* и приписать ему функцию обозначения ягоды. Но так как остающиеся после такого выделения звукосочетания *мал*, *смород* сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной, то суффикса *-ин* в данных словах не существует. Ясно, что разница между названными ягодами, как известными предметами действительности, передана в языке разницей цельных слов *малина*, *смородина*, а не разницей комплексов *мал*, *смород*, которые сами по себе ничего не значат. На тех же основаниях отрицаем наличие суффикса *-ик* в словах вроде *брусника*, *клубника*, *гвоздика*, потому что *брусника* не есть ягода, характеризующаяся отношением к чему-либо, что можно было бы обозначить звуковым комплексом *бруси*, как *гвоздика* не есть цветок, имеющий отношение к гвоздю. Разумеется, вовсе не всегда подобные вопросы решаются с полной легкостью. Производная или непр производная основа в слове *земляника*? Это зависит от того, входит ли в самое значение слова *земляника* отношение к земле. Узнать это, очевидно, можно только путем соответствующего ознакомления с опытом тех, кто данным словом пользуется. С этой точки зрения показательно, что в словарях современного русского языка (Ушакова, Стояна; в других толкование значения заменено ботаническим обозначением) значение слова *земляника* определено без упоминания слова *земля*, тогда как в толковании значения слова *черника* содержится упоминание черного цвета ягоды.

<...> В слове *буженина* нет суффикса *-ин*, обозначающего мясо, потому что понятие мяса здесь обозначено словом *буженина* как целым. Между тем в словах *конина*, *свинина*, *осетрина*, *лососина* и других соответственных комплекс *-ин* означает не просто мясо, а непременно мясо того животного, которое названо в первичной основе. Такую функцию нельзя приписать комплексу *-ин* в слове *буженина* по той простой причине, что нет никакого животного, которое обозначалось бы в русском языке комплексом *бужен*. В таких словах, как *библиотека*, *фототека*, *фонотека*, *каротека* и пр., самой структурой слова показано, что речь идет о собрании, складе известных предметов, имеющих свои обозначения в языке, ср. *библиоман*, *библиология*, *фотография*, новейшее *фото*, и т. д. Но хотя слово *аптека* также обозначает известного рода склад, в этом слове нет отдельных значащих единств, самое отношение между которыми показывало бы, о складе чего именно идет в данном случае речь. Точно так же при глаголах *занять*, *понять*, представляющих собой по своему значению известную модификацию глагола *ныть*, встречаем непроизводную основу *унуть*, непроизводную потому, что значение ее неопределимо через значение глагола *ныть*. При глаголах *встать*, *отстать*, *пристать*, находящихся по своему значению в известном отношении к глаголу *стать*, этого отношения не находим в глаголе *перестать*. Таких глаголов с бывшими приставками, неотделимых уже от основы в объективной структуре современного русского языка, хотя и легко выделяющих эти бывшие приставки для этимологической рефлексии, очень много, например: *затеять*, *завещать*, *забавлять*, *обязать*, *ударить*, *настоять* (на своем решении), *восхитить* и т. д. ... Тем не менее эти глаголы в современном языке в точном смысле слова **непрефиксальные**, и отсюда должны быть сделаны все нужные выводы. То, что этимологическая рефлексия на слово есть нечто вполне реальное, отрицать нет никакого смысла. Однако это вовсе не основание для того чтобы считать критерием для выделения или невыделения тех или иных морфем в основах сознаваемость или несознаваемость этих морфем в психологии говорящих. Указание на то, что известный комплекс звуков, создается или не создается, «чувствуется» или «уже не чувствуется» как морфема, есть, собственно, не объяснение, а нечто, само по себе требующее объяснения: если уже «не чувствуется», то почему? Более того, можно согласиться, что в словах вроде *смородина* или *буженина* и в самом деле может «чувствоваться» суффикс *-ин*: ведь если бы не чувствовался, то, вероятно, никогда никем бы и не выделялся. С другой стороны, вполне может быть, что в словах *разуть* и *обуть* основа *-у-* говорящими по-русски не чувствуется, причем даже можно было бы объяснить, поче-

му именно не чувствуется. Но тем не менее, как я постараюсь показать ниже, это основа вполне реальная, действительно существующая в современном русском языке. Вопрос о том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной, и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции, и только в **этом** смысле может идти речь о лингвистическом сознании данной среды.

Неправильно поэтому было бы думать, будто морфологический анализ основ есть дело механическое, основанное исключительно на дроблении звуковой формы слова согласно звуковым тождествам, отыскиваемым для каждого соответствующего обрубка: *рамка* членится на *рам-ка* не просто потому, что для первой части находим звуковое тождество в словах *рама*, *подрамник*, *обрамление* и т. д., а для второй – в словах *ручка*, *ножка*, *шейка* и т. д., а потому, что *рам* в слове *рамка* значит то же самое, что *рам* в прочих словах этого ряда, и что слово *рамка* представляет собой известную модификацию значения, каким обладает слово *рама*. При этом это точно такая же модификация, которую находим в словах *ручка*, *ножка*, *шейка* в их отношении к словам *рука*, *нога*, *шея*. В слове *барин*, *барыня*, *барич*, *барышня*, *барский*, *барство* и т. д. выделяется общая основа *бар-* и соответствующая цепь аффиксов. Но в слове *барышня* эта основа выделяется только до тех пор, пока это слово действительно обозначает ‘дочь барина’. Этого значения очевидно нет в выражении *телефонная барышня*, как обозначалась в дореволюционном русском разговорном языке телефонистка, а потому в таком употреблении самое слово *барышня* заключало в себе основу непроизводную. Да и сейчас еще в разговорном языке слово *барышня* иногда употребляется, но если и употребляется, то только в значении ‘девушка’, то есть без всякого отношения к барину, а потому как слово, обладающее непроизводной основой.

Тот же принцип решает и вопрос о том, где именно лежит граница между первичной основой и аффиксом в основах, производный характер которых ясен сразу, но в которых неясной может быть самая эта граница. В словах вроде *разбойничать*, *развратничать*, *проказничать*, *халтурничать* правильно, на мой взгляд, обычно выделяют суффикс *-нича*, как средство производства отыменных глаголов. В таком случае самое значение глагола *разбойничать* толкуется как «заниматься разбоем», *развратничать* – «заниматься развратом» и т. д. Косвенным доказательством правильности такого членения служат образования вроде *лентяйни-*

чать, паясничать, либеральничать, повесничать, не имеющие при себе и вовсе существительных на *-ник*, которые могли бы толкать мысль в сторону членений вроде *лентяйнич-ать, паяснич-ать* (ср.: *разбойник* при *разбойничать* и т. п.). Ясно, что *лентяйничать* может означать только 'вести себя лентяем', а потому бесспорно членится так: *лентяй-ничать*. Но это не значит, что всякий глагол, содержащий в конце звуковой комплекс *-ничать*, имеет именно этот суффикс. Так, нельзя видеть этот суффикс в словах *плотничать, греховодничать*, потому что в соотношении с этими глаголами являются лишь слова *плотник, греховодник*, а не *плот* или несуществующее *греховод*. Таким образом, в двух последних глаголах формирующий их суффикс уже не *-нича-*, а *-а-*. Подобно этому выделение суффикса *-ствова-* в глаголах вроде *умствовать, заимствовать, ответствовать*, относящихся к существительным *ум, заем, ответ*, а не *умство* и т. п., не должно мешать нам видеть, что в глаголах *пириествовать, чувствовать*, относящихся к *пириество, чувство*, выделяется как глагольный суффикс только *-ова-*, а не *-ствова-*.

Таким образом, может отсутствовать теоретически мыслимое или воображаемое посредствующее звено словопроизводственного процесса, но его первая ступень, его исходный пункт нельзя представить себе отсутствующим. Если такой исходный пункт и выпадает почему-либо из языковой системы, то на его место сейчас же становится ближайшее к нему образование, приобретающее функцию первичной основы. Поэтому каждый конкретный случай подлежит индивидуальному истолкованию. Например, в слове *косточка* выделяется, по соотношению с *кость*, суффикс *-очк-*. Но в слове *ниточка*, соотнесенным с *нитка*, а не с *нить*, выделяется суффикс *-к-*. Что же до соотношения *нитка* и *нить*, то первое из этих слов перестало уже, в сущности, быть уменьшительным ко второму, так как второе стало всего лишь фразеологическим заместителем первого в выражениях вроде *ариаднина нить, красной нитью* и т. п. Так, *нитка* становится вместо *нить* исходным пунктом словообразовательного процесса и приобретает роль основы непроеизводной. Возможно, что сходный с этим процесс, в первоначальной стадии его развития, переживает соотношение слов *село* и *сельский*. Связь этих слов со словами *селить, поселение* и др. уже давно утрачена. Но в послереволюционный период, в результате изменений в административной терминологии, все более редким становится употребление слова *село*. Его преимущественно мы сейчас наблюдаем в некоторых фразеологических оборотах, как, например, *работать на селе*, между тем как слово *сельский* в значении «не городской, относящийся к деревне, колхозу» (например, *сельский Совет*) в известной мере начинает вести существование, независимое от слова *село*.

Разумеется, иллюстрации этого рода можно продолжать без конца, но не они составляют главную цель этих заметок. Они должны подтвердить лишь ту простую истину, что о **производной основе** можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа **непроизводная**.

Е. С. Кубрякова

ОБ ОСНОВНОЙ ЕДИНИЦЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1. Сложность организации и функционирования словообразовательной системы языка объясняется и обуславливается тремя факторами: а) разнообразием и коммуникативной значимостью главных функций этой системы; б) многообразием связей словообразования с другими уровнями строения языка; в) большим количеством и неоднородностью единиц, образующих эту систему и различающихся не только синтагматически, но и парадигматически, не только в плане выражения, но и в плане содержания. Основная единица словообразовательной системы должна отражать все перечисленные выше свойства, т. е. служить описанию функций системы, ее многосторонних зависимостей от других уровней языка и специфики ее формально-семантической организации. Все это делает возможным использование в качестве основных единиц описания минимальных, или элементарных единиц данной системы, подобных фонеме в фонологии или морфеме в морфологии, а также исключает использование в качестве такой единицы морфемы.

2. Морфемы, выделяемые в структуре производного слова, лишь опосредованно отражают источник деривации и способ его преобразования, причем могут отражать неполно и то, и другое. Морфемный состав производного не только не соответствует его словообразовательной структуре, на что уже указывалось неоднократно, но и затемняет различие процессов словообразования, участвующих в создании производных, и скрывает их возможную нетождественность.

3. Процессы словообразования менее всего представляют собой процессы комбинаторики и «складывания» морфем. Следует дифференцировать по крайней мере три разных типа словообразовательных процессов: 1) аналогию (образование нового наименования по готовому лексическому образцу, ср.: *танкодром* как *аэродром*); 2) ассоциацию (образование одного слова на базе другого по образцу привычной ассоциации между ними, путем заполнения «словообразовательной парадигмы», ср. *детск. рассказыватель* к *рассказывать* и пр.); 3) синтаксическое слово-

образование, или универбализацию синтаксической мотивирующей конструкции в однословное наименование, ср.: *он занимается германскими языками и литературами* → *он германист*, *он чистит трубы* → *он трубочист*, *они встретились* → *их встреча*.

Разграничение процессов этого рода ведет к более точному пониманию реальных путей возникновения производного снова и тем самым – к более адекватному анализу отдельных компонентов производного слова, основы и формантов.

4. Основа представляет собой след непосредственно мотивирующего слова в морфологической структуре производного, соответствуя в семантической плане отсылочной части производного. Поскольку количество типов основ не соответствует разнообразию возможных источников деривации, различию их «протяженности» и уровневого статуса, а степень сохранности семантических признаков источника деривации основой широко варьируется, основа не может рассматриваться в качестве элементарной единицы словообразовательной системы, и в известном смысле описание основ оказывается итогом исследования, а не предваряющим это исследование.

5. Минимальной элементарной единицей словообразовательной системы мы считаем формальные операции, способствующие преобразованию источника деривации в однословное наименование и отражающиеся в морфологической структуре производного в виде тех или иных формантов. Естественно, однако, как бы ни была важна роль формальных элементарных операций, служащих выполнению определенных смысловых заданий, исчерпывающего описания процессов словообразования в терминах этих операций достичь невозможно, формант не дает представления ни о функциях словообразовательной системы, ни о специфике ее семантического аспекта.

6. Существует несколько веских причин считать главной единицей словообразовательной системы языка производное слово, поскольку оно дает яркое представление о всех отличительных чертах системы в целом и поскольку все описанные к настоящему времени более крупные единицы могут быть описаны как определенные объединения или группировки производных слов. Так, словообразовательное гнездо, объединяя все производные по общности корня, дает представление о возможностях синтагматического развертывания этого корня. Словообразовательные ряды образуются объединением производных с единым формантом, а словообразовательные парадигмы, напротив, с единой основой и т. п. Ясно, однако, что все эти группировки вторичны по отношению к производному слову и обусловлены их объединением по выбранному принципу.

7. Главная функция словообразовательной системы – функция ономаσιологическая, создание нового наименования, новой единицы номинации. Подобная единица, по определению, должна быть единицей с новой семантикой. Можно показать, что однословное наименование, каким является производное слово, всегда обладает новой семантикой и – одновременно – особой смысловой структурой, его передающей. Производное слово может рассматриваться как основная единица словообразовательной системы как потому, что оно отражает главную – номинативную – функцию системы, так и потому, что оно отражает все типы зависимостей от других уровней языка, преломляя эти зависимости в своей формально-семантической структуре.

8. Будучи единицей со статусом слова, производное наименование характеризуется как особая единица системы языка в силу своей мотивированности, т. е. способности быть объясненной путем обращения к источнику деривации. Свойство мотивированности может быть интерпретировано как свойство двойной референтности производного: его связанностью и с миром вещей, благодаря собственной референтности (т. е. наличию индивидуальной для данного производного области референции, что сказывается в наличии у него и собственного лексического значения), и с миром слов, благодаря возможности объяснить производное обращением к области референции другого слова, указанием на источник деривации.

9. Смысловая структура производного слова обладает еще одной специфической чертой – способностью выражать особый тип лингвистического значения, возникающего только в ходе словообразовательного акта и являющегося следствием сложного взаимодействия источника деривации и мотивирующей единицы с формальной операцией по ее преобразованию (в нужном направлении в связи со смысловым заданием самого словообразовательного акта). Производное – это особая единица системы языка в целом, поскольку она передает особый тип лингвистического значения – словообразовательное значение.

10. Словообразовательное значение нельзя связывать только с формантом или только с мотивирующей частью производного; это особый тип значения не по своему содержанию как таковому, а по способу его выражения и, главное, по организации структуры этого содержания. Словообразовательные значения – это всегда наложения одного категориального значения на другое, совместная встречаемость по крайней мере двух категориальных значений в пределах одного наименования. Словообразовательные значения могут быть исчислены как в общей форме (комбинаторикой трех главных категориальных значений – предметно-

сти, процессуальности и признаковости), так и в их разновидностях (при транспозиции, мутации и разных модификациях). Этот перечень – главная характеристика словообразовательной системы каждого языка. В основу классификации производных и выделения словообразовательных моделей и должны быть положены словообразовательные значения. Как следует из всего сказанного, это предполагает описание словообразования, близкое традиционным описаниям грамматики языка, т. е. учитывающее части речи и связанные с каждой из них грамматические категории.

О. П. Ермакова

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ РАЗЛИЧНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР

Одной из существенных особенностей производных слов является фразеологичность их семантики: лексическое значение производного слова, как правило, не складывается целиком из значений его составляющих, а включает в себе нечто большее. Так, лексическое значение слова *синяк* не является суммой значения производящей основы и предметного значения суффикса: *синяк*, по толкованию словарей, – ‘посиневший кровоподтек на теле, липе как след удара, ушиба и т. п.’. Фразеологичностью семантики характеризуются не все производные слова. Всегда неидиоматичны производные, относящиеся к области модификационных образований и синтаксической деривации. Ср.: *домик, ручища, волчица, глупость, выход, книжный* и т. п. Другим типам производных слов фразеологичность семантики свойственна в разной степени.

В этой области существуют некоторые закономерности. Они связаны с различными сторонами производного слова, взаимодействуют и взаимодополняют друг друга.

1. Производным разных частей речи фразеологичность семантики присуща в разной степени.

2. Наличие или отсутствие фразеологичности в семантике производных обусловлено характером мотивированного слова – его принадлежностью к части речи и к определенному семантическому разряду.

3. У производных, относящихся к разным частям речи и различным функциональным разрядам слов, эта обусловленность не одинакова.

Более всего фразеологичность семантики присуща производным существительным. Производные существительные в целом более фразео-

логичны по семантике, чем производные глаголы. Различие это довольно отчетливо при сравнении существительных и глаголов, имеющих общее мотивируемое. Ср., например, отсутствие фразеологичности в семантике глаголов типа *багрить*, *утюжить*, *шпорить*, *солить*, *сахарить*, *керосинить*, *пылить* и т. п. при явной фразеологичности таких слов, как *багорщик*, *солонка*, *солончак*, *сахарник*, *пыльник*, *керосинка* и т. п. Значения таких глаголов почти всегда можно определить по значению составляющих, в то время как значение соответствующих существительных надо знать. Это связано с тем, что у отыменных глаголов словообразовательное значение более определенно «сигнализируется» семантикой производящего слова. Так, название орудия в качестве мотивирующего, как правило, «сигнализирует» значение ‘действие, совершаемое посредством этого орудия’, а не другие действия, связанные с этим предметом (например, изготовление орудия). Название орудия конкретизирует действие, особенно там, где орудие может быть только одно. У существительных это не так. Ср.: *утюжить* и *утюжник* (‘мастер, изготавливающий утюги’), *глазеть* и *глазник* (но *глазница*), *сластить*, но *сластник* и т. д.

Нередко производные существительные противостоят по своей идиоматичности соотносительным прилагательным. Ср.: *нагрудный* и *нагрудник*, *наручный* и *наручники* и т. д. Конечно, можно привести случаи, когда и прилагательное, и соотносительное с ним существительное одинаково неидиоматичны (ср.: *предгорный* и *предгорье*), но при наличии такой соотносительности «фразеологичнее» по семантике будет всегда существительное, а не прилагательное.

Фразеологичность семантики производного в значительной степени определяется характером мотивирующего слова. Производные, мотивированные односемными, семантически элементарными словами, часто бывают неидиоматичными. Помимо семантической элементарности, для положения их в роли мотивирующих важно и однозначное отношение этих слов к определяемому. Производные, мотивированные качественными прилагательными, в основе своей неидиоматичны. Таковы почти все глаголы на *-ить*, *-еть*, *-ничать*, *-ствовать*, мотивированные качественными прилагательными. Исключения встречаются, но составляют незначительный процент в каждом типе (ср., например, глаголы *интересничать*, *оригинальничать* и т. п. со значением «стараться выглядеть оригинальным, интересным»).

Более показательны то, что при мотивации качественными прилагательными встречаются типы слов, лишенных идиоматичности семантически и среди самой идиоматичной части речи – существительного. Это

названия лиц по характеризующему их признаку – образования с различными суффиксами, а также субстантивы: *хитрец*, *толстяк*, *богач*, *смельчак*, *старый*, *больной*, *голодный* и т. п. Лексические значения этих существительных представляют собой сумму значений формально выраженных частей – значение признака и значение носителя признака: *хитрец* – ‘тот, кто хитер’, *смельчак* – ‘тот, кто смел’ и т. д.

Подчеркнем, что это характерно для названий лиц, мотивированных качественными прилагательными. Относительные всегда порождают слова с идиоматичной семантикой, в том числе и среди названий лиц. Ср.: *торфяник*, *крановщик*, *газовик* и т. п. В связи с тем, что относительные прилагательные не способны к самостоятельной семантической мотивации и обычно уступают ее своему производящему, характер мотивации в таких случаях обычно не отличается от мотивации непосредственно существительным. Ср.: *торфяник* – ‘специалист по торфу’.

Однако и среди существительных, мотивированных качественными прилагательными, отчетливо противостоят лишённые идиоматичности названия лиц и в высшей степени идиоматичные названия предметов. Ср.: слова типа *синяк*, *белок*, *желток*, *тепушка*, *сухарь*, *холодец* и др., значения которых нельзя определить как ‘то, что белое, желтое, теплое и т. д.’, поскольку все они имеют более сложную и индивидуальную смысловую структуру. Здесь проявляется различие в природе личных и предметных обозначений. Названия предметов, как слова идентифицирующие, не бывают односемными, поэтому их значение не может быть сведено к указанию на один (внешний) признак. Обычно значение мотивирующих занимает лишь весьма скромное место в толковании таких слов (ср. приведенное выше слово *синяк*). С этим связано то, что в кругу предметных обозначений разные суффиксальные образования от основ качественных прилагательных, как правило, не бывают синонимами. Ср.: *теплица* и *тепушка*, *беляк* и *белок*, *сухарь* и *сушняк* и т. д. Напротив, в словах типа *хитрец*, где значение мотивирующего составляет почти все содержание значения слова (аффикс выражает лишь общее значение носителя признака: даже указание на то, что это название лица, не предмета, содержится в семантике основы *хитрый*, *подлый* и т. д.), различие в суффиксах не влияет на значение слова. При одной основе такого типа названия лиц синонимичны. Ср.: *старик*, *старец*, *старый*; *толстяк* – *толстун*, *добряк* – *добряга* и т. п.

Таких функциональных различий, как различие слов идентифицирующих и предикатных, не знают глаголы (слова в основном предикатные), с чем, видимо, связано отсутствие у них четкого противопоставления групп слов по наличию и отсутствию идиоматичности.

Допускает отсутствие фразеологичности семантики производных и глагольная мотивация. Среди существительных отглагольные образования, лишенные идиоматичности семантики, – тоже прежде всего названия лиц. Это многочисленная группа слов, мотивированных глаголами разнообразной семантики, но объединенных тем, что все они не предполагают определенного деятеля, постоянно или профессионально связанного с действием. Поэтому такие отглагольные существительные обозначают любое лицо. Ср.: *оскорбитель, мучитель, мститель, утешитель, обидчик, заступник, защитник, страдалец, шалун, претендент* и т. д. Сюда же относятся и субстантивы, мотивированные причастиями типа *убитый, наследуемый* и т. д.

Только при глагольной мотивации встречаются неидиоматичные слова среди названий предметов. Это функциональные имена типа *мешалка, выбивалка, упаковка, обертка, подставка* и др. Слова такого типа имеют обобщенное значение. Другие предметные обозначения, мотивированные глаголам, идиоматичны.

Заметно способствует идиоматичности семантики производных субстантивная мотивация. Это, очевидно, связано с природой существительного – его многосемностью, неоднозначностью отношений к определяемому, «склонностью» ко всякого рода включениям и т. п.

При этом опять-таки более всего идиоматичность свойственна отсубстантивным **существительным**, в том числе и названиям лиц. Так, названия лиц по действию, имеющему отношение к предмету, названному в производящей основе (типа *барабанищик, мясник, газетчик*), бывают только идиоматичными. Слова эти в сущности относятся к *nomina agentis*. Хотя значение действия, в основном определяющее семантику таких производных, не выражено в их структуре.

<...> Как уже было показано выше, отсубстантивные глаголы бывают лишены идиоматичности при тех же мотивирующих, что и у существительных. В некоторых случаях это обусловлено тем, что определенные группы существительных входят в эти два типа производных как слова разных семантических разрядов. Так, названия животных в состав производных глаголов входят не как слова предметные, а как слова признаковые, характеризующие: они усваиваются глаголами только в переносных оценочных значениях. Все глаголы этого типа стандартны и нефразеологичны. Ср.: *обезьянничать, ослить, попугайничать, ишачить, лисить, петушиться, звереть* и др. В составе производных существительных эти слова сохраняют свою предметность («животность»). Почти все существительные, мотивированные названиями животных, характеризуются

высокой степенью фразеологичности семантики: *обезьянник, соболятник, борзятник, гусятница* и т. д.

Итак, характерная черта производных слов – фразеологичность семантики – разным типам производных слов свойственна в разной степени. Она неодинакова у производных разных частей речи и ярче всего выражена у существительных.

Наличие или отсутствие фразеологичности семантики в определенной мере обусловлено характером мотивирующего слова. Больше всего идиоматичных производных порождается существительными. При этом в разных частях речи и функциональных разрядах слов влияние типа мотивирующего на фразеологичность семантики различно.

В. В. Лопатин

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Известно ставшее классическим положение Г. О. Винокура: «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производит основу... и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей)¹. Положение это, обычно рассматривавшееся как семантический критерий производности (если значение одного слова можно сформулировать через другое однокоренное слово, то данное слово – производное), требует, однако уточнений с учетом того явления, которое можно назвать **метафорической мотивацией**.

Характерной иллюстрацией этого явления может служить, напр., слово *небоскреб*. Номинативное значение его – ‘очень высокий многоэтажный дом’, но вместе с тем слово это выражает в своей словообразовательной структуре и определенное образное содержание – ‘скребущий небо’. Наиболее часто подобное образное содержание обнаруживается в экспрессивных словах-характеристиках, особенно в сложениях – таких, как *сердцеед, лоботряс, головотяп, лизоблюд, толстосум* и др.

Так же как и для «обычных» мотивированных слов (ср. хотя бы *экскурсовод, бракодел* и т. п.), для подобных экспрессивных образований характерна семантическая связь с мотивирующими словами; однако связь эта в них – не прямая, а переносная, метафорическая, причем метафорическое значение оказывается номинативным значением таких слов, вследствие чего только оно и отражается в словарных толкованиях. Но

помимо этого метафорического смысла, в семантике таких слов, благодаря четкости их морфемного строения, сочетаемости в них определенных корней, ощущается и второй план, связанный с прямыми значениями мотивирующих слов. Взаимодействием буквального и переносного значений создается образ, живущий в семантической структуре подобных слов, и именно в этом обнаруживается их мотивированность.

Так, образ «подлизывания» с чужого блюда является как бы дополнительной характеристикой ‘человека, прислуживающегося к кому-либо из корыстных побуждений’ (номинативное значение слов *лизоблюд* и *блюдолиз*): *сердцеед* в образном плане воспринимается не только как покоритель сердец, но и как их пожиратель; *толстосум* – это не только ‘богач’ (номинативное значение), но и обладатель «толстой суммы»; лоботряс – экспрессивное название бездельника, вызывающее довольно-таки конкретный образ бессмысленного занятия (‘трясущий лбом’); несколько похожий образ вызывает и название *головотяп* (конкретные образные ассоциации, связанные с этим словом, изложены у Салтыкова-Щедрина). Подобным же образом метафорически мотивированы слова *щелкопер*, *головорез*, *скопидом*, *буквоед*, *книгоед*, *чистоплюй* и др. В отдельных случаях метафорический смысл подобных образований может поддерживаться наличием в языке однокоренных слов и словосочетаний со сходными переносными значениями. Ср., напр., *лизоблюд* и *подлизываться*, *подлиза*, фразеологизмы *лизать руки*, *ноги*; *головотяп* и сочетание *тяп-ляп* ‘небрежно, наспех (делать что-л.)’; *сухомятка* и просторечное *умять* что-л. ‘съесть’.

Разумеется, в семантике подобных образований «образный план» ощутим в разной степени и соответственно возможны разные степени семантического сближения с мотивирующими словами. Но важно, что живость образного содержания слова способствует и сохранению его мотивированности. Не случайно среди метафорически мотивированных образований столь большое место занимают сложные слова. Мотивированность сложных слов, как известно, вообще гораздо конкретнее, определеннее, чем мотивированность простых аффиксальных производных, а следовательно, и сам содержащийся в таких словах метафорический образ более конкретен и потому легче ощутим. Тем не менее метафорически мотивированные слова встречаются и среди простых аффиксальных образований, напр.: *пронюхать*, *советь*, *завуалировать*, *пройдоха*, *прихлебатель*, *плакучий* (ср. хотя бы в слове *плакучий* сравнение дерева со свисающими ветвями и плачущего человека, а в слове *прихлебатель* – образ, близкий к тому, который содержится в слове *лизоблюд*).

Специфика метафорической мотивации состоит в том, что переносный смысл возникает у определенных основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре. С этой точки зрения явление метафорической мотивации следует отличать от других случаев передачи переносного смысла мотивированным словом, к которым относятся следующие явления:

1. Наличие в языке наряду с мотивированными словами устойчивых сочетаний, которыми они и мотивированы. Ср., напр., *головоломный* ('очень сложный, трудный'), *шапкозакидательство* ('необоснованная уверенность в легком успехе'), *очковтирательство* ('введение в заблуждение, обман'), *пенкосниматель* ('любитель пользоваться плодами чужих трудов'), *горемыка* ('человек, постоянно испытывающий лишения, невзгоды'), *хлебосольный* ('радушно угощающий, гостеприимный'). Метафорический смысл, присущий таким производным словам, существует уже на уровне сочетания мотивирующих слов. Ср.: *ломать голову*, «*шапками закидаем!*», *втирать очки*, *снимать пенки*, *горе мыкать*, *хлеб-соль*. Ср. также *ветреный* (о человеке) и сочетание (у него) *ветер в голове* и т. д.

Переходные случаи между метафорической мотивацией и мотивацией устойчивыми сочетаниями представляет собой: во-первых, сложения, не вполне совпадающие по семантическому содержанию с устойчивым сочетанием из однокоренных слов. Ср., напр., *сорвиголова* 'отчаянный, ничего не боящийся человек' (вызывающие также ассоциации с сочетанием *не сносить головы*) и *сорвать голову* 'строго наказать' и 'убить', *вертихвостка* 'ветреная, легкого нрава женщина' и *вертеть хвостом* 'хитрить, уклоняться от прямого ответа'. Ср. также *сорванец* и сочетания *с цепи сорваться*, *как с цепи сорвался*; во-вторых, сложения, семантически соотносимые с сочетаниями несколько иной структуры, чем состоящие из однокоренных слов. Ср., напр., *головомойка* и *намылить голову* 'сделать строгий выговор' (фразеологизм *вымыть голову* в том же смысле устарел).

2. Семантическая связь мотивированного слова только с переносным значением мотивирующего. Ср., напр., *плёвый*, *наплевательский* и *плевать* ('относиться с презрением, пренебрегать кем-, чем-либо'), *наплевать*; *пролаза* и *пролезть* ('попасть куда-л., проявив хитрость'), *прилипла*, *прилипчивый* и *прилипать* 'неотступно следовать за кем-л.'; *пустомеля* и *молоть* 'говорить что-л. вздорное'; прямо аналогично *выскачка* и *выскочить*, *кисляй* и *кислый* (в переносном смысле).

Оба названных явления объединяются тем, что присущий мотивированному слову переносный смысл «унаследован» им от мотивирующего

слова (слов). К тому же между обоими этими явлениями нет четкой границы. Так, глагол *окрылить* 'воодушевить' мотивирован словом *крылья* во фразеологически связанном его значении, проявляющемся в нескольких устойчивых сочетаниях (*расправить крылья, придать крылья, подрезать, опустить крылья* и некот. др.), и, таким образом, метафорический смысл, обнаруживаемый у мотивирующей основы в составе глагола *окрылить*, присущ уже мотивирующему слову.

Разница между метафорической мотивацией, мотивацией устойчивым сочетанием и мотивацией переносным значением слова хорошо видна в однотипных по образованию глаголах *звереть, столбенеть* и *советь*. Первый мотивирован переносным значением существительного *зверь* (о человеке), второй – фразеологизмом *стоять столбом* или *стоять как столб*, третий же является единственным носителем переносного значения (основанного на сравнении человека с совой), не обнаруживающегося за пределами данного отыменного глагола (и его производных). Ср. также *пролаза*, мотивированное глаголом *пролезть* в переносном значении, и *пройдоха, пройда*, метафорически мотивированные глаголом *пройти*, который сам по себе не содержит переносного значения, подобного переносному значению глагола *пролезть*.

Естественно, что метафорическую мотивацию следует отличать и от тех случаев, когда само мотивированное слово обладает (в качестве номинативного) не только переносным, но и прямым значением. Ср., напр., *въедливый* ('пропитывающий собою, едкий', 'придирчивый, дотошный'), *кровосос* (о насекомом и человеке).

Итак, метафорически мотивированные слова, в отличие от других случаев передачи переносного смысла мотивированным словом, являются единственными носителями переносного смысла (последний не выражен в языке в мотивирующих словах и устойчивых сочетаниях), только при метафорической мотивации **возникновение** переносного смысла связано с образованием производного слова; сохранявшийся в таких словах образ, поддерживаемый словообразовательной структурой, дает основания причислять их к мотивированным словам и, таким образом, рассматривать в словообразовательных описаниях наряду с «нормальными» мотивированными словами.

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по рус. яз. М., 1959. С. 421.

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

<...> Специфика словообразования как особой подсистемы внутри общей системы языка определяется его связями с «соседними» подсистемами: а) словообразование – важнейшее средство создания номинативных единиц языка, оно «работает» на лексику и поэтому зависит от нее; б) для построения новых слов словообразование использует арсенал средств, подобный тому, который используется для построения словоформ, этим объясняется близость словообразования и морфологии; в) структура производного слова может быть уподоблена синтаксической конструкции, поэтому словообразование некоторыми своими чертами подобно синтаксису и сближается с ним.

Система синхронного словообразования представляет собой многомерную иерархическую организацию, формируемую сложной сетью оппозиций различных единиц и структур. Основная единица, словообразования – **производное слово** – входит, с одной стороны, в комплексные единицы, <...> с другой стороны, само не является неразложимым, а состоит из простейших («внутрисловных») единиц-морфем. Эти последние могут быть названы **минимальными** единицами, так как их дальнейшее членение дает отрезки, лишенные плана содержания.

Если понимать синтагматику как закономерности сочетания единиц, а парадигматику как закономерности чередования единиц, то важно установить, как именно реализуются эти явления в словообразовательной системе языка. При изучении правил образования производного слова из минимальных единиц (морфем) обнаруживаются и синтагматические и парадигматические отношения.

Синтагматические отношения выявляются при изучении: 1) сочетаемостных свойств (валентности) морфем, т. е. условий выбора морфами основы аффиксальных морфов (или, наоборот, аффиксальными морфами основных), и ограничений разного рода, накладываемых на эту сочетаемость; 2) морфонологических условий взаимоприспособления морфов, которые действуют при объединении морфов в слово. <...>

Парадигматические отношения наблюдаются при идентификации морфем, т. е. вопросе о том, какие из представленных в словах морфов составляют одну единицу более общего характера – морфему. Как обнаруживаются парадигматические отношения в других участках системы словообразования? Применимо ли в словообразовании понятие «пара-

дигма»? Понятие «парадигма» шагнуло из морфологии и в другие области языка. Оно используется в синтаксисе и в лексикологии, претерпев при этом, естественно, определенные изменения.

<...> В системе словообразования (наряду с простыми единицами) существуют **единицы комплексные**, которые и представляют собой реализацию парадигматических отношений. Это такие единицы, как словообразовательный тип, словообразовательная категория, словообразовательное гнездо и словообразовательная парадигма. Кроме того, в структурировании словообразовательной системы языка участвуют в качестве конstituентов такие подчиненные микросистемы, как микросистема производных, составляющих слова одной части речи (производные существительные, производные глаголы и т. д.), микросистема производных от слов одной части речи (производные отсубстантивные, отглагольные и т. д.), а также микросистема производных, включающих один и тот же словообразовательный формант. Именно названные комплексные единицы и микросистемы представляют собой данные самой природой языка сложные образования, имеющие строение, в котором реализуются парадигматические отношения. В рамках этих образований, а также между ними и осуществляются те парадигматические связи и то взаимодействие, которые составляют типические черты функционирования всякой языковой системы.

Между тем до недавнего времени в словообразовании изучались в **основном** лишь бинарные отношения между производящей и производной основами, а также такая комплексная единица словообразования, как словообразовательный тип. В этой единице при тождестве трех признаков (деривационное значение, словообразовательное средство, часть речи производящей основы) наблюдается противопоставленность конкретных репрезентантов производящей основы определенной части речи. Описание всех словообразовательных типов, включающих производные одной и той же части речи, дает материал для характеристики словообразовательных микросистем различных частей речи. Этот путь исследования словообразования представлен наибольшим числом работ, посвященных как русскому, так и другим языкам. Подход к словообразованию, с другой стороны, со стороны части речи производящей основы — не менее важен и перспективен, но гораздо менее разработан. В поле зрения исследователя с не меньшим основанием, чем микросистемы производных слов различных частей речи, должны войти микросистемы производных от слов различных частей речи. Эти микросистемы характеризуются общей словопроизводственной базой (постоянный элемент микросистемы), с которой соединяются переменные элементы микросис-

темы – деривационные аффиксы или средства, им функционально подобные. Изучение таких микросистем позволит выявить «словопроизводственную мощность» производящих баз различных частей речи, влияние различных грамматических и семантических признаков слов отдельных частей речи на их словопроизводственный потенциал, а также даст возможность установить, как грамматико-семантические свойства той или иной части речи преломляются при словопроизводстве в составе различных классов производных.

Микросистемы производных, включающих один и тот же формант, характеризуются единством форманта и чередованием словообразующих основ при нем. Различаются форманты, сочетающиеся с основами разных частей речи (например, суф. *-оват-* в отсубстантивных и отаффиктивных производных, ср.: *франтоватый* и *подловатый*) и с основами одной части речи (например, суф. *-тель*, выступающий лишь в соединении с основами глаголов). Наибольшей широтой действия в русском языке обладают приставки (*пре-*, *раз-*, *архи-*, *анти-*, *сверх-*, *экстра-* и некоторые другие), сочетающиеся с основами разных частей речи.

<...> Понятие «словообразовательная парадигма» начало применяться в словообразовании недавно. Этот термин используют ученые разных стран, вкладывая в него разное содержание. Стремясь установить изоморфизм между словообразованием и морфологией, считаем, что наиболее целесообразно называть словообразовательной парадигмой набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на единой ступени деривации.

<...> Подобно тому, как словоформы склонения и спряжения образуют морфологические парадигмы, набор производных от одного и того же слова образует его словообразовательную (деривационную) парадигму. Так, например, словообразовательную парадигму прилагательного *белый* образуют такие производные: *беленький*, *беловатый*, *белеть*, *белить*, *белок*, *беляк* и т. д.

Своеобразие словообразовательных парадигм отчетливо выступает при их сравнении с парадигмами словоизменения. Парадигмы склонения и спряжения отличаются гораздо большей регулярностью, чем парадигмы словообразования, которые имеют различия в наборе и характере производных, связанные не только с грамматической принадлежностью и строением производящих основ, но и с их семантикой. Воздействие лексики на характер словообразовательных парадигм весьма значительно.

Наибольшее различие наблюдается между парадигмами слов разных частей речи. Однако и в пределах одной части речи имеются существен-

ные расхождения между парадигмами слов разных лексико-семантических групп. Так, например, если мы возьмем в качестве производящих имена существительные со значением лица, конкретного предмета и отвлеченного понятия, то увидим, что набор производных у них будет различаться весьма сильно.

Более того, немалое число словообразовательных парадигм составляют парадигмы уникальные, неповторяющиеся, характерные лишь для одного слова. Это вызвано тем, что, кроме различий между словообразовательными парадигмами, объясняемых различием в грамматических и лексико-семантических свойствах их исходных слов, наблюдаются различия между парадигмами, вызванные тем явлением, которое В. В. Виноградов называл давлением лексического материала или капризами лексики. Чаще всего индивидуальное разнообразие парадигм мотивировано историческими причинами, узусом и т. п.

Чтобы абстрагироваться от «капризов лексики» и выявить закономерности строения словообразовательных парадигм, целесообразно ввести понятие типовой словообразовательной парадигмы, противопоставив его понятию конкретной парадигмы, о котором речь шла выше. **Типовую парадигму** получаем, отвлекаясь от конкретных способов выражения тех или иных деривационных значений. Типовую парадигму формируют конкретные парадигмы, в которых представлен один и тот же набор деривационных значений. Таким образом, типовая парадигма может включать несколько конкретных парадигм, реализующих один и тот же набор словообразовательных значений. Так, например, имена прилагательные со значением цвета имеют различные конкретные парадигмы, которые различаются в зависимости от того, с помощью каких средств в них выражаются те или иные значения. Значение отвлеченного признака, в частности, может быть выражено существительными, содержащими суффиксы *-ота*, *-ость*, *-изна*, *-ева*, (ср. *краснота*, *фиолетовость*, *белизна*, *синева*, *синь*). Типовая же парадигма имен прилагательных со значением цвета одна. Она имеет следующие «семантические места»: название отвлеченного признака, переходный глагол со значением ‘делать каким’, непереходный глагол со значением ‘становиться каким или обнаруживать какой признак’, предметные и личные имена носителя признака, модификационные уменьшительные и увеличительные образования.

<...> Для полного описания словообразовательной системы языка необходимо выявление классов слов, имеющих одну и ту же типовую словообразовательную парадигму. Это позволит установить, какие признаки являются релевантными для обнаружения деривационных валент-

ностей слова, и даст возможность распределить весь словарный состав языка по его словообразовательному потенциалу. В результате мы получим более точное описание системы словообразования, при котором будут установлены классы слов, имеющих одни и те же конкретные и типовые парадигмы, обнаружены дефектные парадигмы и создана типология словообразовательных парадигм. Такое описание аналогично описанию словоизменительных парадигм, хотя очевидно, что словообразовательные парадигмы обнаружат гораздо большую зависимость от лексики и капризов узуса, чем парадигмы словоизменения. Поэтому само число типовых парадигм у слов различных частей речи будет большим, чем число парадигм словоизменительных. Добавим, что описание явлений нереализации словообразовательных валентностей, выявление дефектных (неполных) парадигм крайне важно для разработки малоизученного вопроса о тех видах ограничений, которые действуют при словообразовании. Исследование словообразовательных парадигм – необходимое звено при сравнительно-типологическом изучении языков.

Как соотносятся понятия словообразовательной парадигмы и словообразовательного гнезда? Понятие словообразовательной парадигмы менее сложное и вместе с тем более широкое: 1) оно абстрагируется от ступенчатого характера словообразования, т. е. рассматривает все производные одной и той же базы, находящиеся на одной ступени словопроизводства; 2) оно включает производные не только от непрямых слов, но и от производных; 3) отдельные словообразовательные парадигмы составляют части гнезда, входя в него в виде определенным образом упорядоченных рядов производных.

Изучение словообразовательных гнезд как особым образом упорядоченных иерархически организованных комплексных единиц словообразовательной системы активизировалось лишь и последнее время. При изучении гнезд обычно рассматривают два круга вопросов: 1) смысловые отношения слов в пределах гнезда; 2) формальные отношения слов в пределах гнезда (т. е. морфонологические явления словообразования).

Большой теоретический интерес представляет почти не изученная проблема – построение типологии гнезд слов разных частей речи и разных семантических групп, решение которой возможно лишь на базе изучения всего богатства конкретных гнезд того или иного языка. При этом надо учитывать, что, поскольку словообразовательная парадигма является составной частью словообразовательного гнезда, построение словообразовательной парадигмы – необходимый этап и для изучения словообразовательных гнезд. Ведь гнездо обнаруживает еще большую индивидуальность и зависимость от лексики, чем парадигма, и построение ти-

пологии гнезд – задача более сложная, чем построение типологии парадигм.

Вопрос о принципах описания словообразовательной системы языка приобрел сейчас особую актуальность. Любое описание, в основу которого положена какая-либо одна единица (производная основа, абстрактный деривационный корень, аффикс и др.), является односторонним. Недостаточно также и наиболее распространенное в современном языкознании описание лишь бинарных отношений в словообразовании (т. е. соотношения производной и производящей основ), так как оно не отражает адекватно всю сложность словообразовательной системы языка. Для того чтобы описание словообразовательной системы языка было адекватно изучаемому объекту, необходимо изучение всех видов синтагматических и парадигматических отношений в системе словообразования.

А. Н. Тихонов

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК ЕДИНИЦА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

<...>

§ 22. *Словообразовательное гнездо.* Словообразовательный тип – не единственная единица словообразовательной системы. Система в словообразовании – это и система словообразовательных гнезд. Под **словообразовательным гнездом** понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня. Общность однокоренных слов проявляется не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но и в плане содержания (корень выражает общий для всех родственных слов элемент значения), т. е. слова, объединяющиеся в словообразовательное гнездо, имеют и смысловую, и материальную общность. Ср.: *соль, соляной, солонка, солонина, солонинный, солевой, солить, соление, посолить, засолить, засаливать, засолка, пересолить, недосолить, подсолить, подсаливать, насолить, соленый, соленость, солоноватый, солоновато, солоноватость, солевар, солеварение, солеварочный, солеварница, солеварный, солекоп, соледобытчик, солеломня, солено-кислый, солено-сладкий, солепромысел, солепромышленный, солепромышленность* и мн. др. Наличие у этих слов общего элемента значения не вызывает сомнения.

Однако наличие общего элемента значения (смысловой общности) само по себе еще не обеспечивает тому или иному образованию доступ в гнездо. Так, не входят в одно гнездо *уложить* и *укладывать*, *заложить* и *закладывать*, *я* и *мы*, *ты* и *вы*, *я* и *свой* (ср.: *ты* и *твой*) и т. п., несмотря на то, что здесь смысловая общность, а для некоторых пар даже семантическая тождественность – факт бесспорный. Ср. также: *большой* и *огромный*, *отец* и *папа*, *мало* и *чуть*, *много* и *уйма*, *говорить* и *сказать* и др. Сюда же относятся слова типа *мать* и *мама*.

Словообразовательное гнездо нередко определяют как простую совокупность однокоренных слов. Такое определение не отражает одно существенное свойство словообразовательного гнезда – упорядоченный характер этой совокупности слов. Дело в том, что любое гнездо имеет строго определенную структуру, и каждый его элемент (слово) занимает в нем предусмотренное системой языка и закреплённое в норме место.

В основе строения гнезд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим. Это нашло яркое отражение в ступенчатом характере русского словообразования, например:

кря	клей
кря-ка-ть	клеј-и-ть
кряк-ну-ть	с-клеить
под-крякнуть	скле-ива-ть
подкряк-ива-ть	склеива-ль/(щик)
подкрякива-ниј-е	склеиваль-щиц-а

§ 23. Семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. Словообразовательное гнездо составляют слова, имеющие общий смысловый элемент (лексико-семантический вариант, сема), материальным выразителем которого является корень. Ср.: *гладкий*, *гладь*, *гладкость*, *гладить*, *гладиться*, *гладилка*, *гладильщик*, *гладильщица*, *выгладить*, *догладить*, *загладить*, *загладиться*, *отгладить*, *перегладить*, *погладить*, *подгладить*, *разгладиться* и т. п.

Границы гнезда подвижны. Гнезда могут пополняться новыми словами, причем за сравнительно короткий промежуток времени (десятилетия) в него могут войти десятки и даже сотни новообразований (см., например, гнездо *электричество*). И, наоборот, многие слова в гнезде часто перемещаются из центра на периферию или совсем выходят из него. Под влиянием различных факторов – лингвистических и экстралингвистических – смысловые связи между словами, входящими в словообразовательное гнездо, ослабевают или совсем утрачиваются. Слова, утратившие смысловую общность, образуют разные гнезда. Ср.: *белый* и *белье*, *дать* и *продать*, *бить* и *убить* (лишить жизни), *быть* и *забыть*, *чернила* и *черный*. Ср., с одной стороны, *черный*, *черноватый*, *черноватенький*, *черненький*, *чернявый*, *чернявенький*, *чернеть*, *чернить*, *очернить* и т. п.;

с другой – *чернила* и *чернильница*, *черниленка*, *чернилка*, *чернильный*. Поскольку словообразовательные гнезда находятся в постоянном движении, в любом синхронном состоянии в них могут быть и малоупотребительные слова, слова, выходящие из употребления, устаревающие, т. е. слова, слабо связанные с системой, но еще не выпавшие из нее. В этом смысле гнезда неоднородны. В синхронной системе словообразования имеются гнезда, включающие в свой состав только активную лексику (см.: гнезда *где*, *когда*, *кефир*, *клоун*, *компот* и др.), и гнезда, полностью или частично состоящие из пассивной лексики (см.: гнезда *кафтан*, *кваркер*, *кила*, *клемма* и т. п.).

Слова, образующие гнездо, часто неоднородны и в других отношениях. Так, в одном и том же гнезде могут быть представлены стилистически очень разнородные пласты лексики (слова нейтральные, книжные, разговорные, просторечные, вульгарно-бренные и т. п.), слова, ограниченные в своем употреблении социально, и слова, не имеющие такого ограничения (см.: гнезда *бить*, *лупить*, *лоб*, *класть*, *лететь* и др.).

Среди производных слов гнезда встречаются не только активные, продуктивные, но и пассивные, малопродуктивные и непродуктивные типы образований (см.: гнезда *гвоздь*, *голова*, *капать*, *катить*, *ква*, *клён*, *князь* и др.).

В одном и том же гнезде могут быть слова терминологические и нетерминологические (см.: гнезда *глаз*, *гнуть*, *гореть*, *грань*, *густой*, *клетка* и т. п.). Гнездо может состоять из одних терминологических слов, т. е. целиком относиться к терминологической подсистеме языка (см.: гнезда *гелиография*, *генерировать*, *геодезия*, *гидрометрия*, *кабель*, *коагулировать* и т. п.).

В словообразовательное гнездо входят также нерегулярные образования, слова, содержащие в своем составе нерегулярные аффиксы и уникальные элементы. Например, в гнезде *почта* к таким словам относятся *почт-амт*, *почт-альон*, в гнезде *флот* – *флот-илиј-а*, в гнезде *дети* – *дет-вор-а*, в гнезде *скупой* – *скуп-ердяй* и т. п.

В каждом словарном гнезде объединяются однокоренные (родственные) слова, имеющие живые семантические связи. Ср.: *варить* – *сварить*, *наварить*, *заварить*, *переварить*, *разварить*, *отварить*; *вариться*, *свариться*, *повариться*, *перевариться*; *сваривать*; *заваривать*, *завариваться*; *отваривать*, *отвариваться*; *варка*, *навар*, *отвар*: *варкий*, *вареный* и др.; *белый* – *беленький*, *беловатый*, *белизна*; *белеть*, *побелеть*; *белеться*; *белить*, *побелить*, *выбелить*, *выбеливать*; *отбеливать*, *отбеливаться* и др.

С этой точки зрения не являются однокоренными *искра* и *искренний*, *звать* и *звание*. Ср. также: *мнить* и *мнение*, *добить* и *добиться* и т. п.

Выпадение тех или иных слов из гнезда, обособление от однокоренных слов чаще всего происходит в результате семантической декорреляции их, утраты смысловой связи между ними. В русском языке это явление распространено очень широко и охватывает самые разные словообразовательные типы. Так, полностью или почти полностью утрачена соотносительность между словами *предать* и *предание* (о чем-либо), *стать* и *устать*, *пристать*, *разить* и *выразить* и т. п. Ср. также: *стать* и *застать* и т. п. Здесь уже невозможно истолковать одно слово через другое, как в парах однокоренных слов. Ср., например: *красный* – *краснеть* (становиться *красным*, покрываться румянцем) – *раскраснеться* (*краснея*, дойти до высшей точки), *работать* – *поработать* (*работать* некоторое время) – *переработать* (*работая*, сделать лишнее) – *доработать* (довести *работу* до конца, до нужного уровня) и т. д.

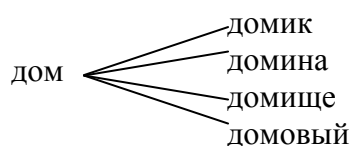
Обычно гнездо образуют непроизводное (исходное) слово и все его производные. Непроизводные слова, возглавляющие гнезда, «по структуре своей составляют вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности»¹. Производные слова являются «мотивированными обозначениями предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей)»².

Действительно, в подаче производных слов эта возможность, хотя и не всегда последовательно, но очень широко применяется в толковых словарях. Ср.: *клеймо* и *клеймить* (ставить *клеймо*), *клейменный* (имеющий на себе *клеймо*), *клеймение* (действие по значению глагола *клеймить*), *клеймовщик* (рабочий, занимающийся *клеймением* чего-либо); *монарх* и *монархия* (форма правления, при которой во главе государства стоит одно лицо – *монарх*), *монархизм* (реакционное политическое направление, признающее *монархию* единственной формой государственной власти; то же, что *монархия*), *монархист* (сторонник *монархизма*), *монархистка* (женск. к *монархист*), *монархистский* (прил. к *монархист*), *монархиня* (женск. к *монарх*, жена *монарха*), *монархический* (прил. к *монархия*, прил. к *монархизм*, к *монархист*); *лежать* и *лѐжа* (в *лежащем* положении), *лежак* (род деревянной кровати, койка для *лежания*), *лежа-*

лый (лежавший долго без употребления; несвежий, залежавшийся), *лежание* (состояние по глаг. *лежать*), *лежанка* (выступ у печи для *лежания*), *лежаться* (о наличии желания или возможности *лежать*), *лежащий* (такой, который *лежит*, *лежащий*), *лежбище* (место, где *лежат* стадами некоторые животные), *лежебок* и *лежебока* (тот, кто любит долго *лежать*, спать), *лежень* (поперечно *лежащее* бревно, брус в различных сооружениях; то же, что *лежебок*, *лежебока*), *лежка* (состояние по глаг. *лежать*; то же, что *лежбище*), *лежмя* (в *лежащем* положении, *лежа*), *полежать* (*лежать* некоторое время), *полеживать* (проводить время в *лежащем* положении), *перележать* (*пролежать* слишком долго), *пролежать* (пробыть какое-л. время в *лежащем* положении), *долежать* (окончить *лежание*, *пролежать* до конца, до какого-л. срока), *долежаться* (долгим *лежанием* довести себя до каких-л. неприятных последствий) и др.

Как видно, семантические связи между однокоренными словами в гнезде разнообразны. К одному и тому же производному слову нередко протягиваются смысловые нити от разных слов.

Семантические отношения слов в гнезде делятся на мотивационные и немотивационные. В мотивационных (= словообразовательных) отношениях находятся однокоренные слова, если «значение одного из них: а) полностью входит в значение другого (*дом* → *домик* ‘маленький дом’, *победить* → *победитель* ‘тот, кто победил’) или б) тождественно лексическому значению другого, но синтаксические позиции этих слов различны (сюда относятся пары типа *бежать* → *бег*, *белый* → *белизна*, *быстрый* → *быстро*, образуемые словами разных частей речи; второй член этих пар представляет собой, по Е. Куриловичу, синтаксический дериват»)³. Так, мотивационные отношения образуют:

Не образуют мотивационных отношений однокоренные слова этого гнезда *домик* – *домина*, *домик* – *домище*, *домик* – *домовый*, *домище* – *домовый*, *домина* – *домовый* и др., так как смысловые отношения между членами таких пар не отвечают ни одному из признаков, характерных для слов, находящихся в мотивационных отношениях.

Мотивационными следует считать любые отношения однокоренных слов, если одно из них входит в семантику другого, если одно из этих слов можно истолковать через другое, несмотря на то, что они не образуют словообразовательной пары. Ср.: *красный* – *раскраснеться*, *синий* – *посинение*, *черный* – *почернение*, *лед* – *заледеневать*, *вода* – *обезвожить*.

ваться, голова – обезглавливаться, кислород – обескислородиться, зараза – обеззараживание, вода – обезвоживание, твердый – затвердевать, цена – обесценивать, сахар – обессахаривание и т. д. Раскраснеться ‘стать сильно красным’, заледеневать ‘покрываться льдом’, обезвоживание ‘лишение воды’ и т. д. Словообразовательные отношения: *красный* → *краснеть* → *раскраснеться*, *лед* → *леденеть* → *заледенеть* → *заледеневать*, *вода* → *обезводит* → *обезвоживать* → *обезвоживание*.

Иначе говоря, словообразовательные отношения – это всегда и мотивационные отношения. Однако не всякое мотивационное отношение одновременно выступает и как словообразовательное. Словообразовательные мотивации являются лишь частью мотивационных отношений, характерных для гнезда.

Каждое производное слово возникает в языке на базе строго определенного значения производящего слова. Однако с течением времени лексико-семантические связи производного слова в гнезде могут расширяться: в процессе функционирования оно часто заимствует и другие значения производящего слова, испытывает семантическое влияние остальных родственных слов, которое определяется не только индивидуальными или общими свойствами слов данного гнезда, но диктуется также системой языка, законами аналогии, действующими в гнездах, имеющих тождественную или сходную структуру. Между словами, образующими гнездо, складываются сложные и многосторонние смысловые связи. Ср. *шум* и его производные.

Исходное слово *шум* обозначает ‘разнообразные звуки, слившиеся в нестройное звучание’ (*шум леса, моря, дождя, в комнате невообразимый шум*). В этом (главном) значении с ним соотносятся производные *шумок* (небольшой шум), *шумный* (лес, поток, река), *шумно*, *шумность*, *шумовой* (оркестр, аффект), *шумовик*, *шумливый* (дождь, лес, самовар, река), *шумливость* (леса, реки), *бесшумный* (дождь, лес, самовар, река), *бесшумно*, *бесшумность*, *шуметь* (лес шумит), *зашуметь* (лес зашумел, реки весенние зашумели), *прошуметь* (Земная рожа всю ночь прошумела. Соболевский), *пошуметь* (Ветер мягко пошумел листвою деревьев. Горький), *пошумливать*, *отишуметь* (дождь отишумел, самовар отишумел), *расшуметься* (дети расшумелись), *шумоизмерительный*, *шумоглушитель*, *шумопеленгатор* и т. п. Ср. также фразеологические обороты *шум в ушах*, *шум в голове*, *шумит (шумело) в голове*, *шумит (шумело) в ушах*, *зашумит (зашумело) в голове* и др. Отдельные производные (например, *шумиха*) в этом значении не соотносятся с исходным словом *шум*.

Во втором значении ‘оживление, суета и т. п.’ (*Уж в городах утих вседневный шум*. Пушкин) с исходным словом *шум* соотносительны

шумный (шумная беседа, шумный город, шумная жизнь), шумно (шумно тенет жизнь), шумность, шумливый (шумливые дни, шумливая беседа), шумливо, шумливость, шуметь (Вокруг него бурлим, шумела, пенилась жизнь. Ходотов), отшуметь (отшумела жизнь, отшумели дни, годы).

Значение ‘брань, скандал, крик, недовольство’ объединяет слова *шум (что за шум, а драки нет), шумный, шумно, шуметь, нашуметь, пошуметь, пошумливать, расшуметься*. Сюда же в значении ‘ругать’ *шуметь, зашуметь, нашуметь, пошуметь, пошумливать, расшуметься* на кого-либо. Например: *В это утро после выхода с рейда Калинин по обыкновению нашумел на политрука (Лавренев). Князь рассердился ... и на него зашумел во всю (Лесков). Вы, товарищ бывший офицер, на наших стариков не пошумливайте (Шолохов).*

В значении ‘толки, оживленное обсуждение, вызванные повышенным интересом к кому-л. или чему-л.’, слово *шум* соотносительно с производными *шумиха, шумный (шумная история, шумный успех), шумно, шуметь, нашуметь, пошуметь, прошуметь, отшуметь*. <...>

Итак, родственные слова объединяются в одно словарное гнездо на базе семантической общности, которая проявляется в наличии у них общих («стержневых») лексических значений.

Наиболее отчетливо выражены родственные связи в однокоренных словах, когда в качестве стержневого выступают прямые, номинативные значения. Ср.: *черный – чернеть, почернеть, чернеться, чернить, почернить, начернить, чернота, черненький* и др., *асфальт – асфальтит, асфальтищик, асфальтовый, асфальтировать, асфальтирование, асфальтировка, асфальтировщик, асфальтобетон, асфальтобетонный, асфальтоукладчик, асфальтозавод* и др.

В одних гнездах родственные связи слов основываются исключительно на прямых значениях. Ср., например: *алый – аленький, аловатый, аловатость, аловато, алехонький, ало, алость, алеть, алеться, заалеть, заалеться, поалеть, разалеться, ало-голубой, алешенький, алощекий* и др.; *акварель – акварелька, акварелист, акварелистка, акварельный; верба – вербочка, вербняк, вербный, вербовый; верблюд – верблюдище, верблюдица, верблюжонок, верблюжина, верблюжatina, верблюжатник, верблюжий, верблюдовод, верблюдоводство, верблюдоводческий*.

В других они опираются как на прямые, так и на переносные значения. Так, прилагательное *бледный* обозначает: 1. Лишенный румянца, свежести, бескровный. 2. Слабо окрашенный, неяркий (о цвете чего-л.). *Бледные краски. Бледные тона.* 3. Светящийся слабым, неярким светом, тусклый. *Бледный месяц. Бледная луна. Бледное небо.* // *Переносно.* Производящий незначительное впечатление, лишенный живости, яркости,

маловыразительный. *Бледная речь. Бледные строки.* Во всех этих значениях соотносительны с прилагательным *бледный* производные от него существительные *бледность, бледнота*, наречие *бледно*. Прилагательное *бледненький* встречается только в прямых значениях. *Бледноватый, бледноватость, бледновато* употребляются и в прямых, и в переносных значениях. Соотносительность во всех значениях с прилагательным *бледный* сохраняет видовая пара *бледнеть – побледнеть*: становиться (стать) *бледным*, терять (потерять) румянец, свежесть лица.

Прямое значение слова *туман* легло в основу семантики производных *туманчик, туманец, туманище, туманограф, туманистый*. Остальные производные связаны с исходным *туман* в прямом и переносном значениях (*перен.* ‘неясность’): *туманный, туманно, туманность, туманить, туманиться, отуманить, отуманивать, отуманиться, отуманиваться, затуманить, затуманивать, затуманиться, затуманиваться*. Большинство производных связано также в значении ‘грусть, тоска’ (*туман, туманный, туманливый, туманиться, затуманиться, затуманиваться, отуманиться, отуманиваться*). Сюда же *притуманиться – притуманиваться*, где это стержневое значение является единственным.

Нередко одни производные слова в гнезде группируются вокруг прямого стержневого значения (или значений), а другие объединяются на базе переносного значения (или значений). Некоторые производные совмещают несколько стержневых значений (или – редко – все значения). Так возникают подгнезда.

В этом отношении интересно сопоставить по значению производные в гнезде *почва*. В значении ‘верхний слой земной коры’ слово *почва* (*рыхлая, глинистая, песчаная, черноземная почва*) объединяет производные *подпочва, подпочвенный, почвенный, почвовед, почвоведческий, почвоведение, почвозащитный, почвообразовательный, почвоуглубитель, почвенно-грунтовый* и др. В переносном значении ‘основа, опора’ составляют подгнездо *почва, почвенный, почвенность*. Ср.: *подпочва, подпочвенный* и *беспочвенный, беспочвенно, беспочвенность*, возникшие также на базе переносного значения слова *почва*. Семантическую общность слов, образующих гнездо, обеспечивает слово, которое входит во все подгнезда, скрепляя их в одно целое разными смысловыми нитями.

Такую функцию иногда выполняет одно из производных слов (чаще первой, реже второй ступени словообразования). Так, в гнезде с заглавным словом *волна* подгнезда возникли и функционируют на базе двух значений производного глагола I ступени словообразования *волновать*: 1. Приводить в колебательное движение, производить *волны*. *И когда ветерок волновал воду и маленькие волны достигали под кручей концов*

сосулек, то они качались, стуча друг о друга, звенели (Пришвин). 2. Приводить в тревожное, возбужденное состояние, беспокоить. И рано волновало нас жестокой зависти мученье (Пушкин). В прямом значении связаны, *волна, волновать, взволновать, взволноваться, волнение (моря), волнистый, волнисто, волновой, волновод, волномер, волнолом, волногаситель.* Второе подгнездо включает слова *волновать, взволновать, взволноваться, волнующий, волнующе, взволнованный, взволнованно, взволнованность, волнение (радостное волнение, мучительное волнение), волнительный.*

На базе одного и того же значения могут возникнуть различные семантические группировки производных. Например, от глагола *винтить* (вращая *винт*, ввертывать или вывертывать его), который имеет только прямое значение, образованы:

а) слова, имеющие только прямое значение: *ввинтить, ввинчивать, ввинчиваться, ввинчивание, ввинтиться; вывинтить, вывинчивать, вывинтиться, вывинчиваться, вывинчивание, довинтить, довинчивать, довинтиться, довинчиваться, довинчивание, завинтить, завинчивать, завинтиться, завинчиваться, завинчивание* и т. п.;

б) слова с прямым и переносным значением: *развинтить, развинчивать, развинтиться, развинчиваться*: 1. Разъединять, разнимать на части что-л. свинченное. 2. *перен.* Выводить из душевного равновесия, *развинченный* (имеет еще третье значение: 'нетвердый, вихляющийся – о походке, движениях'), *развинченность* (*развинченность нервов, развинченность движений*);

в) слова, имеющие только переносное значение *взвинтить, взвинчивать, взвинтиться, взвинчиваться, взвинченный, взвинченность*, например: *взвинтить (взвинчивать) нервы, взвинченное настроение, взвинченные нервы, взвинченность нервов, нервная взвинченность.*

Таким образом, производные слова в гнездах группируются на основе стержневых значений. В качестве стержневых значений могут выступать не только номинативные, производно-номинативные (по терминологии акад. В. В. Виноградова), но и переносные значения слов. Семантика производных в гнезде чаще всего базируется на прямом значении исходных слов. Если исходное слово многозначно, то производные могут группироваться вокруг разных его значений. Часть производных слов оказывается связанной с ним в нескольких или всех значениях. Нередко одни слова гнезда объединяют прямое, другие – переносное стержневое значение. Совокупность стержневых значений, их количество и набор, сочетание неодинаковы для различных типов гнезд. Это зависит от семантической структуры исходных слов, их принадлежности к той или

иной части речи (для слов каждой части речи характерны свои типы и модели полисемии, законы сочетаемости значений) и лексико-семантической, лексико-грамматической группе слов.

Стержневые значения, объединяющие однокоренные слова в подгнездах, находятся в сложных взаимоотношениях. Отражая длительную прошлую жизнь гнезда, разнообразные семантические изменения в родственных словах, семантические сдвиги, затрагивающие различные группы производных, они не всегда бывают близки друг к другу. Без резких переходов обычно связаны между собой стержневые значения, опирающиеся на номинативные, производно-номинативные значения однокоренных слов, а также на переносные (метафорические и метонимические) значения, утратившие свой образный характер. Ср. слово *земля* и его производные в значении 'планета': *землеведение, землевед, околоземный, земляне* (нов.), *приземлиться, приземляться, приземление* (нов.), в значении 'суша' *земной, земнородный, земноводные*, 'почва, грунт, верхний слой коры нашей планеты' *земелька, земляной, подземный, надземный, землетрясение; землепашец, землепашество, землянка, земляночка, землеройный* и т. п.; сюда же *заземлить – заземлять, заземляться, заземление*; 'рыхлое темное бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты' *земелька, земляца, землячка, земляной, землечерпалка, землечерпальный* и др.; 'страна, область, государство': *земляк, землячка, землячество, земляческий, земляцкий, иноземный* и др.; 'территория с угодьями, находящаяся в чьем-л. владении, пользовании' (*колхозная земля, приусадебная земля*): *земелька, облзем, горзем, землемер, землевладелец, землевладелица, землевладение, землевладельческий, землепользователь, землепользование* и др. Но ср. *бедный* и его производные в значении 'неимущий, убогий, небогатый' *бедно, бедность, бедноватый, бедняк (беднячка, бедняцкий), беднеть (обеднеть), обеднить (обеднять), прибедняться* и 'несчастный' *бедняга, бедняжка, бедняжечка*. Между двумя стержневыми значениями прилагательного *бедный* 'небогатый, убогий' и 'несчастный' нет обязательной, органической связи.

В современном русском языке слабо связаны некоторые стержневые значения, объединяющие производные в гнезде *путь*. Ср.: *путь, путевой, путевка, путевочка, путеводный, путеводитель, путеводительница, путеводить, путеец, путейский, путеобходчик, путеобходчица, путепогрузчик, путеподъемник, путеукладчик, путеукладка, путик* (охотничья тропа), *путник, путница, беспутье, беспутьица, двухпутный, однопутный, спутник, спутница*, но: *непутевый, беспутный, беспутствовать, беспутник, беспутница, беспутничать* или *путешествовать, путешественник, путешествие, путешественный* и др.

Ослабление или полная утрата семантической связи с однокоренными словами часто наблюдается, если производное слово в прямом значении применяется редко, а преимущественно употребляется в своих переносных значениях. Ср.: *буря, бурюшка, буревой, буревестник, бурелом, буревал и бурный, бурно, бурность, безбурный, безбурно (прожить)*.

Прилагательное *бурный* в первом значении в словарях толкуется ‘сопровождаемый бурей’, ‘с бурей, с бурями’, ‘прил. к буря’ и т. д. В словарном толковании налицо смысловая связь с производящим словом *буря*. Это подтверждают и примеры: *Погода стояла холодная и бурная* (Новиков-Прибой). *Ночь обещала быть бурной. Сильный порывистый ветер раскачивал деревья* (Арсеньев). Тем не менее на фоне остальных значений это значение не воспринимается как главное.

На переднем плане выступают значения ‘бушующий’, ‘стремительный, неудержимый’, ‘полный событий, волнений’, ‘пылкий, неистовый’: *бурные волны, бурный поток, бурное пламя, бурная радость, бурная любовь, бурное объяснение, бурный рост промышленности* и т. п. Здесь утрачен образ бури. Даже в сочетаниях *погода была бурная, ночь была темная и бурная* (Пушкин), *бурный ветер, бурная мгла* (Пушкин), *бурный вал кипит и плещет* (Грибоедов), в которых обычно реализуется исходное значение, прилагательное *бурный* воспринимается нами как ‘неспокойный’, ‘бушующий’, ‘сильный’.

Действительно, во многих случаях переносные значения производных развиваются в таком направлении, так видоизменяют исходное значение, что разрыв семантических связей между однокоренными словами неминуем. Явное расхождение между прямым и переносным значениями можно отметить в следующих парах слов: *горький – огорчить (огорчать, огорчение), печь (пеку) – печаль, бог – обожать, плести – плестись, мрак – мрачный* (ср. *омрачить, омрачать*), *стеснять* (ср. *стеснить, тесный*) – *стесняться, поручить* (дать поручение) – *поручиться* (за кого-л.) и т. п. Ср. также возвратные глаголы и глаголы, на базе которых они возникли: *расправить (расправлять) – расправиться (расправляться)* с кем-л. (учинить расправу), *состоять – состояться, справить – справиться, находить – находиться* (где-л.), *значить – значиться, молить – молиться, добить – добиться, добрать – добратся, пытаться – пытаться (попытаться)* и др. Сюда же: *терять – теряться* (растеряться, *растерянный стоит, растерянность*), *жаловать – жаловаться* (*жалоба, жалобщик*) и т. п.

Ясно выражена тенденция к семантической декорреляции в некоторых типах соотношений «глагол – отглагольное прилагательное». Ср.: *пылать – пылкий, бить – бойкий*. Но: *хлестать – хлесткий* (*хлесткая*

статья, хлесткий парень), *весить* – *веский* (*веский довод*), *стоять* – *стойкий* и др. Прилагательные *хлесткий, веский, стойкий* отдельными своими смысловыми нитями связаны с семантикой глаголов *хлестать, весить* (через существительное *вес*), *стоять*. В первом значении прилагательное *хлесткий* толкуется: ‘такой, которым удобно хлестать; сильно, больно бьющий’. *Ремень оказался подходящим – размашистым и хлестким* (Короленко). *Веский довод* – это довод, который имеет вес (в переносном значении). Прилагательное *стойкий* (*стойкая краска, стойкий запах, стойкий характер, стойкий человек* и т. п.) поддерживает связь с отдельными переносными значениями глагола *стоять* ‘прочно удерживаться’, ‘сохраняться долго, не теряя своих качеств’, ‘защищать, отстаивать чьи-л. интересы’ и т. п.

Активно проявляется эта тенденция в процессе адъективации причастий, например, *отчаянный, рассеянный (человек), развязный* и т. п.

Семантическая декорреляция (нарушение соотносительности) однокоренных слов – явление, в русском языке получившее широкое распространение. Она охватывает целые классы слов и носит закономерный характер. Ее нельзя не учитывать при гнездовании слов.

Связи между стержневыми значениями, на базе которых осуществляется группировка слов в гнезде (образуются подгнезда), могут постепенно ослабляться и, наконец, оборваться, утратиться. Тогда гнездо расщепляется на несколько самостоятельных гнезд. Ср.: *видеть, увидеть, завидеть, видеться, видимый, видимость* и т. п. Смысловые связи между ними прозрачны и легко объяснимы. По другой смысловой линии связаны *видеть (видеть сон), видеться (сон виделся), привидеться (сон привиделся)* и *привидение* (‘то, что привиделось’). Но *ненавидеть, ненависть, ненавистный* и т. п. уже не входят в это гнездо.

Существительное *плот* и его производные *плотина, плотный, плотник* (ср. также: *плот, плотить и плести, плеть, плетень*) когда-то составляли одно гнездо. «С точки зрения современного живого общественного понимания и употребления они должны быть признаны словами непроизводными, – пишет академик В. В. Виноградов. – Каждое из этих слов, кроме изолированного *плотина* (ср., впрочем, у Даля: *плотинный, плотинщик*), является началом особой словообразовательной цепи: *плот, плотовой, плотовщик, плотный, плотность, плотно, плотнеть, уплотнить – уплотнять, уплотниться – уплотняться, уплотнение, уплотненный – уплотненность, плотник, плотничать, плотнический – плотничество, плотничий (плотничья артель), плотничный (плотничный инструмент)*).

Любопытно, что уже с 20–30-х гг. XIX в. начинают развиваться переносные значения в глаголе *сплотить* и производных от него словах *сплоченный, сплоченность, сплочение*, все более и более отдалявшие этот лексический ряд от профессиональных – *плотить, сплотить*.

Разрыв смысловых связей между подгнездами привел к образованию нескольких самостоятельных «словообразовательных баз» в гнезде *спеть*.

Например: а) *спеть, спелый, спелость, переспеть, выспевать, доспевать* и т. д.;

б) *спех, спешить, спешка, наспех спешный, поспешить, поспешный* и т. д. (ср. *подоспеть*);

в) *успех, успевать, успеваемость, успешный, успешно, безуспешный* и другие подобные.

Этимологическое гнездо слов составляют *воротить, поворотить, поворачивать, поворачиваться, разворотить, разворачивать, разворот, выворотить, выворачивать, своротить, сворачивать, отворотить, отворачивать, отворачиваться, отворот, отворотный* и т. д., *ворочать, ворочаться, ворочание, поворочаться* и т. д., *вращать, вращаться, поворачивать, поворачиваться, вращение, вращательный, возвращать, возвращаться, извращать, отвращать, отвращение, превращать, превратить, превратиться, превращение, развращать, развращаться, разврат, развратный, развратник, развратница, развратничать, развращенный, развращенность, развращение, развратитель, развратительница, совращать, совращаться, совратить, совратиться, совратительный, совращение, совращенный* и др.

В современном русском языке они уже не образуют одной семьи слов. Словообразовательные связи и смысловые нити, которые когда-то тянулись от одной группы слов к другой, от разных значений исходного слова к различным группам производных слов, разорваны. «Гнездом слов являются не вообще все слова, исторически связанные единством происхождения, а лишь те, у которых эти связи остаются открытыми, осознаваемыми. Короче говоря, пределом конкретного изучения здесь является процесс так называемого «переразложения слова». *Взять* и *предвзятый* при этом воспринимаются как члены одной группы, несмотря на то, что второе слово с чисто исторической точки зрения вряд ли может быть рассматриваемо как производное от первого. *Взять* и *понять* рассматриваются как члены разных гнезд (для современного языка), хотя исторически, в отдаленном прошлом, они были образованиями параллельными, вышли из одного гнезда»⁴.

§ 24. *Структура словообразовательного гнезда.* В простейших гнездах (микрогнездах), кроме исходного слова, – только одно производное слово:

мензурк(а)	ментор	мотель
мензуроч-н-ый	ментор-ск-ий	мотель-н-ый

Имеются гнезда с несколькими производными:

легенд(а)	лебезить	лукошк(о)
легенд-арн(ый)	за-лебезить	лукошеч-к-о
легендарн-о	по-лебезить	лукошеч-н-ый
легендарн-ость	про-лебезить	

Чаще всего словообразовательное гнездо представляет собой сложное структурное образование, состоящее из большого числа производных. Большие гнезда (макрогнезда) включают сотни, нередко по 400–500 и более образований: *ходить* – 470, *вести* – 507, *дно* – 547, *нести* (доставлять куда-л.) – 541, *половина* – 587 и т. д.

Обязательным компонентом словообразовательного гнезда является **исходное слово**. Как отмечает Г. О. Винокур, «может отсутствовать теоретически мыслимое или воображаемое посредствующее звено словопроизводственного процесса, но его первая ступень, его исходный пункт нельзя представить себе отсутствующим»⁵. В качестве исходных слов выступают непроеизводные слова: а) слова со свободным корнем: *один, озеро, окно, чай; большой, синий, бить, писать, стирать, свой, твой; две, три; вчера, здесь; кря, мяу*, б) слова со связанным корнем *прибавить, убавить, впрячь, выпрячь, запрячь, перепрячь* и т. п. Все остальные слова гнезда являются производными.

В структуре словообразовательного гнезда в качестве его минимальной единицы выступает словообразовательная пара. **Словообразовательную пару** составляют производящее и производное, например *степь – степной, дорог(а) – дороженька, дорог(а) – дорожный, чист(ый) – чистить; чистить – чистка, чистить – прочистить*.

Следующей, более крупной единицей словообразовательного гнезда на горизонтальной оси является словообразовательная цепь. **Словообразовательная цепь** – это ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности. Исходное слово цепи (оно же и исходное слово гнезда) является непроеизводным и выполняет функцию производящего. Слова последующих звеньев, кроме последнего, одновременно выступают как производные и производящие. Слово, замыкающее цепь, является только производным, не используется как

производящее. Примеры: *Нести* (исходное слово – производящее) → *с-нести* (производное/ производящее) → *снос-и-ть* (производное/производящее) → *снос* (производное/производящее) → *снос-н-ый* (производное/производящее) → *не-сносный* (производное/производящее) → *пре-несносный* (производное/производящее) → *пренесносн-о* (производное); *дыра* (исходное слово – производящее) → *дыр-яв-ый* (производное/производящее) → *дыряв-и-ть* (производное/производящее) → *про-дырявить* (производное/производящее) → *продырявл-ива-ть* (производное/производящее) → *продырявлива-ниѣ-е* (производное).

В составе гнезда на вертикальной оси в качестве основной единицы выступает словообразовательная парадигма. **Словообразовательная парадигма** – это совокупность всех непосредственно производных того или иного производящего. Так, непосредственно от исходных глаголов *калить*, *клонить* и *лудить* образованы:

калить

калить-ся
кал-ениѣ-е
кали-ль/щик
кали-ль/н-я
кали-ль/н-ый
кал-ѣн-ый
о-кал-ин-а
вы-калить
до-калить
за-калить
на-калить
недо-калить
об-калить
пере-калить
по-калить
под-калить
про-калить
рас-калить
бел-о-кали-ль/н-ый
керосин-о-кали-ль/н-ый
сам-о-кал
сам-о-кал-к-а

клонить

клонить-ся
клон
на-клонить
от-клонить
под-клонить
пре-клонить
при-клонить
с-клонить
у-клонить

лудить

лудить-ся
луд-а
луж-ениѣ-е
луди-ль/щик
луж-ен-ый
луди-ль/н-ый
вы-лудить
на-лудить
об-лудить
от-лудить
пере-лудить
по-лудить

Приведенные при каждом глаголе производные слова и составляют его словообразовательную парадигму.

Производные слова этих парадигм, выступающие в качестве производящих, имеют свои словообразовательные парадигмы. Например:

наклонить

наклонить-ся
наклон-я-ть
наклон-ениј-е
наклон
наклон-чив-ый

отклонить

отклонить-ся
отклон-я-ть
отклон-ениј-е
отклон

подклонить

подклон-я-ть

приклонить

приклон-я-ть
приклонить-ся

Таким образом, структура словообразовательного гнезда определяется соотношением единиц двух планов – синтагматического и парадигматического. В синтагматическом плане словообразовательное гнездо представляет собой совокупность словообразовательных цепочек, а в парадигматическом плане – совокупность словообразовательных парадигм.

Взаимосвязь и взаимодействие двух планов обеспечивается тем, что на словообразовательном уровне каждое производное слово одновременно вступает как в синтагматические, так и в парадигматические связи.

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по рус. яз. М., 1959. С. 421.

² Там же.

³ Улуханов И. С. Словообразовательная мотивация и ее виды // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1971. Вып. 1. С. 38.

⁴ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в. М.; Л., 1965. С. 181.

⁵ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по рус. яз. М., 1959. С. 424.

Е. А. Земская

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП»

В дериватологии принято определение словообразовательного типа (СТ), которое в качестве обязательного компонента включает общность части речи базовых основ. Ср. в Гр-80: СТ – «схема построения слов оп-

ределенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или другие словообразовательные средства)» (с. 135).

Конструируя то или иное понятие лингвистической теории, следует исходить из задачи наиболее рационального объяснения и адекватного описания фактов языка. С этой точки зрения приходится признать, что принятое сейчас понимание СТ не соответствует этим требованиям. Многие производные слова, характеризующиеся внутренним единством семантического строения, общностью способа словопроизводства и единым формантом, попадают в разные СТ, тогда как в один СТ включаются производные, имеющие в качестве базовой основы слова одной и той же части речи, но обнаруживающие различие словообразовательного значения и ономаσιологической структуры.

Рассмотрим для примера характеристику одного из СТ, данную в Гр-80: имена существительные с суф. *-ец*, имеющие общее значение «предмет (одушевленный или неодушевленный), явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом» (с. 168). Этот СТ объединяет: 1) существительные, образованные от качественных прилагательных (*храбрец* и под.); 2) «существительные, мотивированные страдательными причастиями и отглагольными прилагательными и потому опосредствованно мотивированные глаголами (*посланец, разведенец*)» (с. 168); 3) «существительные... семантически мотивированные словосочетаниями с мотивирующими прилагательными» (*Дзержинский район – дзержинец*); 4) существительные, которые «непосредственно мотивируются относительными прилагательными» (*вузовец, деповец, комсомолец, просвещенец, американец, ленинградец, стахановец* (с. 168–169).

Разнородность этого СТ очевидна. Авторы сами осознают это, разделяя этот СТ на четыре подтипа. Это решение, однако, не спасает положения. Соотносительные с качественными прилагательными слова типа *храбрец, мертвец*, как качественные характеристики, резко противостоят наименованиям по отношению к чему-либо (предмету, лицу, учреждению) типа *комсомолец, суворовец*. Этим производным противостоят существительные, в основе которых «упрятан» глагол: слова типа *просвещенец*, обозначающие отношение к сфере деятельности. Неоднородность и противопоставленность этих четырех классов производных настолько очевидна, что включение их в единый СТ, на наш взгляд, неправомерно.

Объединение в один словообразовательный тип слов по признаку принадлежности базовой основы к определенной части речи, без учета

таких противопоставлений, как прилагательные качественные/относительные, отыменные/отглагольные, приводит к тому, что понятие СТ теряет свое внутреннее единство.

Учитывая новейшие достижения в дериватологии, показывающие особую роль в словообразовании синтаксических дериватов, представляется необходимым изменить определение СТ, этой основной единицы словообразования. В один СТ следует объединять производные от базовых основ слов определенной части речи и их синтаксических дериватов. Таким образом, один и тот же тип формируют производные от основ существительных и относительных отсубстантивных прилагательных, от основ глаголов и отглагольных существительных – имен действия.

Как показывают наблюдения над живыми процессами словообразования, производные от основ субстантивов и относительных прилагательных, содержащих базовую основу существительного, с одной стороны, и от основ глаголов и отглагольных существительных, с другой, – имеют аналогичную семантическую структуру и противостоят производным от основ качественных прилагательных, которые имеют семантику совсем иного рода. Последним свойственно характеризующее, оценочное значение, тогда как производные от основ существительного и относительного отсубстантивного прилагательного содержат не выраженный явно предикат и указание на объект, инструмент, место, время или иные обстоятельства действия (*очеркист, газетчик, стадионщик, вероятностник, плановик*).

Производные от основ глаголов и отглагольных существительных содержат обозначение предиката и не выражают явно его именных распространителей (*водитель, регулировщик, разведенец, просвещенец*).

Возникает вопрос, рационально ли в качестве основной единицы классификации использовать то понятие СТ, которое было приведено выше, т. е. разъединяющее производные, базирующиеся на основах разных частей речи, но имеющие один и тот же формант и единое семантическое строение, и, с другой стороны, объединяющее в одни СТ производные, имеющие различное семантическое строение и разную ономаσιологическую структуру. Приведем еще один пример, который ярко иллюстрирует рассматриваемое явление: производные с суф. *-ость* со значением отвлеченности. Высокая активность этого и некоторых формантов влияет на их морфотактику. Возможности их сочетаемости меняются. Как пишет В. Н. Виноградова, «кажется, следует признать возможность образования в различных стилях... речи... существительных с суф. *-ость*

(-ность) в данном значении (наличие того, что названо в мотивирующей основе прилагательного. – Е. З.) от существительных же. Ср. тесную смысловую связь с существительными таких образований, как *этикетность*, *статуетность* и под.» [Виноградова, 1984, 17]. Подчеркнем, что производные на -ость могут не только семантически соотноситься с основой существительного (*облачность* – количество облаков, *этажность* – количество этажей), но и формально базироваться на основе субстантива. Таким образом, активные суффиксы распространяют сферу своего влияния на основы «чужих» частей речи, минуя формальную стадию превращения «чужой» основы в свою. По наблюдению Е. И. Голоновой, суф. -ость, закрепленный за основами прилагательных, может сочетаться непосредственно с основами субстантива: *зубр* – *зубрость* (Д. Гранин, «Зубр»). Это новообразование непосредственно произведено от основы существительного *зубр*, без стадии синтаксического деривата – прилагательного *зубровый* (должно было бы быть *зубровость*). Слово *зубрость* именуется квинтэссенцией признаков *зубра* и звучит не хуже удлинённого *зубровость*. Имеет ли смысл заводить для слова *зубрость* и подобных (а не исключено, что они могут появиться) особый СТ – иной, чем для слов *дубовость*, *древесность*, *этажность*, и под.? Думаю, что это искажало бы реальную картину действия механизма словообразования. Слово *зубрость* и под. обозначает признак в отвлечении от носителя. Он проецируется на признаковый, качественный аспект семантики базового слова. И тот факт, что базовое слово – субстантив, интересен, важен, но не должен приводить к выделению этого и подобных производных в отдельный СТ. Примерами СТ, включающих производные от основ разных частей речи, могут быть глаголы на -еть со значением ‘становиться таким’, ‘становился кем’ (*сирота* – *сиротеть*, *глупый* – *глупеть*, *умный* – *умнеть*), существительные на -изм со значением отвлеченного признака.

Итак, основными признаками производных, диктующими их объединение в СТ, на наш взгляд, является единство словообразовательного значения и форманта. Конечный продукт словопроизводства (производное слово) – в пределах СТ – характеризуется единством части речи, тогда как исходный продукт (базовая основа) может быть взят из запасов различных частей речи. Следовательно, мы предлагаем в один СТ объединять производные, включающие одно и то же СЗ, вне зависимости от того, соотносятся ли они с базовыми основами одной или разных частей речи.

ЧЛЕНИМОСТЬ ОСНОВЫ РУССКОГО СЛОВА

Морфема – это минимальная значимая часть слова. Поэтому при выявлении и идентификации морфем всегда должны учитываться два плана: звуковой и смысловой, или, как еще говорится, – план выражения и план содержания.

Есть немало слов с частичной звуковой близостью, не представляющих тем не менее морфологического тождества этих созвучных частей в силу отсутствия смысловой близости, например:

Слово *гимнастерка* в плане содержания не имеет ничего общего со словом *гимнаст*; слово *гимнаст* в свою очередь не связано семантически со словом *гимн*. В слове *потолок* нет ни префикса *по-*, ни суффикса *-ок*; в слове *батист* нет суффикса *-ист* и т. д.

Возможно и обратное: смысловая близость при отсутствии звуковой близости, например: *дядя* – *тетя* (ср. *племянник* – *племянница*), *резать* – *нож* (ср. *сеять* – *сеялка*), *стирать* – *прачка* (ср. *доить* – *дойрка*) и др.

Конечно, во всех подобных случаях не может быть и речи о членимости основы.

Членимость основы не связана непосредственно с линейной протяженностью и многослоговостью слова, хотя, конечно, нечленимые основы в среднем менее протяженны, чем членимые; можно указать немало довольно протяженных (до десяти фонем и более) нечленимых основ: *человек*, *карандаш*, *оскомин(а)*, *мандолин(а)*, *катастроф(а)*, *контрабанд(а)*, *хрестоматиј(а)* и под. Нечленимые основы чаще бывают одно- или двухслоговые, но могут состоять и из большего количества слогов.

Членимость основы базируется прежде всего на наличии в разных словах (основах) тождественного (или сходного ввиду возможности закономерных морфологических вариантов) в фонематическом отношении отрезка с тем же значением. Иначе говоря, основанием для членимости является повторяемость определенных последовательностей фонем с одинаковым содержанием.

Членимые основы распадаются на корень и аффикс (аффиксы).

Как основа устанавливается в изменяемых словах в соотношении с флексиями, а неизменяемые слова только приравниваются к основам при дальнейшем анализе, так и корень устанавливается в членимых основах в соотношении с аффиксами (если бы не было аффиксов, то не было бы и корня), а нечленимые основы могут быть приравниваемы к корню.

Определять корень как нечленимую, невыводимую (непроизводную) основу или как морфему, которая может использоваться без аффиксов,

нельзя потому, что хотя корень и не может быть членом или выводим, но есть корни, которые встречаются всегда в сопровождении аффиксов (например: *скрип-к(а)* – *скрип-(ач)* и никогда не могут выступать в качестве нечленимой основы, а самое главное потому, что корень противопоставляется аффиксам не только формально, но и по значению в слове.

Помимо того, что корень может выступать в качестве нечленимой основы, между корнем и аффиксами есть ряд и других формальных отличий, из которых самое существенное – незакрепленность места корня в слове: в членимой основе один и тот же корень может стоять в начале, в середине и в исходе основы, например: *зем-н(ой)*, *под-зем-н(ый)*, *о-земь*; *город-ск(ой)*, *за-город-н(ый)*, *при-город*. Аффиксы же строго связаны постоянным местом в основе по отношению к корню и флексии, и самая классификация их строится по месту их положения в слове: префиксы, суффиксы и др.

Корни нельзя задать списком, ввиду их количественной неограниченности, с чем связано и безграничное разнообразие значений корней. Аффиксы же, ввиду их количественной ограниченности, можно задать списком. Вместе с тем активные аффиксы значительно частотнее в слове самых активных корней (так, например, с корнем *зем-земл'-*, – насчитывается около ста слов, тогда как с суффиксом *-тель* – свыше 500 слов). В корнях встречаются все фонемы современного русского языка, а для различных групп аффиксов существуют определенные ограничения в области согласных фонем.

Однако формальные отличия корневых и аффиксальных морфем не могут служить достаточным критерием для разграничения корня и аффиксов, поскольку эти отличия свойственны различным корням в разной степени.

Поэтому-то основное определение корня должно строиться на его семантической роли в слове. Корень – это морфема с основным лексическим значением слова, а аффиксы – морфемы с дополнительным лексическим или грамматическим значением.

Членимые основы могут обладать свойством членимости в различной степени в зависимости от структуры слова и соотношения его частей на фоне всей словообразовательной системы языка; переходимой грани между членимыми и нечленимыми основами нет, поскольку минимальная степень членимости граничит с нечленимостью.

Степени членимости устанавливаются прежде всего в зависимости от того, одна или обе (все) значимые части основы повторяются в других словах с тем же значением. Если обе значимые части основы встречаются в других словах с тем же значением, можно говорить о двусторонней

сопоставимости; если только одна из значимых частей основы встречается в других словах с тем же значением, можно говорить об односторонней сопоставимости.

ЧЛЕНИМОСТЬ ОСНОВЫ ПРИ ДВУСТОРОННЕЙ СОПОСТАВИМОСТИ

Двусторонняя сопоставимость встречается среди членимых основ наиболее часто, и, казалось бы, требует меньше всего замечаний и иллюстраций. Однако основы с двусторонней сопоставимостью морфем не представляют единства по степени вычленяемости корневой морфемы. В зависимости от того, встречается ли корневая морфема в свободном виде, т. е. выступает в других словах в качестве основы без аффиксов, или не выступает, можно различать полную свободную членимость, или полную членимость 1-й степени, и полную связанную членимость, или полную членимость 2-й степени.

А. Полная свободная членимость, или полная членимость 1-й степени, наблюдается тогда, когда обе части основы с тем же значением или функцией (назначением) наличествуют и в других основах, причем корень встречается и в виде самостоятельной основы, например: *сил-ач* – ср. *сил-ов(ой)*, *ловк-ач*, *сил(а)*, *школь-н(ый)* – ср. *школь-ник*, *комнат-н(ый)*, *школ(а)*.

Замкнутость или незамкнутость ряда структурно сходных слов не имеет существенного значения для констатации характера членимости. Так, например, всего в нескольких словах основы прилагательных сочетаются с аффиксом *-ынь*: *тепл-ынь*, *жар-ынь*, *светл-ынь* (ср. нечленимые *попынь*, *латынь*). Более того, в принципе для утверждения полной свободной членимости достаточно даже двух слов одного морфемного состава, при наличии свободного использования корня, например: *худ(ой)* – *худ-ощав(ый)*, *сух(ой)* – *сух-ощав(ый)*; *жи(ть)* – *жи-знь*, *боле(ть)* – *боле-знь* и т. п., хотя многочисленность однотипных образований обостряет субъективное ощущение членимости основы.

Основы, обладающие полной свободной членимостью, всегда морфологически выводимы.

Б. Полная связанная членимость, или полная членимость 2-й степени, наблюдается тогда, когда обе части основы с тем же значением или функцией наличествуют в других словах, но корень не встречается в виде самостоятельной основы. Обычно в таких случаях говорят о связанных основах, но точнее было бы говорить о связанных корнях, потому что части основы, связанные аффиксами, обычно являются корнями:

а) корни, связанные суффиксами: *боч-к(а)*, *боч-онок*, *боч-ар*; *хозяйств(о)*, *хозяй-нича(ть)*, *хозяй-к(а)*, *тряп-к(а)*, *тряп-ј(о)*, *тряп-иц(а)*; *марин-ад* (ср. *лимон-ад*), *марин-ова(ть)*, *обая-нищ(е)*, *обая-тельн(ый)* и т. п.;

б) корни, связанные префиксами: *со-вет*, *при-вет*, *от-вет*, *за-вет*, *на-вет* (выделяется корень *-вет-* с общим значением коммуникативности; ср. *свет*, где нет членимости); *за-ня(ть)*, *на-ня(ть)*, *при-ня(ть)*, *с-ня(ть)*, *под-ня(ть)*; *об-у(ть)*, *раз-у(ть)* и под.;

в) корни, связанные суффиксами и префиксами: *со-суд*, *по-суд(а)*, *суд-к(и)*; *веж-лив(ый)*, *не-веж(а)*; *ул-иц(а)*, *пере-ул-ок*; *достовер-н(ый)*, *у-достовер-и(ть)*;

г) иные случаи связанности корней: *руш-и(ть)ся*, *раз-руш-и(ть)*, *не-руш-им(ый)*; *пал-ец*, *шест-и-пал(ый)*.

Именно об этом разряде основ с двусторонней сопоставимостью следует сказать, что они морфологически невыводимы.

ЧЛЕНИМОСТЬ ОСНОВЫ ПРИ ОДНОСТОРОННЕЙ СОПОСТАВИМОСТИ

Основы с односторонней сопоставимостью также не представляют единства по степени членимости. В зависимости от того, какая морфема выступает в качестве сопоставимой: корневая или аффиксальная, – можно различать достаточную членимость и недостаточную членимость.

А. Достаточная членимость наблюдается тогда, когда сопоставимой морфемой выступает корень, а несопоставимой – морфема с деривационным значением. Основы с достаточной членимостью в свою очередь представляют две степени членимости в зависимости от того, являются ли данные сопоставимые корни свободными или связанными.

1. Достаточная свободная членимость, или достаточная членимость 1-й степени, наблюдается тогда, когда данный сопоставимый корень может выступать и самостоятельно в качестве безаффиксной основы.

В современном русском языке довольно много слов, относящихся к этой разновидности членимости. В основном это имена существительные, в меньшей мере – прилагательные и наречия. Из деривационных морфем несопоставимыми чаще бывают постфиксальные отрезки, функционирующие на правах суффиксов, реже – префиксальные отрезки, функционирующие на правах префиксов.

а) Несопоставимые постфиксальные морфемы:

В существительных: *ваз-он*, *котл-ован*, *коз'-ол*, *стякл'-арус*, *детв-ор(а)*, *чист-оган*, *четвер-г*, *мяк-оть*, *овс'-уг* (сорное растение, семена которого похожи на овсяные, но не годятся в корм), *юмор-эск(а)* и т. п. В прилагательных и наречиях: *бел'-эс(ый)*, *обој-удн(ый)*, *наг-ишом* и под.

б) Несопоставимые префиксальные морфемы встречаются значительно реже и вследствие этого, а также в силу большей лексичности и регулярности префиксов, в меньшей мере сближаются с сопоставимыми префиксальными морфемами: *зако-ул-ок* (ср. улица, переулок), *ра-дуга* (ср. дуга), *му-сор* (ср. сор), *кур-нос(ый)* (ср. нос), *ба-хвалиться* (ср. хвалить).

Основы с достаточной свободной членимостью можно считать выводимыми, хотя их несопоставимые деривационные аффиксы и несистемны.

В связанном отрезке *жестикул'*- (см. выше) устанавливается свободная достаточная членимость: сопоставимый корень *жест'*- и несопоставимый аффикс *-икул'*-. Ср. то же в связанном отрезке *драмат*-, в пределах которого свободная достаточная членимость *драм-ат*.

2. Достаточная связанная членимость, или достаточная членимость 2-й степени, наблюдается тогда, когда данный сопоставимый корень не выступает в качестве безаффиксной основы. Этот разряд основ не отличается многочисленностью.

Например, слово *ячмень* сопоставляется со словом *ячневый*, в котором выделяется корень *яч*- и сопоставимый суффикс *-мень*- (ср. *гречнев(ый)*), поэтому слово *ячмень* само членился на сопоставимый корень *яч*- и несопоставимый суффикс *-мень*. То же самое в слове *чур-бан*, ср. *чур-к(а)*.

Такие основы не могут считаться морфологически выводимыми на том же основании, что и основы с полной связанной членимостью.

Б. Недостаточная членимость наблюдается тогда, когда сопоставимой морфемой выступает морфема с деривационным значением, а несопоставимой – корневая морфема.

Именно в этом разряде слов возникают наибольшие недоумения и несогласия среди исследователей, так как аффиксальная часть в данных случаях выделяется на основании общего семантического сходства ряда слов, а последнее зачастую устанавливается произвольно.

Для большей точности и объективности и здесь следует отметить две степени членимости: недостаточную членимость одних слов, поддержанную полной членимостью других, и недостаточную членимость ряда слов, не поддержанную полной членимостью других, или недостаточную членимость 1-й и 2-й степени.

1. Недостаточная членимость одних слов, поддержанная полной членимостью других, наблюдается тогда, когда в ряду слов, близких по общему значению и по фонемному составу конечной части, основы одних имеют полную членимости, а основы других не имеют, но по аналогии с первыми члениются и выделяют несопоставимый корень.

Например, в словах *палач, врач, басмач*, со значением лица, выделяется суффикс *-ач* на том основании, что в других словах со значением лица суффикс *-ач* выделяется на основании двусторонней сопоставимости: *труб-ач, цирк-ач, сил-ач, рв-ач*.

В современном языке есть существительные с суффиксом *-арь* (ударным и безударным), выделенным на основании двусторонней сопоставимости: *аптекарь, лекарь, пекарь, дикарь, главарь, бунтарь, звонарь* и под. На фоне этих членимых слов членятся и такие, как: *токарь, слесарь, рыцарь, кустарь*.

Различные языковые факторы обостряют свойство членимости в основах, подобного рода.

Во-первых, наличие значительного количества слов с полной членимостью основы, например: *студент, пациент, доцент, клиент, абитуриент* – все эти слова обозначают лицо по определенному свойству. Наряду с этими словами есть многочисленные другие с тем же общим значением, но с основой, обладающей двусторонней сопоставимостью: *референт* (реферировать), *претендент* (претендовать), *рецензент* (рецензировать), *оппонент* (оппонировать), *ассистент* (ассистировать), *абонент* (абонировать) и т. п. В последних выделяется суффикс *-ент*, что позволяет нам выделить его и в первых.

То же самое наблюдается и с суффиксом *-ант*: *аспирант, лейтенант, дилетант, квартирант, оркестрант, диверсант, дипломант, спекулянт, курсант* и под.

Во-вторых, узкая специализация однотипных образований также способствует обострению недостаточной членимости основ, например, существительные, оканчивающиеся на *-олог* всегда обозначают лицо по специальности. Такая однозначность образований, при наличии некоторого количества членимых основ (например: *египтолог, тюрколог, рентгенолог* и др.), позволяет признать членимыми все подобные слова, типа: *энтомолог, орнитолог, миколог* и т. п. <...>

К узкоспециальным можно отнести также названия воспалительных процессов и заболеваний различных органов на *-ит* (хотя этот же суффикс используется еще и для названий веществ и материалов): *менингит, бурсит, перитонит, отит, гастрит, колит* и т. п. – ср. *плеврит* (ср. плевра), *бронхит* (ср. бронхи), *трахеит* (ср. трахея).

Иногда оба эти свойства совмещаются в одном ряду основ. Так, на фоне огромного количества отглагольных существительных с суффиксом специализированного значения *-(e)ниј(e)* членятся и немногочисленные существительные с односторонней сопоставимостью: *изживание, рвение, достояние, состояние* и под.

Префиксы, более лексичные по своей природе, демонстрируют более явную членимость основы невыводимых слов.

Так, например, префикс не встречается преимущественно в прилагательных с значением отрицания некоего признака: *недалекий, неспособный, неуспевающий, непроходимый, незавидный, неаккуратный, неопрятный, несимпатичный, неверный, небольшой, нехороший, некрасивый* и т. п. Если же *не-* присоединяется к прилагательному со значением отрицательного признака, то выводимое прилагательное обозначает уже признак положительный: *неглупый, неплохой, небезопасный, небезнадежный* и под. Поэтому, когда мы встречаем прилагательное, начинающееся с *не-* и не имеющее коррелята, без *не-*, но имеющее отрицательное значение, мы вправе значение отрицательности свойства приписывать отрезку *не-* и считать его на этом основании префиксом, например: *нелепый, несуразный, несусветный, небрежный, невзрачный, нерадивый* и т. п.

Если не считать прилагательных, выводимых из существительных, типа: *небесный, недельный, нефтяной, нервный* и под. – то в русском языке есть только одно прилагательное с корнем, начинающимся на *не-*: *немой*. Хотя и это прилагательное обозначает отрицательный признак, но *не* нельзя считать префиксом, поскольку в русском языке нет прилагательных с корнем из одной фонемы.

В таких глаголах, как: *изошцриться, истребить, исчезать*, – можно предположить наличие префикса *из-*. Глаголы с префиксом *из-* могут иметь в современном русском языке значение полноты, исчерпанности действия: *избаловать, изранить, избороздить, искромсать, исцарапать, истерзать* и под., и реже – пространственное значение направления изнутри: *извергать, извлекать, изгонять, изымать, исключить*. Эти значения есть и в приведенных выше глаголах, что позволяет членить их основы и видеть в них приставку *из-*.

В таких глаголах, как *улепетывать, улепетнуть, улизнуть*, выделяется префикс *у-* на том основании, что во всех глаголах движения при двусторонней сопоставимости начальное *у-* является префиксом: *убежать, увезти, уволить, уволакивать, уносить, убрести* и даже *убыть* (солдат *убыл* в отпуск) – сам по себе глагол *быть* относится не к глаголам движения, а к глаголам существования, но префикс может сообщать ему значение движения, ср.: *отбыть, прибыть*.

Все подобные основы с недостаточной членимостью 1-й степени морфологически невыводимы.

2. Недостаточная членимость, не поддержанная полной членимостью, или недостаточная членимость 2-й степени.

Если взять четыре названия последних месяцев года: *сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*, – то ясно, что у них есть общая часть *-абрь*. Можно ли на этом основании членить эти основы и связывать с отрезком *-абрь* значение «название месяца». С одной стороны, можно, потому что ни в каких других словах, кроме названий месяцев, такой конечной части нет, а малое количество слов не имеет принципиального значения. Но, с другой стороны, в названиях восьми остальных месяцев не выделяется никаких общих частей, следовательно, это классифицирующее значение не получает в них никакого формального выражения. Пополнение же этого ряда слов логически невозможно. <...>

Остановимся еще на одной группе слов, которую обычно привлекают при анализе структуры основы – на существительных: *малина, смородина, рябина, калина* и под. Можно ли утверждать, что в этих словах выделяется суффикс *-ин(а)* и что он обозначает ягоду?

Во-первых, в названиях ягод встречается самое разнообразное оформление: *облепиха, черемуха, крыжовник, клюква, вишня, морошка, моховка, слива* и др. Одно из таких оформлений можно отнести к членимым основам, поскольку в части таких слов наблюдается двусторонняя сопоставимость, а другая часть может быть отнесена к членимым на фоне первых: *земляника, костяника, черника, голубика, клубника – брусника, княженика, поляника, ежевика*.

<...> И все же нельзя утверждать, что суффикс *-ик(а)* вообще имеет значение ягоды, поскольку с этим суффиксом встречаются названия и других растений: *повилика, гвоздика, метлика* (растение из семейства злаков).

Нельзя сказать и про часть *-ин(а)*, что она обозначает ягоду, потому что на *-ин(а)* оканчивается ряд названий и других растений: *осина* (дерево), *крушина* (кустарник), да и самые слова *рябина, малина, калина* и под. в первую очередь имеют значение растения (дерева, кустарника) и только с точки зрения потребителя значение ягоды выступает на первое место.

<...> Во-вторых, суффикс *-ин(а)* имеется в различных многочисленных рядах слов с самым разнообразным значением: *конина, баранина, осетрина* и др., *горошина, жемчужина, соломина* и др.; *молочина, дурочина* и др. Встречается суффикс *-ин(а)* и в отдельных словах, не объединяющихся в ряды по значению: *судьбина, лавина, середина, щербина* и под. Суффикс *-ин(а)* имеет очень общее предметное значение, и поэтому он, соединяясь с разнообразными основами, участвует в структуре слов весьма разнообразного значения.

Кроме того, есть немало слов с нечленимой основой, заканчивающихся на *-ин(а)*: *ангина, дрезина, корзина, машина, резина, рутина* и др.

Поэтому предположить наличие суффикса *-ин(а)* в словах *малина, смородина, калина, рябина* и под. можно, хотя, конечно, не со значением ягоды, но достаточно убедительных доказательств для этого нет. <...>

Таким образом, недостаточная членимость основы, не поддержанная полной членимостью, так и остается недостаточной, т. е. по существу граничит с нечленимостью.

О морфологической выводимости основ с недостаточной членимостью 2-й степени, конечно, не может быть и речи.

* * *

Итак, устанавливаются следующие степени членимости:

1. Полная членимость 1-й степени: *школьн(ый)*.

Полная членимость 2-й степени: *хозяй-ств(о)*.

2. Достаточная членимость 1-й степени: *коз'-ол*.

Достаточная членимость 2-й степени: *яч-мень*.

3. Недостаточная членимость 1-й степени: *не-радив(ый)*. Недостаточная членимость 2-й степени: *сент'-абрь*.

Что касается морфологической выводимости основ разной степени членимости, то она свойственна только тем основам, которые сопоставляются со свободными корнями, т. е. основам полной членимости 1-й степени и основам достаточной членимости 1-й степени. Остальные случаи членимых основ не представляют морфологической выводимости.

МОРФОЛОГИЯ

В. В. Виноградов

РУССКИЙ ЯЗЫК (ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

<...>

§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи

Термин грамматика – даже в лингвистической литературе – употребляется в двух значениях: и как учение о строе языка, и как синоним выражения «строй языка».

Под грамматикой обычно понимают систему языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, синтагм и предложений, и самый отдел лингвистики, исследующий эту систему. В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм; 2) учение о словосочетании, о его формах и его типах; 3) учение о предложении и его типах, о компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцепления предложений, о сложном синтаксическом целом (фразе). Учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов обычно называется морфологией и отделяется от синтаксиса как учения о словосочетании и предложении.

«Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни – в составе речи», – так формулировал эту точку зрения проф. В. А. Богородицкий¹. Против такого деления грамматики есть серьезные возражения, так как границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Часть грамматических явлений, относимых к морфологии, легко находит себе место в синтаксисе и лексикологии. Синтаксис не может обойтись без учения о слове как о составной части предложения. «Всякое изменение слова по заданию предложения понятно лишь на его общем фоне и не может рассматриваться отдельно от него»².

Другая часть морфологии, исследующая и излагающая методы образования слов, может войти в лексикологию, т. е. в учение о словаре, о за-

кономерностях изменений лексической системы языка. Таким образом, положение морфологии как науки о строении и образовании слов и форм слов оказывается непрочным. Ф. де Соссюр писал: «Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму... Но это различие – обманчиво... формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»³. Мысль о том, что морфологию следует свести к синтаксису, стала общим местом некоторых направлений лингвистики. Так, например, С. Д. Кацнельсон заявляет: «Иллюзия независимости и автономности формы слова привела к отрыву морфологии от синтаксиса. Поддаваясь иллюзии, наука долго рассматривала слово как исходный пункт грамматического анализа. Между тем, форма слова есть лишь частный случай формы словосочетания, проявляющейся здесь лишь в более сложном и искаженном виде. Форма слова подлежит поэтому сведению к формам словосочетания, так же как морфология в целом подлежит сведению к синтаксису»⁴.

На этой же почве возникает противопоставление синтаксиса лексикологии. С этой точки зрения происходит пересмотр отношений между синтаксисом и лексикологией. Некоторые лингвисты склонны и синтаксис, и лексикологию считать частями грамматики. Академик И. И. Мещанинов пишет: «Учение о слове, выделяемое в особый отдел (лексикология), не может быть изъято из грамматического очерка. Нельзя учение о формальной стороне слова с его значимыми частями (морфемами) отделять от учения о значимости самого слова. Изъятие лексикологии из грамматического очерка вредно отражается и на историческом понимании языковых категорий». Поэтому И. И. Мещанинов предлагает делить грамматику (за вычетом фонетики) на лексику (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка) и синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом)⁵. Сама по себе мысль о тесной связи грамматики и словаря не нова.

Академик Л. В. Щерба так проводил пограничную черту между описательной грамматикой и словарем «В описательной «грамматике» должны изучаться лишь более или менее живые способы образования форм слов и их сочетаний, остальное – дело словаря, который должен содержать между прочим и список морфем»⁶. Однако эта схема слишком прямолинейна. Она не затрагивает общего вопроса о скрещении и взаимодействии грамматики и лексики, а только очерчивает автономные области той и другой.

Шире эта проблема освещена в «Курсе общей лингвистики» де Соссюра. Де Соссюр указывал на взаимопроникновение грамматических и лексических форм и значений в живой системе языка. «Логично ли исключить лексикологию из грамматики. На первый взгляд, может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, которое обычно сосредоточивается на отношениях между словами. Но множество этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами» (с. 130).

С точки зрения функции лексический факт может сливаться с фактом грамматическим. Так, различие видов (совершенного и несовершенного), в русском языке выражено грамматически в случае *спросить* – *спрашивать* и лексикологически в случае *сказать* – *говорить* (ср.: *брать* – *взять*; *ловить* – *поймать*). <...>

«Всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенным не отличается от члена фразы, т. е. факта синтаксического: распорядок составляющих его единиц низшего порядка подчиняется тем же основным принципам, как и образование словосочетаний» (с. 131). «Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется по существу тождественным характером всех синхронических фактов» (с. 131). Однако лексика не покрывается целиком грамматикой.

Лексика и грамматика «как бы два полюса, между которыми развивается вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексикологического инструмента – немотивированного знака, с другой стороны – предпочтение, оказываемое грамматическому инструменту – правилу конструкции»⁷. <...>

И все же безраздельное включение лексикологии в грамматику представляется недостаточно мотивированным. У лексикологии как учения о составе и системе словаря, о закономерностях исторических изменений систем лексики и их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений остается свой материал, свой метод и свой объект исследования.

<...> ... в реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно.

Если признать права лексикологии на самостоятельность – за пределами грамматики, то область грамматики становится областью почти безраздельного господства синтаксиса. Но и в самом синтаксисе центральная его часть – учение об основных синтаксических категориях, об основных синтаксических единицах (о словосочетании, о предложении, о сложном синтаксическом целом, о синтагме как компоненте этого сложного целого), об основных синтаксических отношениях (об отношениях модальности, об отношениях между членами предложения и об отношениях между предложениями) – будет окружена со всех сторон побочными, вводными темами, задачами и проблемами, которые не связаны непосредственно с изучением словосочетания и предложения. Эти вопросы группируются вокруг своих центров – учения о слове и его формах, учения о морфологических элементах и категориях, управляющих их связью, и т. п. Понятно, что и тут нередко вскрывается синтаксическая сущность морфологических категорий, но здесь выступают и другие формы и отношения, в которых сказывается синкретическая природа языка и которые лишь с большой натяжкой могут быть удержаны в системе синтаксиса.

В связи с этим само понятие синтаксиса становится расплывчатым, неопределенным.

Представляется более целесообразным при изложении грамматики современного русского языка исследовать и группировать грамматические факты исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий языка, определяющих связи элементов и их функции в строе языка. А такими центральными понятиями являются понятия слова и предложения. Они соответствуют «основным единицам языка»⁸. Эти единицы исторически изменчивы и во всякой живой языковой системе соотносительны и дифференциальны. Словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются со словами (ср.: *вверх дном, спустя рукава, бить баклуши* и т. п.). Напротив, в свободных фразах основным конструктивным элементом оказывается то же слово с его разнообразными грамматическими формами и лексическими значениями. Словосочетание – это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице языка.

Ф. де Соссюр заметил: «На первый взгляд, кажется подходящим уподобить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-нибудь зоологический вид; но это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия; напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами»⁹. Однако это не значит, что теория словосочетания не может быть особым разделом грамматики. Типы словосочетаний, формы и правила их построения – необходимая часть грамматического учения. Но эта часть ближе к грамматическому учению о слове, чем к учению о предложении¹⁰. Таким образом, наиболее рациональным делением грамматики (если не включать в нее фонетику) было бы деление ее на: 1) грамматическое учение о слове; 2) учение о словосочетании; 3) учение о предложении; 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях.

Впрочем, третий и четвертый разделы грамматики большинством лингвистов объединяются, хотя такое объединение чаще всего приводит к двусмысленности или неопределенности таких понятий, как «предложение», «фраза», «синтагма».

Понятно, что каждый из этих основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций. «Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которую она облечена»¹¹.

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 207.

² Мещанинов И. И. Общее языкознание. М., 1940. С. 35.

³ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 130.

⁴ Кацнельсон С. Д. Краткий очерк языкознания. Л., 1941. С. 34.

⁵ Мещанинов И. И. Общее языкознание. С. 37.

⁶ Щерба Л. В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений // Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.

⁷ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. С. 129.

⁸ См.: Калинович М. Поняття окремого слова // «Мовознавство». 1935. № 6.

⁹ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. С. 108.

¹⁰ Bloomfield L. Language. N. Y., 1933. P. 177–178.

¹¹ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. С. 133.

ЗАМЕТКИ О ГРАММАТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

1. В философско-лингвистическом плане грамматическое значение — это особый тип «образов» или «отображений» действительности в сознании коллектива; «образы» этого типа характеризуются, во-первых, тем, что они соотнесены не с отдельными предметами и явлениями, а с теми или иными сторонами целых классов индивидуально различных предметов и явлений; во-вторых, «образы» этого типа выражены не совокупностью морфем одного отдельного слова, а совокупностью функционально тождественных (и не обязательно одинаковых формально-физически) показателей целого класса слов.

Если это так, то каждое грамматическое значение историко-генетически «мотивировано» теми или иными сторонами и отношениями реальной действительности; в этом смысле любое грамматическое значение реально. Однако, во-первых, «мотивированность» грамматического значения принципиально иная, нежели мотивированность значения слова *перчатки*, которым иллюстрирует свои размышления о грамматическом значении А. В. Исаченко¹. А во-вторых, далеко не каждое грамматическое значение, мотивированное действительностью историко-генетически, сохраняет эту мотивированность в живом функционировании языка наших дней. Грамматические значения, подобно лексическим, могут «размываться» и «стираться» историей языка. Примеры тому — значения рода, склонений и спряжений в русском языке. В отдельных случаях грамматическое значение отражает не общие признаки различных предметов, а общие признаки самих слов. Кроме того, грамматические значения могут возникать не только на основе языкового обобщения сторон и отношений действительности, но и на основе внутреннего развития, преобразования в самой системе и структуре языка. Так возникло внутреннее расчлененное значение прошедшего времени современного русского глагола, «сконденсировавшее» и, разумеется, преобразовавшее систему значений прошедшего времени древнерусского глагола. Нельзя, конечно, утверждать, что такое «внутреннее» развитие значений никак не мотивировано действительностью, однако именно в таких случаях и могут возникать большие или меньшие несоответствия между нашими логическими и грамматическими отображениями действительности. Логические «образы» действительности (понятия и представления) формируются на основе более или менее «прямого» ее отображения в мышлении и — шире — сознании человека; грамматические же «образы» (грамматические значения) — на основе отображения, опосредствованного уже сложив-

шейся грамматической структурой и системой. Различны пути исторического развития тех и других «образов», различна их природа, различен характер и степень их мотивированности действительностью.

2. В собственно лингвистическом плане грамматические значения – это один из типов языковой семантики, связанный с другими типами ее (лексическим и словообразовательным значениями), но и противопоставленный им. Лингвистическое понимание грамматического значения требует, таким образом, отграничения его от других значений слова. Лексическое значение слова индивидуально: оно закреплено и выражено совокупностью формально-физических элементов данного слова и совокупностью его индивидуальных соотношений с другими словами внутри языка.

Значение словообразовательное, в сопоставлении с лексическим, окажется групповым: оно закреплено и выражено тождеством формально-семантических соотношений между производящей и производной основами в определенной группе слов (*чита-тель, сея-тель, писа-тель, учи-тель, строи-тель; за-читать-ся, за-смотреть-ся, за-играть-ся, за-спать-ся, за-сидеть-ся, за-думать-ся*); это значение присуще лишь тем словам, в структуре которых ясно осознается соотношение производящей и производной основ. Грамматическое значение принадлежит не одному слову и не группе их, а целому классу; оно закреплено и выражено прежде всего тождеством формально-семантических отношений между так называемыми «грамматическими формами слова», т. е. его разновидностями, тождественными лексически. Слово *печь* мало похоже формально-физически на слово *бежать*; и отдельные «грамматические формы» этих слов расходятся в своем внешне-формальном облике: *пек* и *бежал*, *печешь* и *бежишь*, *пекший* и *бежавший* и т. д. И тем не менее системы соотношений между формами одного слова и, соответственно, формами другого слова – тождественны.

Таким образом, лексические значения оказываются первой ступенью языкового отображения и обобщения действительности и материалом для языкового обобщения фактов самого языка. Словообразовательные значения – вторая ступень языкового отображения и обобщения действительности и первая ступень языкового обобщения фактов самого языка (лексики). Грамматические значения – третья ступень языкового отображения и обобщения действительности и вторая ступень языкового обобщения фактов самого языка (лексики и словообразования). Эта схема, по-видимому, в общем соответствует исторической последовательности выделения собственно лексики, словообразования и грамматики.

Примечательно и то, что различия трех типов значений по степени абстракции связаны и с различиями в степени определенности языковых средств формального выражения соответствующих значений. Для выражения лексического значения нужна индивидуальная словесная форма – звуковая словесная оболочка индивидуальной структуры. Для словообразовательного значения нужна повторяемость – в определенном кругу словесных оболочек – вполне определенных формальных признаков, обычно аффиксов. Для грамматического же значения нужна прежде всего типовая схема формальных соотношений между разновидностями слов, при которой формальное тождество одноименных разновидностей разных слов не является обязательным: род, падеж мн. числа выражается в современном русском языке, по крайней мере, пятью «формами» (-ов, -ей, -ий, нуль, отсутствие окончания в словах типа *кино*, *пальто*); «формы», выражающие одно и то же значение, должны быть тождественны функциональны, но не обязательно физически.

3. Грамматическое значение, будучи принадлежностью целого класса слов, выражается и в каждом отдельном слове этого класса. Тождество грамматического значения во всех словах целого класса предполагает, казалось бы, и тождество формальных показателей этого значения в пределах всего класса. Однако, как известно, реальная картина соотношений между грамматическими значениями и формальными средствами выражения этих значений не столь ясна.

Возникает вопрос: выражается ли грамматическое значение слова всей совокупностью его формально-физических структурных частей и признаков или же лишь особыми, «грамматическими, формальными признаками»? Второе предположение отводится по двум мотивам: а) сами по себе формальные средства грамматики (-а, -ом, -ишь, -е, -о, -л, -ть) «ничего не значат»; б) грамматическое значение – это отвлечение от лексических значений; выражаться и существовать в отрыве от них оно не может. Таким образом, каждое грамматическое значение **выражается всей совокупностью формальных признаков слова, необходимых и для выражения лексического его значения.** Грамматическое значение слова *книга* выражено отнюдь не одним его окончанием. Однако не все формальные признаки слова специфичны для выражения грамматического значения как значения класса слов. Видимо, формальные признаки, меняющиеся от слова к слову в пределах класса (*ид-ешь*, *бер-ешь*, *вез-ешь*, *чита-ешь*, *работа-ешь*), неспецифичны для грамматического значения и участвуют в его выражении не прямо, а косвенно – в качестве специфических выразителей лексического значения. Прямо же выражают грамматическое значение и оказываются специфичными для него

лишь те признаки, которые следуют за «своим» значением из слова в слово в пределах целого грамматического класса. Именно такие признаки наука традиционно и признает формальными показателями грамматических значений. Здесь же возникает вопрос о «синонимии формальных показателей», или «синформии», в выражении одного и того же грамматического значения. Это явление распространено достаточно широко, чтобы привлечь к себе более пристальное, чем это есть, внимание. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что значение «процесса» (основное грамматическое значение глагола) передается в русском языке целой системой различных формальных показателей, если иметь в виду разные формы одного и того же глагола. Иной характер «синонимия формальных показателей» получает тогда, когда по-разному выражается одно и то же «частное», или «сопутствующее», грамматическое значение, например значение родительного падежа. Конечно, различие синонимии слов и «синонимии формальных показателей» по их природе очевидно: первая предполагает близость лексических значений, вторая – тождество грамматических.

Факты языка дают основание различать «собственные» для слова и «заимствованные» формальные показатели. Так, слова типа *пальто*, *кино*, *радио* не имеют собственных формальных показателей различных падежных значений и значений рода и числа. Эти значения выражаются благодаря заимствованию формальных показателей у слов-соседей: имена прилагательные, словопорядок и другие явления структуры словосочетания и предложения временно используются для выражения нужных значений. Все еще не вполне ясно, каковы типы и где пределы таких «заимствований». Невольно вспоминается очень смелая и динамичная мысль академика Л. В. Щербы о том, что «внешними выразителями» грамматических значений (или категорий) могут быть изменяемость слов и аффиксы, интонация и словопорядок, вспомогательные слова и синтаксические связи, а также многие иные средства языка².

К тому же, строго говоря, грамматическое значение выражается не тем или иным формальным показателем, прямым или косвенным, «собственным» или «заимствованным». Такой формальный показатель необходим, но недостаточен. Всегда нужна определенная, исторически сформировавшаяся и функционирующая система грамматических форм, свойственных словам определенного класса, или «междуклассовая» система слов и их форм. Только на фоне такой системы и по связи с нею возникает и осознается то или иное грамматическое значение: *глубоко* (нареч.) – *глубоко* (прилаг.); *зрел* (гл.) – *зрел* (прилаг.); *рабочий* (сущ.) – *рабочий* (прилаг.) и т. д. Так, звуковой комплекс *зрел* мы осознаем либо

как глагол, либо как прилагательное в зависимости от того, в какой системе соотношений его увидим или представим: *зрел – зрелы – зрелыми и зрел – зреет – будет зреть*.

4. Как бы прозрачны или запутанны ни были соотношения грамматических значений и их формальных показателей, в грамматике обязательно и то и другое (но отсюда еще далеко до оправдания принципа изоморфизма!). Это факт хорошо известный и не требующий доказательств. Практика исследования сделала соответствующие ему выводы: нужно изучать не грамматические значения сами по себе и не их формальные показатели сами по себе (хотя такое раздельное изучение иногда возможно и полезно), а реально существующие в языке единства тех и других. Именно за этими единствами практика исследования (не грамматическая теория!) и закрепила термин «грамматическая категория». <...>

... элементарное и минимально-достаточное определение грамматической категории может гласить: это реально существующее в языке единство грамматического значения и формальных средств его выражения. Такое определение может быть признано слишком общим: оно отграничивает категории от языковых единиц, но не устанавливает различий между самими категориями. Поэтому оно может быть расширено и при этом конкретизировано: грамматическая категория – это определенное единство грамматического значения и средств его формального выражения, отождествляющее определенный ряд языковых единиц. Это может быть ряд слов (категории имени существительного, глагола, склонения и рода существительных, глагольных классов и т. д.); это может быть ряд словесных форм (категории падежа, числа, наклонения, времени, рода в именах прилагательных и т. д.); это может быть ряд «словесных позиций» в высказывании (категории подлежащего, сказуемого, дополнения, обособления, вводности, однородности, обращения и т. д.); это может быть и ряд словесных конструкций (категории предложения простого и сложного, односоставного и двусоставного, повествовательного и вопросительного, личного и безличного и т. д.). Таким образом, возникает проблема общей типологии грамматических категорий, подразделяемых прежде всего на категории слов, категории словесных форм, категории словесных позиций и категории словесных конструкций; по-видимому, категории слов и словесных форм и образуют морфологию языка, категории же словесных позиций и словесных конструкций – синтаксис языка.

Как единства грамматического значения и формальных средств его выражения все грамматические категории однородны или однотипны.

Но в других отношениях, по своему семантическому и структурно-формальному качеству, они, разумеется, разнородны и разнотипны, – и не только в тех отношениях, о которых уже сказано. Типологическое изучение грамматических категорий дает разграничение категорий основных и сопутствующих основным, самостоятельных и зависимых, реально-значимых и формализованных, двучленных и многочленных и т. д. Кроме того, в разных языках их история по-разному распределила категории между их типами, поэтому актуальна задача сравнительно-типологического и сопоставительно-типологического изучения категорий в родственных и неродственных языках. Такое изучение еще отчетливее показало бы структурное и системное многообразие грамматических категорий.

<...> Каждая грамматическая категория может рассматриваться как известная совокупность членов («структура»), объединенных известными отношениями («система»). При этом нужно, по-видимому, различать внешние члены грамматической категории (например, существительное и наречие у глагола), или противочлены, и внутренние члены грамматической категории (например, настоящее, прошедшее и будущее время глагола), или сочлены. Категорий, которые были бы лишены и противочленов и сочленов, язык не знает. Каждая категория характеризуется количеством и качеством своих противочленов и сочленов и своеобразием соотношений между ними. <...>

6. Известно, что каждый сочлен грамматической категории имеет свое грамматическое значение. Эти значения сочленов, естественно, являются определенными видоизменениями единого грамматического значения всей категории. Так, категория времени современного русского глагола обозначает всей совокупностью своих форм соотношение во времени либо между отраженным в глаголе процессом и процессом речи (абсолютное грамматическое время), либо между двумя процессами, отраженными в двух глаголах (относительное грамматическое время). Это единое для всей категории значение видоизменяется для каждого из сочленов, т. е. для форм настоящего, прошедшего и будущего времени, значения которых и передают самые общие, отраженные грамматически различия во взаимном временном размещении процессов.

Думается, что в этом и подобных случаях трудно говорить о «маркированности» и «немаркированности», если применять эти термины в соответствии со следующим разъяснением: а) «один член грамматической оппозиции является маркированным, сильным членом, т. е. эксплицитным выразителем определенного признака. Соотнесенный с ним второй член оппозиции является немаркированным, слабым членом. Слабый

член грамматической оппозиции не содержит никаких эксплицитных указаний на наличие признака, по своему общему значению противоположного тому, который содержится в семантике сильного члена. Иными словами: слабый член оппозиции не сигнализирует отсутствие данного признака, а оставляет данный признак невыраженным»³; б) «**сильный** член оппозиции всегда в какой-то степени отражает (и, следовательно, выражает) отмеченную в языке сущность внеязыковой реальности... слабый член грамматической оппозиции своим значением (десигнатом) непосредственно никак не связан с внеязыковой действительностью, не “отражает” и не “стилизует” ее. Грамматическое значение **слабого** члена оппозиции и следует признать “чисто реляционным”, или “внутриязыковым”. Грамматическая значимость (*valeur*) слабого члена оппозиции определяется исключительно только местом данного члена оппозиции в системе»⁴. <...>

Казалось бы, идеальная иллюстрация высказанных положений – категория русского глагольного вида. Но соотношения совершенного и несовершенного видов не укладываются в изображенную схему. Достаточно вспомнить, что несовершенный вид («немаркированный», «слабый» член оппозиции) несет свою систему внутривидовых значений⁵ и через них связан, конечно, с «внеязыковой действительностью»; значение форм несовершенного вида определяется отнюдь не только ее местом в системе категории. Если к тому же вспомнить о существовании непарных глаголов несовершенного вида, которые, естественно, не соотнесены каждый в отдельности с «маркированными» глаголами и все же имеют свое собственное грамматическое значение, неубедительность представлений о «сильных» и «слабых» членах станет еще очевиднее.

Интересно в этом отношении присмотреться к тем конкретным иллюстрациям гипотезы о бинарности и маркированности грамматических категорий, которые даны автором статьи «О грамматическом значении». Читатель узнает, что «грамматическое число» является оппозицией двух членов. Сильным членом этой оппозиции следует признать множественное число»⁶. В статье уделено достаточно внимания анализу соотношений между сочленами категории числа русского имени существительного. Автор статьи предлагает вместо понятия «множественности», которым обычно характеризуется значение множественного числа, принять понятие «расчлененности», против чего, возможно, и не нужно особенно возражать. Но трудно оставить без возражения концепцию «немаркированности» единственного числа и толкование в связи с этим понятием некоторых фактов русского имени существительного.

Вспомним простейшие случаи применения «оппозиции» единственного – множественного числа: а) *купил книгу – купил книги*; б) *на столе карандаш – на столе карандаши*; в) *это яблоко – это яблоки*; г) *окна дома – окна домов*; д) *сидели на лавке – сидели на лавках* и т. д. Какие же признаки выражены формами единственного и множественного чисел? По-видимому, единичность и множественность соответствующих предметов. Единственное число так же хорошо «маркировано», как и множественное. И так всякий раз, когда соответствующее имя существительное обозначает предмет, поддающийся счету. Это, конечно, известно. И всякий же раз, когда имя существительное обозначает предмет, который нельзя или не нужно представить считаемым, лексика и словообразование налагают ограничения на грамматику, и ясность количественного соотношения форм единственного и множественного числа исчезает. Известно также, что отвлеченные, собирательные и вещественные имена существительные имеют форму числа, но лишены реального значения числа и входят, таким образом, в категорию числа лишь формально; они не имеют парной соотношенности числовых форм именно потому, что обозначают явления несчитаемые. Этот факт противоречит мнению о «выраженной расчлененности» в формах множественного числа и «невыраженной расчлененности» в формах числа единственного. И этот же факт поддерживает традиционное мнение о том, что ядром категории числа русского имени существительного было и остается грамматическое значение противопоставленности одного предмета многим. Если искать «выраженную» и «невыраженную» расчлененность, то как быть хотя бы с такими словами, как *тряпье, молодежь, купечество*, с одной стороны («расчлененность» есть, а форма – единственного числа), и *недра, субтропики, чары, белила, духи, сливки, хлопоты, каникулы, именины* – с другой («расчлененность» не выражена, а форма – множественного числа).

Как, приняв мнение о «маркированности» множественного числа, объяснить существование очень большого и продуктивного класса имен существительных единственного числа на *-ние, -тие, -ость*? Пришлось бы признать значение всех этих существительных немаркированным. Но в действительности дело, конечно, не в «немаркированности» и «нерасчлененности» значения форм единственного числа таких имен существительных, а в том, что их лексические значения не позволяют развить противопоставление по признаку «один – много». Таким образом, одна из действительных проблем изучения категории числа имен существительных состоит, как можно думать, в том, чтобы увидеть и показать внутреннюю ее неоднородность, возникающую, прежде всего, в результате влияния лексики и словообразования на грамматику.

Все имена существительные, не способные лексико-семантически развить противопоставление по признаку «один – много», нарушают строгость категории числа и поступают в ее ряды на основе формальной, а не семантико-грамматической аналогии, подобно тому как происходит распределение значительной части имен существительных по родовым классам. Это значит, что в пределах категории числа современного русского имени существительного находятся не вполне однотипные явления: а) составляющие ядро и опору категории слова предметного значения, развивающие структурно-семантическое противопоставление форм единственного и множественного числа; б) слова определенной словообразовательной структуры, семантика которых не разрешает развить противопоставление, выражаемое парными формами числа; такие слова в сущности лишены категории числа по значению, хотя и входят в класс числовых форм по формальному сходству с опорными для категории формами (*честность, храбрость, теплота, ученье, литье*); в) лексикализованные осколки ранее существовавших в языке форм числа, утративших былую парную соотнесенность вследствие лексикализации формы множественного числа и развития «несчетных» значений (*белила, ходули, духи* и т. д.). <...>

¹ Исаченко А. В. О грамматическом значении // Вопр. языкознания. 1961. № 1. С. 31.

² Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по рус. яз. М., 1957. С. 64.

³ Исаченко А. В. Указ. соч. С. 35–36.

⁴ Там же. С. 39–40.

⁵ Ср.: Головин Б. Н. О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 64. Кафедра рус. яз. 3, 1952. С. 40–56.

⁶ Исаченко А. В. Указ. соч. С. 36.

А. В. Бондарко

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И КОНТЕКСТ

<...>

§ 2. Понятие о функционально-семантической категории

Опираясь на теорию понятийных категорий, мы вместе с тем и отходим от нее. Избранное нами направление определяется стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. С этим связан и отказ от термина «понятийная категория», поскольку он дает

основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка. Термин «функционально-семантическая категория» вряд ли можно признать вполне удачным, но пока трудно найти более удовлетворительное название. Использование данного термина находит известное основание в том, что критерием выделения рассматриваемых категорий является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов). Функционально-семантическая категория представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций (например, функции выражения темпоральных или модальных отношений).

Используя в составе избранного нами термина слово категория, мы в данном случае имеем в виду группировки, объединения (ср. одно из отмечаемых в словарях значений слова *категория*: «группа, разряд»), сферы. По своей структуре рассматриваемые категории представляют собой поле. Этим оправдывается практикуемое нами параллельное использование терминов «функционально-семантическая категория» и «функционально-семантическое поле».

Функционально-семантическая категория имеет план содержания и план выражения. Семантическое содержание категорий, которые рассматриваются в данной работе, аналогично (с точки зрения принадлежности к одной и той же «семантической зоне») значению морфологических категорий (таких, как вид глагола, время, лицо, наклонение). План выражения образуют языковые средства, относящиеся к разным уровням и сторонам (аспектам) языка, – морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста.

Замечание об уровнях и сторонах (**аспектах**) языка требует некоторых пояснений. Уровни, определяемые на основе интегративных отношений (интеграция единиц низшего уровня дает единицу высшего), отчасти переkreщиваются с традиционно выделяемыми сторонами, или аспектами, языка. Это переkreщивание иногда создает иллюзию полного совпадения. Поэтому нередко говорят о синтаксическом, морфологическом, лексическом и фонологическом уровнях, фактически объединяя в одно нерасчлененное целое уровни языка, понимаемые в духе теории Э. Бенвениста¹, и те аспекты языка, которые изучаются традиционными разделами языкознания – синтаксисом, морфологией, лексикологией и фонетикой (фонологией). В действительности тождества между этими понятиями нет, хотя связь несомненна. Уровни языка (уровень фонемы,

уровень морфемы, уровень слова, уровень предложения) определяются по языковым единицам: единица создает уровень. Иерархия уровней основана на иерархии единиц. Между тем традиционно выделяемые стороны языка основаны не только на единицах, но и на том противопоставлении лексического и грамматического, которое может проходить «внутри» одной единицы. Слово с точки зрения его лексического значения относится к лексической стороне языка, слово же как словоформа и как совокупность словоформ относится к стороне морфологической. Морфема может быть грамматической, лексической, словообразовательной. Таким образом, граница между грамматикой и лексикой может проходить на одном и том же уровне, а в рамках одной и той же стороны языка может быть несколько единиц, относящихся к разным уровням.

Функционально-семантическая категория не относится к какому-либо одному языковому уровню или аспекту. Она порождается элементами разных уровней, разных сторон языка. С этой точки зрения она может трактоваться как своего рода «комплексная» категория. Если иметь в виду результат этого порождения – взаимодействие в речи различных элементов, образующих семантические комплексы, то следует говорить уже не об уровне или аспекте, а о каком-то ином «измерении» – функционально-семантическом плане или функционально-семантической сфере².

Функционально-семантические и морфологические категории относятся не к разным «мирам» – универсально-логическому и лингвистическому, а к одному и тому же языковому миру. Различие между этими категориями лежит в другой плоскости: морфологические категории относятся к одной стороне языка – морфологической – и к одному языковому уровню – уровню слова как словоформы. Функционально-семантические же категории, как уже было сказано, представляют собой более широкие языковые сферы, куда входят как морфологические категории, так и взаимодействующие с ними и связанные с ними семантико-функциональной общностью элементы, относящиеся к иным сторонам и уровням языка.

Морфологическая категория рассматривается нами как исходный пункт для выделения функционально-семантической категории в данном языке. Следующий шаг – определение других языковых элементов, которые взаимодействуют с данной морфологической категорией на базе частичной семантической общности. Например, берется за основу морфологическая категория времени в русском языке. Далее устанавливается, что слова типа *прежде*, *завтра* и т. п. взаимодействуют с формами времени при их функционировании и по-разному сочетаются с этими

формами; определяются заключенные в этих словах семантические признаки (в частности признаки предшествования и следования), устанавливается, что эти признаки относятся к той же семантической области, что и значения форм времени. Так определяется принадлежность слов указанного типа к той функционально-семантической категории, грамматическим центром которой является глагольное время. <...>

Приведем примеры некоторых функционально-семантических категорий.

«Темпоральность»³ – это функционально-семантическая категория, охватывающая различные языковые средства выражения времени. В русском языке эта категория помимо системы временных форм глагола представлена такими средствами, как лексические показатели времени (*только что, давно* и т. п.), синтаксическая структура некоторых типов предложений, формы косвенных наклонений и инфинитива в сочетании с другими элементами контекста.

Модальность мы понимаем (в духе концепции В. В. Виноградова, выдвинутой в его книге «Русский язык» и в статье 1950 г.) как функционально-семантическую категорию, охватывающую систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности⁴.

«Персональностью» можно назвать категорию, опирающуюся на глагольные и местоименные формы лица, а также включающую в себя иные – синтаксические и лексические – средства выражения семантики лица.

«Аспектуальностью» мы называем функционально-семантическую категорию, охватывающую различные средства выражения характера протекания действий.

«Залоговость» охватывает грамматическую категорию залога и относящиеся к той же семантической сфере словообразовательные, лексико-синтаксические и лексические средства.

Понятие функционально-семантической категории, вероятно, могло бы быть истолковано и более широко по сравнению с той трактовкой, которая была дана выше. Это понятие могло бы охватывать и такие категории, которым, судя по лингвистической литературе, нельзя найти аналогов среди категорий морфологических. Таковы, например, категории собирательности, вещественности, отвлеченности. Существует, однако, глубокое различие между теми функционально-семантическими категориями, которые в принципе (в каком-либо языке) могут опираться на категории морфологические, и теми категориями, которые не могут иметь такой опоры. Это различие настолько существенно, что, по-видимому,

нецелесообразно объединять те и другие категории одним и тем же термином. Условимся называть функционально-семантическими категориями лишь те категории, ядром которых является или может являться (в том или ином языке) морфологическая категория. Такое более узкое понимание термина обеспечивает его большую определенность. По отношению к тому основному для нас случаю, когда функционально-семантическая категория в данном языке имеет морфологическое ядро, можно сказать, что мы имеем дело с проблемой «морфологическая категория и ее поле». <...>

§ 3. Принцип поля в структуре функционально-семантической категории

Структура рассматриваемых категорий основана на принципе поля⁵. Функционально-семантическое поле создается в результате взаимодействия разнородных (относящихся к разным сторонам и уровням языка) элементов, обладающих, при всех различиях, общими инвариантными семантическими признаками.

Основные черты структуры функционально-семантического поля сводятся к следующему: 1) обычно в поле выделяется ядро, центр, по отношению к которому другие компоненты поля представляют периферию; 2) для поля характерно частичное перекрещивание его элементов; разные поля также отчасти накладываются друг на друга; при этом образуются общие сегменты, цепочки постепенных переходов; 3) в рамках поля представлены семантические связи как однородных, так и разнородных языковых средств; взаимодействие грамматических и лексических компонентов поля осуществляется благодаря их содержательной соотносительности, их способности объединяться в одном семантическом комплексе.

Противопоставление «центр – периферия» многосторонне. Разные основания рассматриваемого членения, определяемые многогранностью самого языкового материала, отразились в различных подходах исследователей. Так, В. Г. Адмони кладет в основу данного противопоставления полноту и максимальную интенсивность, концентрацию признаков в центре структуры и их разреженность, ослабление на периферии⁶. Ф. Данеш при установлении отношения «центр – периферия» учитывает несколько критериев: степень интеграции языковых элементов, их функциональную нагрузку в системе и в конкретных высказываниях, частоту употребления⁷. Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс считают доминантой поля конституент, «а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически

используемый»⁸. Наша точка зрения, во многом сходная, определяется «ядерными» свойствами тех морфологических категорий, из которых мы исходим.

Частичное переkreщивание элементов поля и разных полей, постепенные переходы – это совсем не новый принцип. И вне теории поля многие исследователи стремились и стремятся выявить диалектические связи между языковыми явлениями. Дело лишь в том, что теория поля специально обращает внимание на взаимопроникновение и непрерывность языковых явлений⁹. «Переходные случаи» рассматриваются с этой точки зрения не как исключение из правила о членении целого на исключающие друг друга компоненты, а как закономерное явление (подчеркнем, что это совсем не означает «смазывания» качественной определенности дискретных единиц; речь идет о стремлении учесть диалектическое соотношение дискретного и недискретного в языковой действительности). Принцип поля в лингвистическом описании дает возможность обратить внимание на «стыки» исследуемых категорий. Например, микрополе «настоящего потенциального» (в случаях типа *Он и не такую тяжесть поднимет*) представляет общий сегмент функционально-семантических категорий темпоральности и модальности. Микрополе взаимности (*Они ссорятся, оскорбляют друг друга* и т. п.) относится к той переходной зоне, где пересекаются поля залоговости и аспектуальности. Рассматриваемые нами функционально-семантические категории, связанные с глаголом, образуют группировку частично пересекающихся полей. Зонами особенно интенсивного взаимодействия являются границы аспектуальности, темпоральности и временной локализованности, а также границы темпоральности и модальности.

О функционально-семантическом поле можно говорить лишь в том случае, если налицо факты взаимодействия элементов, образующих определенную структуру, если реально представлены связи не только однородных, но и разнородных языковых средств, в частности грамматических и лексических. Если такого взаимодействия, таких связей нет, то нет и поля как способа существования функционально-семантической категории.

В качестве примера связи грамматических и лексических элементов можно привести одно из темпоральных микрополей – «будущее сопоставительное». Речь идет об употреблении следующего типа: *Он [Погодин] был ужасно раздражен против Гоголя. Впоследствии докажет это его письмо к нему* (Аксаков, История моего знакомства с Гоголем); *К середине апреля вспухли и замутились речушки... Скоро пойдут щуки на икромет* (Нагибин, Ранней весной). Сопоставление плоскости будущего и

исходной временной плоскости осуществляется не только глагольными формами времени, но и другими средствами контекста (в наших примерах – *впоследствии, скоро*). Эти лексические элементы являются активным средством, при помощи которого осуществляется сдвиг временной ориентации. Сама по себе глагольная форма обычно оказывается недостаточно сильной для того, чтобы произвести этот сдвиг, – она нуждается в поддержке со стороны темпоральных средств контекста. Резкая перемена способа представления времени событий требует совместного участия грамматических форм времени и лексических показателей темпоральности.

Следует подчеркнуть: при самом тесном переплетении и взаимном дополнении грамматических и неграмматических языковых средств грани между разными аспектами и уровнями языка остаются неизменными. Взаимодействуя, разнородные языковые элементы сохраняют свою специфику и ни в какой мере не сливаются, не ассимилируются и не смешиваются.

§ 4. Ядро (центр) и периферия

Для рассмотренных нами функционально-семантических категорий характерно следующее: если среди компонентов функционально-семантического поля имеется морфологическая категория, то именно она играет роль ядра или центра по отношению к остальным – периферийным – компонентам. Так, в славянских языках морфологическим ядром аспектуальности является глагольный вид, ядром темпоральности – время глагола, аналогична роль наклонения в рамках модальности, роль лица (глагольного и местоименного) в составе персональности, роль залога в области залоговости. Можно было бы продолжить этот ряд, говоря о категории числа как ядре нумеральности, о категории степени сравнения прилагательных и наречий как ядре функционально-семантической категории степени признака (компаративности)¹⁰.

Почему именно морфологическая категория претендует на роль ядра или центра категории функционально-семантической? Морфологическая категория обладает рядом свойств, обуславливающих эту ее роль.

Она сосредоточивает в себе специальные средства выражения того содержания, которое свойственно данной функционально-семантической категории. Иначе говоря, в морфологической категории это содержание находит наиболее «специализированное» выражение. Например, система форм времени специально предназначена для выражения временных отношений. Иначе обстоит дело, скажем, с лексическими средствами вы-

ражения темпоральности (*давно, через месяц, сейчас* и т. п.). Такие слова и сочетания слов имеют прежде всего индивидуальное и конкретное лексическое содержание. Хотя в них можно выделить семантические элементы предшествования, следования, одновременности, в целом они не являются специальными выразителями абстрактных темпоральных отношений.

Морфологическая категория представляет собой высоко организованную замкнутую систему, в которой находит концентрированное выражение целый комплекс дифференциальных семантических признаков.

Периферийные, в частности лексические и словообразовательные, компоненты функционально-семантической категории также могут образовывать своеобразные системы и подсистемы. Так, например, лексические элементы темпоральности могут объединяться в группировки, представляющие собой двучленные и трехчленные оппозиции: *вчера – сегодня – завтра, когда-то – когда-нибудь, прежде, раньше – теперь, сейчас, давно – недавно, только что* и т. п. Другой пример. Между способами действия (важнейший периферийный компонент категории аспектуальности) имеются определенные связи системного характера. Таково, в частности, соотношение многоактного и одноактного способов действия (ср. *мигать – мигнуть, кивать – кивнуть*), однонаправленного и ненаправленного способов действия у глаголов движения (*идти – ходить* и т. п.). Ср. также такие системные ряды, как *сидеть – посидеть – просидеть, держать – поддерживать – продержатъ, скучать – поскучать – проскучать*. Подобные связи, однако, не отличаются ни всеобъемлющим характером, ни замкнутостью, ни парадигматичностью. Слова могут объединяться в группы, характеризующиеся определенным семантическим признаком (ср., например, группу *прежде, раньше, давно, когда-то* и т. д. с признаком «предшествование»), но признаки эти не сконцентрированы, не сосредоточены в замкнутой системе с ограниченным числом членов. Мы имеем здесь дело с системными связями иного, «нижнего» порядка по сравнению с системами противопоставленных друг другу рядов грамматических форм.

3. Морфологические категории характеризуются свойством обязательности. Грамматика выделяет определенные аспекты опыта и делает их выражение обязательным¹¹. «Потенциально грамматические» аспекты опыта, т. е. такие, которые в принципе находятся в компетенции грамматики, в частности могут быть выражены морфологическими категориями, лишь отчасти «попадают в ведение» грамматической системы данного языка. Определенная часть потенциально грамматических функций остается на долю лексических и словообразовательных средств, различ-

ных их комбинаций в контексте, наконец, на долю речевой ситуации (это как раз тот «остаток», который рассматривается нами как периферия функционально-семантической категории). То, что избрано грамматикой, обязательно в смысле обязательной и тем самым регулярной актуализации. То, что остается в данном языке не избранным грамматикой, оказывается за пределами обязательной актуализации, т. е. может быть и необязательным.

Так, категория глагольного времени в русском языке является обязательной в рамках изъявительного наклонения. Это значит, что личные формы глагола в каждом случае их употребления «обязаны» реализовать свойственное им временное значение. С другой стороны, при употреблении сослагательного наклонения, где грамматическое время отсутствует, выражение темпоральной отнесенности действия в контексте возможно, но не обязательно. Например: [Трагик] *Вот какой портсигар у тебя, а говоришь денег нет.* [Мигаев] *Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя – дареный* (А. Островский, Таланты и поклонники). Обстоятельство *давно* подчеркивает отнесенность действия к прошлому. При отсутствии же этого обстоятельства действие, выраженное формой сослагательного наклонения, было бы неопределенным в темпоральном отношении (*заложил бы* – вообще, без специального указания на прошлое, настоящее или будущее). Темпоральное отношение в таких случаях (они обычны) остается неактуализованным.

Из свойства обязательности, присущего морфологическим категориям, вытекает регулярность их употребления. Это важная особенность морфологического ядра функционально-семантической категории, отличающая его от периферийных компонентов, в частности лексических, которые могут быть нерегулярными, появляющимися лишь спорадически.

Таковы те свойства, которые обуславливают «ядерную» роль морфологической категории в структуре категории функционально-семантической¹². Если функционально-семантическая категория не опирается в данном языке на морфологическую категорию, занимающую центральное положение по отношению к иным компонентам поля, то роль ядра (центра) могут играть другие языковые средства¹³. Так, вероятно, категория аспектуальности в немецком языке не является «безъядерной»: на роль ядра здесь, по-видимому, может претендовать оппозиция предельности-непредельности, выделяемая в области способов действия¹⁴.

В принципе, вероятно, возможны и «безъядерные» категории, хотя бесспорные примеры найти трудно. Было бы важно исследовать с этой точки зрения функционально-семантическую категорию определенно-

сти-неопределенности в русском языке и в других языках, не имеющих специальной системы грамматических форм артикля (ср. такие средства выражения значений определенности-неопределенности, как *этот, данный* и т. п. *какой-то, один, некий* и т. п., ср. также определенно-личные и неопределенно-личные конструкции, использование порядка слов и интонации)¹⁵.

Ядро, или центр, функционально-семантической категории является для нас исходным пунктом в самом процессе выделения таких категорий, определения их состава и объема. Этот процесс сводится к следующим основным этапам.

1. Берется за основу система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородным значением, т. е. морфологическая категория. Ее общее значение и значения ее членов являются тем стержнем, вокруг которого группируются другие средства выражения сходной семантики при функционировании данной морфологической категории. Система средств ее выражения – это материальная база, на которой строятся все наши последующие наблюдения и выводы.

2. Изучается функционирование морфологической категории. При этом выясняется, какие элементы контекста взаимодействуют с ней и участвуют в реализации функций ее членов. Тем самым очерчивается функционально-семантическое поле морфологической категории, определяется объем функционально-семантической категории, устанавливаются ее компоненты.

3. Определяется характер взаимодействия членов функционально-семантической категории: распределение семантической нагрузки между центром и периферией; влияние лексических и словообразовательных элементов данной функционально-семантической категории на парадигму форм – членов категории морфологической. Исследуются микрополя в рамках функционально-семантического поля, изучаются их взаимосвязи, пересечения.

4. Устанавливаются и анализируются связи данной функционально-семантической категории с другими категориями, изучается их взаимодействие, исследуются «зоны пересечения» полей в группировке функционально-семантических категорий.

5. Проводится сопоставление функционально-семантической категории в данном языке с соответствующими категориями в ряде других языков. При этом может оказаться, что в языке, привлеченном для сопоставления, данная функционально-семантическая категория не опирается на специальную систему грамматических форм. Так, выявляются функ-

ционально-семантические категории, не имеющие в определенном языке морфологического ядра.

¹ См.: Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Т. 4. М., 1965. С. 434–449.

² См.: Адмони В. Г. Уровни языка или сферы языка? Порядок слов как результат взаимодействия различных уровней // Уровни языка и их взаимодействие. Тезисы научной конференции (4–7 апреля 1967 г.). 1-й МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1967. С. 9–10.

³ Предлагаемый термин построен по образцу «модальность». Это относится и к другим вводимым нами терминам: аспектуальность, персональность, залоговость.

⁴ Позднее В. В. Виноградов писал о синтаксических категориях времени, модальности и лица как элементах предикативности (Грамматика русского языка АН СССР, Т. II, ч. 1. М., 1954. С. 70–83). Проблематика синтаксического времени и синтаксических наклонений с точки зрения парадигмы предложения развита в работах Н. Ю. Шведовой; см., в частности: Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. (Опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 3–77. Такая постановка вопроса (развиваемая в работах В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой в разных направлениях) закономерна и существенна в плане синтаксиса, но она не совпадает с проблематикой функционально-семантических категорий, а лишь соприкасается с нею. Функционально-семантические категории имеют синтаксическую сторону, синтаксическую функцию, выступая в качестве элемента структуры предложения, но они отнюдь не сводятся к этой синтаксической стороне и функции.

⁵ О «полевой структуре» грамматических явлений см.: В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964. С. 47–51; ср.: Г. С. Щур. О соотношении системы и поля в языке // Проблемы языкознания. Докл. и сообщ. советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967. С. 66–70. О грамматическом поле см.: М. М. Гухман. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, С. 172–174. Краткий очерк теории поля и описание ряда полей см. в кн.: Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969 (здесь же приведена литература вопроса). Принятая авторами концепция грамматико-лексических полей и наше понимание строения функционально-семантических категорий основаны на принципах, во многом сходных.

⁶ Адмони В. Г. Основы..., стр. 49–51.

⁷ См.: Fr. Daneš. the Relation of Centre and Periphery as a Language Universal. travaux linguistiques de Prague. 2/ Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la Langue. Prague 1966. P. 9–21. См. также другие статьи в этом сборнике, специально посвященном проблеме центра и периферии в языковой системе.

⁸ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля... С. 10.

⁹ С концепцией поля перекликаются мысли Л. В. Щербы: «... надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то не ясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста» (Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. Избр. работы

по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. I. С. 35–36). Ср. также высказывания А. Ф. Лосева о понятиях окрестности, предела, о принципе непрерывности, о континууме значений, в частности применительно к категории падежа (Введение в общую теорию языковых моделей. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1968. № 307. С. 218–256).

¹⁰ Периферийными компонентами данной категории в русском языке являются, например, наречия типа гораздо, значительно, намного, сочетающиеся с формами сравнительной степени; ср. также сочетания прилагательных и наречий в положительной степени с наречиями типа очень, весьма, чрезвычайно, сюда относятся также словообразовательные средства: красноватый, большущий, сверхдальний. См.: В. В. Виноградов. Русский язык. С. 243–261; В. М. Никитевич. Лексико-грамматические связи степеней признака прилагательных в русском языке // Уч. зап. Казахского гос. ун-та. Т. 23. Язык и литература. Вып. 2. Алма-Ата, 1958. С. 60–71.

¹¹ См.: R. Jakobson. Boas' view of grammatical the meaning. The American Anthropologist, 61, 5, part 2, Memoir, 89, 1959. P. 139; см. также: И. А. Мельчук. К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1960. № 4. С. 28–34. В статье Н. П. Короткова и В. З. Панфилова «О типологии грамматических категорий» (Вопр. языкознания, 1965. № 1. С. 37–41) приводятся факты изолирующих и агглютинативных языков, свидетельствующие о том, что признак обязательности нельзя считать языковой универсалией. Однако мы, говоря о свойстве обязательности, имеем в виду морфологические категории лишь в языках флективно-синтетического типа.

¹² Положение о доминирующей роли морфологической категории по отношению к другим компонентам функционально-семантического поля нельзя абсолютизировать. Синтаксические и лексические языковые средства могут приобрести ведущую роль, по крайней мере в рамках определенного микрополя, и оттеснить морфологические средства в область периферии. Так, в микрополе «элативности» в русском языке, особенно новейшего периода, намечается тенденция к вытеснению форм типа интереснейший словосочетаниями типа чрезвычайно интересный. Роль морфологических форм превосходной степени, образование которых является недостаточно регулярным, а семантическая соотносительность с производящими основами нередко нарушается, становится менее значительной по сравнению с описательными средствами выражения элативного значения (см.: В. М. Шаталова. О лексико-синтаксическом выражении степени качества у имен прилагательных // Русский язык в школе. 1967. № 1. С. 76–79). Этот пример лишний раз говорит о том, что морфологические категории и их члены становятся ядром функционально-семантических макро- и (соответственно) микрополей не механически, а лишь в силу тех свойств, о которых говорилось выше. Если эти свойства (в частности наибольшая «специализированность», обязательность, регулярность) утрачиваются, то утрачивается и роль ядра, функционального центра.

¹³ Ср.: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля..., С. 10.

¹⁴ О категории предельности-непредельности в немецком языке см., например: О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. М., 1956. С. 230–233; см. также сб.: Немецкий глагол. Уч. зап. Калининского ГПИ. Т. 59, 1968. О трудностях при выделении группировок среди разнородных способов действия в немецком языке см.:

W. Flämig. Zur Funktion des Verbs III. Aktionsart und Aktionalität. *Deutsch als Fremdsprache*, 2. Yg., 1965, 2. S. 4–12.

¹⁵ См.: Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961. С. 46–71.

Б. С. Кубрякова, П. Л. Соболева

О ПОНЯТИИ ПАРАДИГМЫ В ФОРМООБРАЗОВАНИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Область референции термина «парадигма» в истории языкознания долго оставалась неизменной. Введенный в античной грамматике для обозначения образца видоизменения одного и того же слова, он относился прежде всего к совокупности форм спряжения или склонения одного типа. Выступая в значении показ, копия для подражания, этот термин служил для отражения правил нормативной грамматики и описания набора форм, характерных для определенной части речи и представляющих известные классы внутри этих частей речи. Таким образом, с начала своего появления термин связывался с грамматическими группировками слов в описываемом языке и с обнаружением внутри этих группировок определенных черт упорядоченности/регулярности.

Парадигма как схема представления совокупности форм одного слова могла записываться или демонстрироваться двумя способами: представлением набора форм одного выбранного в качестве образца конкретного слова, каждая из которых выступала как самостоятельная единица (ср.: *стол – стола – столу* и т. п.), или же отдельным представлением константной и переменных величин в каждом записываемом звене парадигмы (ср.: *стол – стол-а – стол-у* и т. п.). Первое отвечало более идее автономности каждого отдельного употребления слова и холистическому восприятию его отдельных форм, второе – идее инвариантного начала в построении парадигмы и выделению в ней меняющихся черт при наличии противопоставленной им константной (ядерной) величины.

По-видимому, именно этот второй способ представления парадигмы мог быть позднее переосмыслен как отражение путей складывания каждой из форм парадигмы, т. е. генеративно¹. Можно говорить, соответственно, о статическом или же динамическом прочтении парадигмы и утверждать, что способ регистрации форм одного слова в виде упорядоченной их совокупности служил одновременно и констатации существующих правил в данном языке, и образцом для создания и образования аналогичных форм. Неоспоримым достоинством представления тех или

иных форм в виде парадигмы является, таким образом, возможность использовать парадигму не только для фиксации грамматических значений, определяющих обязательные для слов данного разряда грамматические видоизменения и не только используемые в этих целях конкретные формативы, но и для собственно динамического отражения способа возникновения отдельной формы.

Парадигма выступает, таким образом, в качестве такой микроструктуры, которая, с одной стороны, описывает модус существования форм слова (слову данного разряда предписывается образование его форм по заданному образцу), но которая, с другой стороны, описывает и результат процесса и самый процесс образования каждой отдельной формы. При необходимости в объяснении парадигмы может поэтому преобладать как анализирующее начало (например, при реконструкции праформ в сравнительной грамматике), так и начало синтезирующее (в нормативных грамматиках).

Наблюдения над строением парадигмы не могли не привести исследователей к мысли о том, что представляемые ею единицы демонстрируют отношения разных типов: по горизонтали, с одной стороны, и вертикали, – с другой, и что первые отражают связи между отдельными частями формы, а вторые – связи между формами как таковыми. Эксплицитное описание различия двух этих типов лингвистических отношений принадлежит Ф. де Соссюру, распространившему понятие о двух названных типах отношений на широкий круг языковых явлений, выходящих за пределы парадигмы.

Самим Ф. де Соссюром указанные отношения были противопоставлены как синтагматические ассоциативным: первые определялись как отношения, наблюдаемые между элементами языка, образующими одновременно определенную последовательность или синтагму; вторые определялись, напротив, как наблюдаемые между связанными, но не суксессивно объединяемыми элементами языка. Одни были отношениями *in praesentia*, другие – *in absentia*, одни наблюдались как «горизонтальные» между сосуществующими элементами, другие – между сменяющими друг друга в вертикальной плоскости. Позднее эти отношения получили название синтагматических и парадигматических – последние по их наличию в пределах парадигмы. В свою очередь это дало возможность трактовать парадигму более широко – как объединение единиц, которые связаны между собой ассоциативной связью.

Естественно, что такое расширительное понимание парадигмы давало возможность перенести это понятие на самые разнородные совокупности или наборы единиц, которые, проявляя черты сходства в одном

отношении, ассоциируются друг с другом независимо от существующих между ними различий и которые, ассоциируясь, воспринимаются как представители и разновидности одного и того же, как экспоненты и модификации одной сущности. О парадигмах стали говорить не только в морфологии, но и в синтаксисе, лексике, словообразовании. Понятие парадигмы стало постепенно использоваться для описания любых мало-мальски упорядоченных и системно организованных фрагментов языка на всех уровнях его строения. Более того. В значении целостного набора черт или упорядоченного объединения связанных между собой характеристик понятие парадигмы вышло за пределы лингвистики и было включено в арсенал категорий, важных для описания истории науки. <...>

<...> Морфологическая парадигма, представляющая собой в общем виде образец системы форм одного слова, т. е. совокупность организованных определенным образом словоформ, реализующих одно слово, характеризуется следующими обязательными признаками:

1) наличием константной лексики, выражающей в парадигме идею тождества слова самому себе во всех его видоизменениях, и переменных формантов, выражающих все связанные с видоизменениями слова не лексические преобразования; все преобразования, фиксируемые в парадигме, описываются по отношению к остающейся без изменения лексеме;

2) наличием константного набора грамматических значений, обязательного для каждой из фиксируемых форм парадигмы и повторяемого от формы к форме с обязательным изменением одного из них и остающимся константным набором (так, в парадигме русского существительного обязательно выражение грамматических значений рода, числа и падежа; внутри этого константного набора от формы к форме меняются числовые и падежные значения, но сам набор значений как таковых не меняется); можно, соответственно, говорить о наличии в константном наборе грамматических значений обязательного соотношения между постоянными и переменными величинами, вследствие чего парадигма фиксирует именно переменные величины по отношению к постоянным, принимаемым вместе с лексемой за исходные (так, исходными грамматическими значениями для морфологической парадигмы являются прежде всего значения частей речи, а также организующие парадигму такие значения, как числа и падежи, лица и времена и т. п.);

3) фиксированным количеством переменных грамматических значений, создающих определенное число мест или позиций в парадигме, что делает парадигму закрытым рядом форм с точным числом членов данного объединения;

4) для выражения каждого из грамматических значений (или их набора) в парадигме существует специальный формант, благодаря чему в каждой позиции парадигмы существует одно однозначное соответствие между выражаемым данной формой значением и ее структурой; по отношению к единице, принимаемой за исходную (т. е. лексеме), все члены парадигмы создаются обычно применением равного количества формальных операций;

5) отношения производности, фиксируемые парадигмой, связывают каждый из ее членов с единицей, принимаемой за исходную, но их может не наблюдаться между отдельными формами парадигмы (так, косвенные падежи не «выводятся» друг из друга, а форма 2 л. глагола вряд ли может рассматриваться как производная от 3 л.).

Итак, понятие морфологической парадигмы предполагает наличие ядерной, исходной единицы, остающейся тождественной во всех преобразованиях. Жесткие ограничения существуют как относительно константных, так и относительно переменных величин и их соотношений. Предполагается известная рядоположенность всех членов парадигмы, так как каждый из них может быть представлен как результат сложения лексического значения исходной единицы и грамматического значения форманта². Члены парадигмы выступают как равные манифестации одной и той же сущности в разных проекциях. <...>

¹ Ср.: понятие «формационного» и «трансформационного» аспектов парадигмы: М. Я. Блох Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале английского языка). Докт. дис. М., 1977.

² См., вместе с тем, о затруднительности получения чисто аддитивным способом семантики видовых форм: М. Я. Гловинская О некоторых трудностях в изучении семантики видов // Болгарская русистика. 1977. № 3. С. 35–44.

Л. В. Щерба

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. <...> подводя отдельные слова под ту или иную категорию («часть речи»), мы и получаем своего рода классификацию слов, однако самое различие «частей речи» едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов. Ведь всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора, в частности до некоторой степени произвольно выбранный *principium divisionis*. <...>

... в вопросе о «частях речи» исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но пред-

взятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, – ибо дело вовсе не в «классификации», – под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе.

2. Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий. Или если они и есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям, то они являются лишь потенциальными, но не активными, как, например, категория «цвета» в русском языке.

3. Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: «изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д.

Изменяемость по падежам является признаком существительных и прилагательных в русском языке¹, однако в латинском и глагол может склоняться (ср. *genrundium*). Изменяемость по лицам в очень многих языках служит признаком глагола; однако есть языки, где и имена могут спрягаться, т. е. изменяться по лицам (см.: А. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. 1. [Спб., 1913–1914], с. 38). Отсюда следует, между прочим, что мнение, будто категория лица является исключительно глагольным признаком, основано на предрассудке.

Самая изменяемость глагола по лицам может быть выражена окончаниями, как в латинском: *am-o*, *am-as*, *am-at*, или особыми префиксами, как во французском: *j'aime*, *tu aimes*, *il aime* (ср. местоимения: *moi*, *toi*, *lui*), или в русском: *я любил*, *ты любил*, *он любил* (полный параллелизм этих форм с формами *praesentis*: *я люблю*, *ты любишь*, *он любит*, одинаковость синтаксических связей, отсутствие таких форм, как *любимый* и т. д. – все это обуславливает восприятие всех этих форм как форм одного и того же слова – глагола *любить*). <...>

Признаки, выразители категорий, могут быть положительными и отрицательными: так, «неизменяемость» слова как противоположение «изменяемости» также может быть выразителем категории, например наречия.

Противополагая форму, знак – содержанию, значению, я позволяю себе называть все эти внешние выразители категорий формальными признаками этих последних, ибо не вижу никакой пользы в выделении, среди прочих признаков, формальных морфем в особую группу.

<...>

5. Категории могут иметь по несколько формальных признаков, из которых некоторые в отдельных случаях могут и отсутствовать. Категория существительных выражается своей специфической изменяемостью и своими синтаксическими связями. *Какаду* не склоняется, но сочетания *мой какаду*, *какаду моего брата*, *какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное. Больше того, если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что *какаду* - название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное.

Яркость отдельных категорий неодинакова, что зависит, конечно, в первую голову от яркости и определенности, а отчасти и количества формальных признаков. Яркость же и формальной и смысловой стороны категории зависит от соотносительности как формальных элементов, так и смысла, так как контрасты сосредоточивают на себе наше внимание: *белый*, *белизна*, *бело*, *белеть* очень хорошо выделяют категории прилагательного, существительного, наречия и глагола.

<...>

7. Раз формальные признаки не ограничиваются одними морфологическими, то становится ясным, что **материально** одно и то же слово может фигурировать в разных категориях: так, *кругом* может быть или наречием, или предлогом (см. ниже).

Если в вопросе о частях речи мы имеем дело не с классификацией слов, то может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории. Таковы **причастия**, где мы видим сосуществование категорий глагола и прилагательного; таковы **знаменательные связки**, где уживаются в одном слове и связка и глагол (о чем см. ниже).

Поскольку опять-таки мы имеем дело не с классификацией, нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, — значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, так называемые **вводные слова**, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию, между прочим именно из-за отсутствия соотносительности. Разные усилительные слова вроде *даже*, *ведь*, *и* («даже»), слова отчасти союзного характера вроде *итак*, *значит* и т. п. тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне. Наконец, никуда не подводятся такие словечки, как *да*, *нет*. <...>

Перехожу теперь собственно к обозрению «частей речи» в русском языке.

I. Прежде всего очень неясная и туманная категория **междометий**, значение которых сводится к «эмоциональности» и «отсутствию познавательных элементов», а формальный признак – к полной синтаксической обособленности, отсутствию каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи. Примеры: *ай-ай!*, *ах!*, *ура!*, *боже мой!*, *беда!*, *черт возьми!*, *черт побери!*.

Совершенно очевидно, что хотя этимология таких выражений, как *боже мой*, *черт побери*, и вполне ясна, но это только этимология; значение же этих выражений исключительно эмоциональное, и понимать *побери* в *черт побери* как глагол значило бы смешивать разные исторические планы, приписывать современному языку то, чего уже в нем нет. Однако во фразе *черт вас всех побери!* мы имеем уже дело не с междометием, так как от *побери* зависит *вас всех* и, таким образом, формальный признак междометия отсутствует. То же и в известной пушкинской фразе *Татьяна – ах!*, если только *ах* не понимать как вносные слова. Для меня *ах* относится к Татьяне и является глаголом, а вовсе не междометием. Так как довольно многие слова употребляются или могут употребляться синтаксически обособленно, то категория междометий, будучи вполне отчетливой в ярких случаях, является в общем довольно расплывчатой. Например, будут ли междометиями *спасибо*, *наплевать* и т. д.?

Едва ли не следует относить сюда обращения и считать звательный падеж (в русском лишь интонационная форма) междометной формой существительных, хотя некоторые основания к тому и имеются. В известной мере родственными являются и формы повелительного наклонения, и особенно такие слова и словечки, как *молчать!*, *тишина!*, *цыц!*, *тсс!* и т. п. Само собой разумеется, что так называемые звукоподражательные *мяу-мяу*, *вау-вау* и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям.

II. Далее следует отметить две соотносительные категории: категорию слов знаменательных и категорию слов **служебных**. Различия между этими категориями сводятся к следующим пунктам: 1) первые имеют самостоятельное значение, вторые лишь выражают отношение между предметами мысли; 2) первые сами по себе способны распространять данное слово или сочетание слов: *я хожу – я хожу кругом*, *я пишу – я пишу книгу – я пишу большую книгу*, вторые сами по себе неспособны распространять слова: *на*, *при*, *в*, *и*, *чтобы*, *быть*, *стать* (в смысле свя-

зок), *кругом* (я хожу кругом дома); 3) первые могут носить на себе фразовое ударение; вторые никогда его не имеют, кроме случая выделения слов по контрасту (*он не только был вкусный, но и будет вкусный*), что является особым случаем, так как по контрасту могут выделяться и неударяемые морфемы (части) слов. Второе и третье различия следует считать формальными признаками этих категорий. Отнюдь не следует считать признаком служебных слов их неизменяемость, так как некоторые служебные слова изменяются, как например связки (спрягаются), относительные *которые, какой* (склоняются и изменяются по родам).

С категорией слов знаменательных контаминируются более частные категории: **существительных, прилагательных, наречий, глаголов** и т. д.

III. Перехожу к **существительным**. Значение этой категории известно – предметность, субстанциальность. При ее посредстве мы можем любые лексические значения: и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, – представлять как предметы: *действие, лежание, доброта* и т. д. Формальными признаками этой категории являются: изменяемость по падежам (которая в отдельных случаях может отсутствовать: *какаду, пальто*) и соответственные системы окончаний; ряд словообразовательных суффиксов имен существительных, как-то: *-тель, -льщик, -ник, -от-(-а), -изн-(-а), -ость, -(о)к, -(е)к*, и т. д.; определение посредством прилагательных; согласование относящегося к данному слову прилагательного (*красивый какаду, а меня, бедного, и забыли; нечто серое и туманное скользнуло мимо*); отсутствие согласования с существительным, явным или непосредственно подразумеваемым; глагол или связка в личной форме, относящиеся к данному слову (*я ехал в лодке; люди были несчастны; кто пришел?*). Из сказанного явствует, что в выражениях *этот нищий, все доброе нищий* и *доброе* будут существительными. С другой стороны, явствует и то, что целый ряд так называемых «местоимений» приходится считать существительными: *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, кто? что? некто, нечто, кто-то, что-то, никто, ничто*; кроме того, *это* (редко *то*) и *всё*, употребляющиеся в качестве существительных в форме среднего рода; *всякий* и *каждый*, употребляющиеся в качестве существительных лишь в форме мужского рода; *все*, употребляющееся в качестве существительного во множественном числе². Примеры: *я этого не переносу, это уже надоело; я предлагал ему и то и это; мой брат всегда всем очень доволен; я знаю все; всякий это знает; я берусь каждого провести; все убежали*. Но надо сказать, что последние пять слов имеют скорее прилагательную природу и не терпят никакого прилагательного определения, так что во фразе *я*

люблю все хорошее слово *все* является уже прилагательным, а *хорошее* – существительным. Любопытно отметить, что даже в таких сочетаниях, как *на сцене появилось нечто воздушное, ничем хорошим не могу вас порадовать*, можно спрашивать себя, что к чему относится: *нечто* к *воздушное*, *хорошим* к *ничем* или наоборот.

Все перечисленные слова составляют, конечно, по содержанию обозначаемых ими понятий особую группу местоименных существительных, так как содержание это крайне бедно и состоит в каждом случае из одного очень неопределенного признака. Формально они объединяются невозможностью их определить **предшествующим** прилагательным; нельзя сказать: *добрый, славный некто* и т. п. Что касается форм склонения, то они не являются одинаковыми у всех слов группы и потому невыразительны. Прежнее состояние языка с ясным местоименным склонением, выражавшим противоположение группы местоимений группе имен (существительных и прилагательных), давно разрушено.

Выделяется в известной мере группа «личных местоимений» своей функцией личных префиксов (правда, не вполне сросшихся) в спряжении глаголов; однако и там местоимение 3-го лица (бывшее указательное) склоняется иначе, чем местоимения 1-го и 2-го лица. <...>

Кроме местоименных существительных, мы имеем в русском целый ряд категорий³, обладающих большей или меньшей выразительностью.

<...> Имена собственные и **нарицательные**: первые, как правило, не употребляются во множественном числе. *Ивановы, Крестовские* и т. д. являются названиями родов и представляют из себя своего рода *pluralia tantum*.

Имена **отвлеченные** и **конкретные**: первые опять-таки нормально не употребляются во множественном числе. *Радости жизни* представляются нам чем-то конкретным и не идентичным словам *радость, тоска, грусть, ученье, терпенье* и т. п.

Имена **одушевленные** и **неодушевленные**: у первых форма винительного падежа множественного числа сходна с родительным, а у вторых – с именительным.

Имена **вещественные** тоже не употребляются во множественном числе: *мед, сахар*. А поскольку употребляются, обозначают тогда разные сорта: *вина, масла* и т. п.

Имена **собираательные** (конечно, не *стая, полк, класс*, так как их собирательность никак не выражена). Наше современное понимание их исключительно объединяющее и индивидуализирующее. По-видимому, в старом языке было иначе, так как сказуемое при этих словах часто ставилось во множественном числе. <...>

Зато в современном русском имеется несомненная возможность образовывать имена собирательные посредством суффиксов *-j-* или *-(е)ств-* в среднем роде: *солдадьё, мужичьё, тряпьё, офицерьё, профессорьё, офицерство, студенчество*.

<...> Далее, в русском имеется категория имен **единичных**: *бисер / бисерина, жемчуг / жемчужина, солома / соломина*, образуемых посредством суффикса *-ин-*, составляют своеобразную группу, категорию <...>

IV. Значение категории прилагательных в русском языке – конечно, качество, как это прекрасно показано [А. М.] Пешковским в его «Русском синтаксисе...», [12-е изд. МЛ, 1920, стр. 54 и сл.]. Формально она выражается прежде всего своим отношением к существительному: без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного. Далее, она выражается формами согласования с существительным, хотя это и не абсолютно обязательно; своеобразной изменяемостью, куда, между прочим, входит и изменение по степени сравнения (тоже необязательное и общее с наречиями); рядом словообразовательных суффиксов, как-то: *-(е)н-, -ист-, -ан-, -оват-* и т. д.; наконец, она выражается и определяющим ее наречием.

Из всего этого вытекает, что под категорию прилагательных мы подводим и такие «местоимения», как *мой, твой, наш, ваш, свой, этот, тот, такой, какой, который, всякий, сам, самый, весь, каждый* и т. п., и все «порядковые числительные» (*первый, второй* и т. д.), и все причастия, и, наконец, формы сравнительной степени прилагательных в тех случаях, когда они относятся к существительным, например: *ваш рисунок лучше моего; эта местность красивее всего виденного мною; струя светлей лазури* (из лермонтовского «Паруса»). Относительно первых трех групп слов не может быть сомнения, что они подводятся нами под категорию прилагательных. Относительно же сравнительной степени достаточно указать на то, что от наречия сравнительная степень прилагательных отличается своей относимостью к существительному, а от существительных, которые также могут относиться к существительному, – своей связью с положительной и превосходной степенями⁴.

Среди прилагательных выделяется группа прилагательных притяжательных, имеющая формальные признаки – именные окончания – по крайней мере во всех формах именительного падежа:

пап- ин дом	пап- ин-а дочь
отц- ов дом	отц- ов-а дочь
мой дом	мо- я дочь
наш дом	наш- а дочь
баб- ий дом	бабь- я дочь

Но, по-видимому эта категория разрушается, так как в детском языке постоянно находим *пап-ин-ая дочка*; вместо *отцов (дом)* мы чаще скажем *отцовский дом*, а вместо *бабье лето* можно иногда слышать и *бабье лето*; такие же случаи, как с *волчей шкурой*, приходится считать если не нормальными, то очень распространенными, особенно среди младшего поколения.

Что касается местоименной группы, то хотя она по значению и представляет из себя некую группу, но она не безусловно замкнута: считать ли, например, относящимся к ней слово *любой*? Пешковский в часто цитированной уже книге (стр. 406) относит сюда же слова *известный, данный, определенный*. Отсутствие ясного формального критерия не позволяет быть отчетливо осознанной группе местоименных прилагательных, так как то обстоятельство, что в цепи прилагательных определений существительного они нормально ставятся на первое место (*любой (всякий) порядочный вдумчивый доктор*), не чересчур навязывается нашему сознанию.

То же можно сказать и о порядковых числительных, хотя и им присваивается первое место в цепи прилагательных определений (*я кончил вторую киевскую мужскую гимназию*). Однако надо признать, что крепкая ассоциативная связь по смежности (при счете) энергично поддерживает смысловую связь и понятие «порядковости», «померности» выступает довольно ярко, так что, пожалуй, все же приходится говорить о **прилагательных порядковых**.

Очень живыми представляются категории прилагательных **качественных**, имеющих степени сравнения, и **относительных**, их не имеющих. Так, *золотой* может принадлежать к тем и другим: *золотое кольцо / уж на что у тебя золотые кудри, а вот у нее еще золотее*.

Причастия, конечно, составляют резко обособленную группу, будучи подводимы и под категорию глаголов. Теряя глагольность, они становятся простыми прилагательными. *Ученое стихотворение* может быть употреблено в двояком смысле: 1) ‘содержащее в себе много научного’ – прилагательное и 2) ‘которое уже учили’ – причастие.

V. Категория **наречий** является исключительно формальной категорией, ибо значение ее совпадает со значением категории прилагательных, как это очевидно из сравнения таких пар, как *легкий / легко, бодрый / бодро* и т. д. Мы бы, вероятно, создавали подобные наречия формой соответственных прилагательных, если бы в той же функции не употреблялось большого количества неизменяемых слов, не являющихся производными от прилагательных: *очень, слишком, наизусть, сразу, кругом* и т. д. Благодаря этому формальными признаками категории являются-

ся прежде всего отношение к прилагательному, к глаголу или другим наречиям, невозможность определить прилагательным (если только это не наречное выражение), неизменяемость (однако наречия, производные от прилагательных, могут иметь степени сравнения)⁵ и, наконец, для наречий, произведенных от прилагательных, окончания *-о* или *-е*, а для глагольных наречий (деепричастий) особые окончания.

Самый деликатный вопрос – отличие наречий от существительных, так как критерий неизменяемости возникает чаще всего на почве разрыва связи данного слова с формами соответственного существительного, т. е. в конце концов на почве значения: мыслится ли в данном случае **предмет** (существительное) или нет. Весьма вероятно, что если бы у нас не было прилагательных, наречий и целого ряда случаев, где связь с существительным абсолютно порвана, т. е. если бы категория наречий не имела бы своих и по форме несомненных представителей, то установление категории наречия на таких случаях, как *заграницей*, *заграницу*, представило бы большие затруднения. Впрочем, здесь на помощь может прийти и *эксперимент*⁶; стоит попробовать придать прилагательное: *за нашей границей*, *за южную границу*, чтобы понять, что это невозможно без изменения смысла слов и что, следовательно, *заграницей*, *заграницу* являются наречиями, а не существительными⁷.

Что касается деепричастий, то они, конечно, составляют резко обособленную группу. В сущности это настоящие глагольные формы, в своей функции лишь отчасти сближающиеся с наречиями. Формально они объединяются с этими последними относимостью к глаголу и якобы отсутствием согласования с ним (на самом деле они должны в русском языке иметь общее лицо, хотя внешне это ничем не выражается). Что особенно оправдывает это усмотрение в деепричастиях некоторой наречности – это их легкий переход в подлинные наречия: *молча*, *стоя*, *лежа* и т. д. могут быть то деепричастиями, то наречиями.

VI. Особой категорией приходится признать слова количественные. Значением является отвлеченная идея числа, а формальным признаком – своеобразный тип сочетания с существительным, к которому относится слово, выражающее количество. Благодаря этим типам сочетаний категория слов количественных изымается из категории прилагательных, куда она естественнее всего могла бы относиться, а также из категории существительных, с которыми она сходна формами склонения. Эти типы сочетаний состоят в том, что в именительном и винительном падежах определяемое ставится в родительном падеже множественного числа (при *два*, *три*, *четыре* – род. пад. ед. ч.), а в косвенных падежах ожидаемое согласование в падеже восстанавливается: *пять книг* – с *пятью кни-*

гами, двадцать солдат – при двадцати солдатах⁸. Исторические причины таких странных конструкций известны; сейчас эти конструкции бессмысленны и являются пережитками, однако утилизируются языком для обозначения особой категории, которую, конечно, лишь насилуя непосредственное языковое чутье, можно смешивать с существительными. Различие выступает очень ярко из сравнения: *десять яблок, с десятью яблоками / десяток яблок, с десятком яблок; сто солдат, со ста солдатами / сотня солдат, с сотней солдат*.

Любопытно отметить, что *тысяча* с обывательской точки зрения плохо представляется как число, а скорее как некоторое единство, как «существительное», что и выражается типом связи: *тысяча солдат, с тысячею солдат*. Однако ход культуры и развитие отвлеченного мышления дают себя знать: *тысяча* все больше и больше превращается в количественное слово, и *тысяче солдатам был роздан паек* не звучит чересчур неправильно (*миллиону солдатам* сказать было бы невозможно), а сказать *приехала тысяча солдат*, пожалуй, и вовсе смешно. <...>

VII. Есть ряд слов, как *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно. Чаще всего их, по формальному признаку неизменяемости, зачисляют в наречия, что в конце концов не вызывает практических неудобств в словарном отношении, если оговорить, что они употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подпадают под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию.

Далее, оказывается, что они составляют одну группу с такими формами, как *холодно, светло, весело*, и т. д. во фразах: *на дворе становилось холодно; в комнате было светло; нам было очень весело* и т. п. Подобные слова тоже не могут считаться наречиями, так как эти последние относятся к глаголам (или прилагательным), здесь же мы имеем дело со связками (см. ниже). Под форму среднего рода единственного числа прилагательных они тоже не подходят, так как прилагательные относятся к существительным, а здесь этих последних нет, ни явных, ни подразумеваемых.

Может быть, мы имеем здесь дело с особой категорией состояния (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого – безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) «*запрещается*», *можно* (в одном из значений) «*позволяется*», *становится холодно / холодает; становится темно / «темнеет» морозно / морозит* и т. д. (таких параллелей, однако, не так много).

Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой – с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий. Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке.

Впрочем, и при личной конструкции можно указать ряд слов, которые подошли бы сюда же: *я готов*; *я должен*; *я рад / радуюсь / я способен* ('я в состоянии') / *могу* / *я болен / болею / я намерен / намереваюсь*; *я дружен / дружу*; *я знаком*; *знаю* (*радый*⁹ не употребляется, а *готовый*, *должный*, *способный*, *больной*, *намеренный*, *дружный*, *знакомый* употребляются в другом смысле).

В конце концов правильны будут и следующие противоположения:

– *я весел* (состояние) / *я веселюсь* (состояние в виде действия)¹⁰ / *я веселый* (качество); *он шумен* (состояние) / *он шумит* (действие) / *он шумливый* (качество); *он сердит* (состояние) / *он сердится* (состояние в виде действия) / *он сердитый* (качество); *он грустен* (состояние) / *он грустит* (состояние в виде действия) / *он грустный* (качество);

– и без параллельных глаголов: *он печален* / *он – печальный*; *он доволен* / *он – довольный*; *он красен как рак / флаги – красные*; *палка велика для меня / палка – большая*; *сапоги малы мне / эти сапоги – слишком маленькие*; *мой брат очень бодр / мой брат – всегда бодрый* и т. д.

То же по смыслу противоположение можно найти и в следующих примерах: *я был солдатом* (состояние: *j'ai été soldat*) / *я солдатствовал* (состояние в виде действия) / *я был солдат* (существительное: *j'ai été un soldat*); *я был трусом в этой сцене / я трусил / я большой трус*; *я был зачинщиком в этом деле / я был всегда и везде зачинщик*¹¹.

Наконец, под категорию состояния следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе*, *наготове*, *настороже*, *замужем*, *в состоянии*, *начеку*, *без памяти*, *без чувств*, *в сюртуке* и т. п. Во всех этих случаях *быть* является связкой, а не существительным глаголом; поэтому слова *навеселе*, *наготове* и т. д. едва ли могут считаться наречиями. Они все тоже выражают **состояние**, но благодаря отсутствию параллельных форм, которые бы выражали **действие** или **качество** (впрочем, *замужем / замужня*; *в состоянии / могу*), эта идея недостаточно подчеркнута.

Хотя все эти параллели едва ли укрепили мою новую категорию, так как слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может, и никогда не получит, общей марки. Сейчас формально катего-

рию состояния пришлось бы определять так: это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями – нуль для мужского рода, *-а* для женского рода, *-о*, *-э* (*искренне*) для среднего рода, – или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное, значение).

Если не признавать наличия в русском языке **категории состояния** (которую за неимением лучшего термина можно называть предикативным наречием, следуя в этом случае за Овсяннико-Куликовским), то такие слова, как *пора*, *холодно*, *навеселе* и т. п., все же нельзя считать наречиями, и они просто остаются вне категорий.

VIII. В категории глаголов основным значением, конечно, является только действие, а вовсе не состояние, как говорилось в старых грамматиках. Эта проблема, по-видимому, возникла из понимания «частей речи» как рубрик классификации лексических значений. После всего сказанного вначале ясно, что дело идет не о значении слов, входящих в данную категорию, а о значении категории, под которую подводятся те или иные слова. В данном случае очевидно, что, когда мы говорим *больной лежит на кровати* или *ягодка краснеет в траве*, мы это «лежание» и «краснение» представляем не как состояния, а как действия.

Формальных признаков много. Во-первых, изменяемость и не только по лицам и числам, но и по временам, наклонениям, видам и другим глагольным категориям¹². Между прочим, попытка некоторых русских грамматистов последнего времени представить инфинитив как особую от глагола «часть речи», конечно, абсолютно неудачна, противоречива естественному языковому чутью, для которого *идти* и *иду* являются формами одного и того же слова¹³. Эта странная аберрация научного мышления произошла из того же понимания «частей речи» как результатов классификации, которое свойственно было старой грамматике, с переменой лишь *principium divisionis*, и возможна была лишь потому, что люди на минуту забыли, что форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о знаке, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения <...>

Итак, изменяемость по разным глагольным категориям с соответственными окончаниями является первым признаком глагола, точно так же и некоторые суффиксы, например *-ов-// -у-*, *-ну-* и др., в общем, впрочем, невыразительные; далее, именительный падеж, непосредственно относящийся к личной форме, тоже определяет глагол; далее, невозможность

прилагательного и возможность наречного распространения; наконец, характерное управление, например: *любить отца*, но *любовь к отцу*.

Теперь понятно, почему инфинитив, причастие, деепричастие и личные формы признаются нами формами одного слова – глагола: потому что *сильно* (не *сильный*) *любить*, *любящий*, *любя*, *люблю дочку* (не *к дочке*) и потому что хотя каждая из этих форм и имеет свое значение, однако все они имеют общее значение **действия**. Из них *любящий* подводится одновременно и под категорию глаголов и под категорию прилагательных, имея с последним и общие формы и значение, благодаря которому действие здесь понимается и как качество; такие формы условно называются причастием. По тем же причинам *любя* подводится под категорию глаголов и отчасти под категорию наречий и условно называется **деепричастием**. *Любовь* же, обозначая действие, однако не подводится нами под категорию глаголов, так как не имеет их признаков (*любовь к дочке*, а не *дочку*); поэтому идея действия в этом слове заглушена, а рельефно выступает лишь идея субстанции.

Ввиду всего этого нет никаких оснований во фразе *а она трах его по физиономии!* отказывать *трах* в глагольности: это не что иное, как особая, очень эмоциональная форма глагола *трахнуть* с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой.

Наконец, из сказанного выше о глаголах вообще явствует и то, что связка *быть* не **глагол**, хотя и имеет глагольные формы, и это потому, что она не имеет значения **действия**. И действительно, единственная функция связки – выражать логические (в подлинном смысле слова) отношения между подлежащим и сказуемым: во фразе *мой отец был солдат* в *был* нельзя открыть никаких элементов действия, никаких элементов воли субъекта. Другое дело, когда *быть* является существительным глаголом: *мой отец был вчера в театре*. Тут *был* = *находился*, *сидел* – одним словом, *проявлял* как-то свое «я» тем, что *был*. Это следует твердо помнить, и не считать связку за глагол и функцию связки за глагольную. В так называемых знаменательных связках мы наблюдаем контаминацию двух функций – связки и большей или меньшей глагольности (наподобие контаминации двух функций у причастий). Осознание и разграничение этих функций очень важно для понимания синтаксических отношений¹⁴.

IX. Нужно отметить еще одну категорию слов знаменательных, хотя она никогда не бывает самостоятельной, – это слова вопросительные: *кто*, *что*, *какой*, *чей*, *который*, *куда*, *как*, *где*, *откуда*, *когда*, *зачем*, *почему*, *сколько* и т. д. Формальным ее выразителем является специфическая интонация синтагмы (группы слов), в состав которой входит вопросительное слово.

Категория слов вопросительных всегда контаминируется в русском языке либо с существительными, либо с прилагательными, либо со словами количественными, либо с наречиями.

* * *

Переходя к служебным словам, приходится прежде всего отметить, что общие категории здесь не всегда ясны и во всяком случае зачастую мало содержательны.

Х. Связки. Строго говоря, существует только одна связка *быть*, выражающая логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Все остальные связки являются более или менее знаменательными, т. е. представляют из себя контаминацию **глагола и связки**, где глагольность может быть более или менее ярко выражена (см. выше).

И ничего не прибавлю к общеизвестному о связках, кроме разве того, что у нас как будто нарождается еще одна форма связки – *это*. Примеры: *наши дети – это наше будущее*, *наши дети – это будут дельные ребята*. Частица *это* больше всего и выражает отношение подлежащего и сказуемого и во всяком случае едва ли понимается нами как подлежащее: формы связки *быть* служат в данном случае главным образом для выражения времени.

ХІ. Далее мы имеем группу частиц, соединяющих два слова или две группы слов в одну **синтагму** (простейшее синтаксическое целое) и выражающих отношение «определяющего» к «определяемому». Они называются **предлогами**, формальным признаком которых в русском языке является управление падежом. Сюда, конечно, подходят и такие слова, как *согласно* (*согласно вашему предписанию*, а в канцелярском стиле *вашего предписания*), *кругом*, *внутри*, *наверху*, *наподобие*, *во время*, *в течение*, *вследствие*, *тому назад* (с вин. пад.) и т. п. Однако по функциональному признаку сюда подошли бы и такие слова, как *чтобы*, *с целью*, *как*, например в следующих фразах: *я пришел чтобы поесть – с целью поесть; меня одевали¹⁵ как куколку – наподобие куколки*.

ХІІ. Далее, можно констатировать группу частиц, соединяющих слова или группы слов в одно целое – **синтагму** или **синтаксическое целое высшего порядка** – на равных правах, а не на принципе «определяющего» и «определяемого» и называемых обыкновенно союзами **сочинительными**. В ней можно констатировать две подгруппы.

1. Частицы, соединяющие вполне два слова или две группы слов в одно целое, – союзы **соединительные**: *и*, *да*, *или*¹⁶ (не повторяющиеся). Примеры: *брат и сестра пошли гулять*, *отец и мать остались дома*; *я хочу взять учителя или учительницу к своим детям*; *Иван да Марья*; *когда все собрались и хозяева зажгли огонь, стало веселее*¹⁷.

В той же функции употребляются иногда и предлоги: *брат с сестрой пошли гулять* (особая функция частицы *с* отмечена здесь формой множественного числа глаголов).

Примечание. Особый случай употребления этих союзов можно наблюдать там, где при их посредстве присоединяется последний член перечисления. Хотя этот член и не составляет тогда целого с предшествующим, однако союз, вместе с особой интонацией, отличной от той, о которой будет идти речь ниже, обозначает исчерпанность ряда, его единство. Примеры: *Однажды лебедь, рак да щука...*; *отец, мать, брат и сестра отправились гулять.*

2. Частицы, объединяющие два слова или две группы по контрасту, т. е. противопоставляя их, – союзы противительные: *а, но, да*. Благодаря этому противопоставлению каждый член такой пары сохраняет свою самостоятельность, и этот случай «б») не только по смыслу, но и по форме отличается от случаев «а»)). Примеры: *я хочу не большой, а маленький платок; она запела маленьким, но чистым голоском; мал золотник, да дорог; я вам кричал, а вы не слышали; вы обещали, но это не всегда значит, что вы сделаете.*

XIII. Те же союзы могут употребляться и в другой функции: тогда они не соединяют те или другие элементы в одно целое, а лишь присоединяют их к предшествующему. Тогда как в случае раздела XII оба члена присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде, уже при самом начале высказывания, в настоящем случае второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания. Формально выражается указанное различие функций фразовым ударением, иногда паузой и вообще интонацией (точных исследований на этот счет не имеется). Ясными примерами этого различия может послужить разное толкование следующих двух стихов Пушкина и Лермонтова:

как надо читать стих 14 стихотворения Пушкина «Воспоминание»: *Я трепещу и проклиная...* или *Я трепещу, и проклиная...*? Я стою за первое (см.: Русская речь, I, [Пгр., 1923,] стр. 31);

как надо читать стих 6 стихотворения Лермонтова «Парус»: *И мачта гнется и скрипит...* или *И мачта гнетя, и скрипит...*? Я стою за второе.

Прав я или нет в моем понимании, в данном случае безразлично, но возможность самого вопроса, а следовательно, – и двоякая функция союза *и*, думается, очевидны¹⁸.

Союзы в этой функции можно бы назвать **присоединительными**. Другие примеры: *я сел в кибитку с Савельичем, и отправился в дорогу* (пример заимствован у Грота, но запятая принадлежит мне); *вчера мы собрались большой компанией и отправились в театр, но проскучали*

весь вечер; На ель ворона взгромоздясь, позавтракать было совсем уж собралась, да призадумалась, а сыр во рту держала; я, приду очень скоро, или совсем не приду; дело будет тянуться без конца, или сразу оборвется;

Примечание 1. Можно спрашивать себя, есть ли основание для установления двух категорий (XII и XIII), когда дело идет об одних и тех же словах. Но если вспомнить, что задачей исследования является не классификация слов, а подмечение тех общих категорий, под которые говорящие подводят те или другие слова, то разделение не покажется чересчур искусственным. Но несомненно и то, что указанные категории не так очевидны, как например, категории существительных, прилагательных и т. п. Самая граница между ними текуча. <...>

XIV. Особую группу составляют частицы, «уединяющие» слова или группы слов и образующие из них «бесконечные» ряды однородных целых. Формальным выражением этой категории является, во-первых, повторяемость частиц, а во-вторых, специфическая интонация. Они организуют то, что я называю «открытыми сочетаниями» (см.: Русская речь, I, стр. 22). Сюда относятся *и – и..., ни – ни..., да – да..., или – или...* и т. п. Их можно бы для краткости назвать **союзами слитными**. Примеры известны: *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы; меня ничто не веселило – ни новые игрушки, ни сказки бабушки, ни только что родившиеся котята.* <...>

XV. Совершенно особую группу составляют частицы, выражающие отношение «определяющего» к «определяемому» между двумя **синтагмами** и объединяющие их в одно синтаксическое целое высшего порядка (в разделе XI дело происходило внутри одной синтагмы). Частицы эти удобнее всего назвать **относительными словами**. Сюда подойдет и то, что традиционно называют **союзами подчинительными** (*пока, когда, как, если, лишь только* и т. п.) – но сюда подойдут и так называемые «относительные местоимения и наречия» (*который, какой, где, куда, зачем* и т. д.). Говорю «так называемые», потому что зачастую действительно нет причин видеть, например, в относительном *который* знаменательное слово, так как оно имеет лишь формы знаменательных слов, но не их значение. Сомневающиеся пусть попробуют определить, чем является *который* – существительным или прилагательным – во фразе *я нашел книгу, которая считалась пропавшей*. Точно так же трудно признать наречие в *когда* хотя бы и в таком примере, как *в тот день, когда мы переезжали на дачу, шел дождик*. Однако возможность контаминации двух функций – служебной (относительной) и знаменательной, особенно существительной, – несомненна. Можно бы даже говорить о «знаменатель-

ных относительных словах» (ср. знаменательные связки). Например: *гуляю, с кем хочу, отец нахмурил брови, что было признаком надвигающейся грозы.*

Формальными признаками категории относительных слов является общее всем служебным словам отсутствие фразового ударения, а также то, что эти слова входят в состав синтагмы с характерной относительной интонацией. То, что делает эту категорию особенно живой и яркой, – это ее соотносительность со словами знаменательными. *Когда вы придете, мы будем уже дома. / Когда вы приедете? / Я знаю, что вы пишете. / Что вы пишете! Год, в котором вы приехали к нам, для меня особенно памятен. / В котором году вы приехали к нам!*

Недаром относительность всеми всегда ощущалась как единая категория, хотя и фигурировала зачастую в двух разных местах грамматики. <...>

¹ Впрочем, едва ли мы потому считаем *стол, медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что все же функция слова в предложении является всякий раз наиболее решающим моментом для восприятия. Иначе обстоит дело, когда вопрос идет о генезисе той или иной категории, и не только в филогенетическом аспекте, но и в онтогенетическом: тут важна вся совокупность лингвистических данных – морфологических, синтаксических и семантических.

² *Сам* лишь с комическими целями употребляется в смысле существительного в выражениях вроде *сам пришел* (заимствовано из просторечья); *всяк* является более или менее фамильярным архаизмом.

³ Я не буду ничего говорить о категории грамматического рода, так как ничего не прибавлю к общеизвестному.

⁴ Что прилагательные могут быть неизменными и считаться все же прилагательными даже в тех языках, где прилагательные изменяются, между прочим, показывает старославянский язык: *исплънь, прпрость* и др., хотя и не склоняются, однако являются прилагательными.

⁵ Вообще мнение, будто наречия по существу являются неизменяемыми, совершенно неосновательно: французское наречие *tout* согласуется в роде с прилагательным, к которому относится.

⁶ Я настаиваю на этом слове, придавая ему большое теоретическое значение: исследуя статическую сторону языка, мы не только наблюдаем факты, но и постоянно экспериментируем. В этом преимущество живых языков как научного материала над мертвыми. В этих последних мы имеем лишь больший или меньший, но законченный ряд наблюдений; в живых мы постоянно можем и должны производить и эксперименты. Поэтому исследование мертвых языков легче, так как ограничено данными текстами; живых – бесконечно труднее, так как его почти что невозможно исчерпать, и может быть плодотворнее, давая возможность так углубить изучение, как это по

существо невозможно сделать для мертвых. Оговариваюсь, что все сказанное относится к научной работе над языком. С педагогической же стороны изучение мертвых языков может быть – и обыкновенно бывает – и труднее, и полезнее, так как требует сознательности; изучение же живых языков может протекать, особенно при натуральном методе, бессознательно и быть тогда с образовательной точки зрения абсолютно бесполезным.

⁷ В. В. Виноградов в одном из своих докладов в Лингвистическом обществе в Ленинграде очень убедительно наметил ряд дальнейших категорий внутри этой в общем малосодержательной категории. Надеюсь, что этот доклад появится в одном из дальнейших выпусков «Русской речи».

⁸ К этой же категории относятся и слова *много, немного, мало, сколько, несколько*, которые по недоразумению считаются наречиями: *я вижу несколько моих учеников; я ехал с несколькими ученицами; в классе много детей / трудно заниматься со многими детьми* и т. д.

⁹ На некоторые слова этой категории указал мне Д. В. Бубрих.

¹⁰ Пример: *по лицу его видно, что он веселится, глядя на нас; но в он сегодня резвится и веселится, как школьник*, оттенок будет другой.

¹¹ Надо, впрочем, признать, что этот оттенок не всегда бывает вполне отчетлив.

¹² Признание категории лица наиболее характерной для глаголов (отсюда определение глаголов как «слов спрягаемых») в общем верно и психологически понятно, так как выводится из значения глагольной категории: «действие», по нашим привычным представлениям, должно иметь своего субъекта. Однако факты показывают, что это не всегда бывает так: *моросит, смеркается* и т. п. не имеют формы лица, однако являются глаголами, так как дело решается не одним каким-либо признаком, а всей совокупностью морфологических, синтаксических и семантических данных.

¹³ Под «формами» слова в языковедении обыкновенно понимают материально разные слова, обозначающие или разные оттенки одного и того же понятия, или одно и то же понятие в разных его функциях. Поэтому, как известно, даже такие слова, как *fero, fuli, latum*, считаются формами одного слова. С другой стороны, такие слова, как *писать* и *писатель*, не являются формами одного слова, так как одно обозначает действие, а другое – человека, обладающего определенными признаками. Даже такие слова, как *худой, художба*, не считаются нами за одно и то же слово. Зато такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слова типа *худо* со словами вроде *вкось, наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*. Конечно, как и всегда в языке, есть случаи неясные, колеблющиеся. Так, будет ли *столик* формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных. *Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый, сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие представляется, как будто различным в этих случаях. Ср.: Abweichungsnamen и Ubereinstimmungsnamen у О. Dittrich [в] «Die Probleme der Sprach-

psychologie», [Leipzig.] 1913. В истории языков наблюдаются тоже передвижения в системах форм одного слова. Так, образования на -л-, бывшие когда-то именами лица действующего, вошли в систему форм славянского глагола, сделались причастиями, а теперь функционируют как формы прошедшего времени в системе глагола (*захудал*); эти же причастия в полной форме снова оторвались от системы глагола и стали прилагательными (*захудалый*). Процесс втягивания отглагольного имени существительного в систему глагола, происходящий на наших глазах, нарисован у меня в книге «Восточнолужицкое наречие», [Т. I. Пг.,] 1915. С. 137.

¹⁴ Я предполагаю развить мои взгляды на этот предмет в особой статье, но некоторый намек в этом направлении позволю себе сделать сейчас. Если связка не глагол, то можно сказать, что все языки, имеющие связку, имеют два типа фразы: **глагольный**, по существу **одночленный** (*люблю; a t o; j'aire*), где субъект не противопоставляется действию, и **связочный**, по существу **двучленный**, где субъект противопоставляется другому имени (*я – солдат; sum – miles; je suts soldat*).

¹⁵ (В обоих случаях) читать без запятой.

¹⁶ Или собственно считается **разделительным** союзом, но это едва ли выражается формально (не смешивать или = более или менее *то* и *есть*).

¹⁷ Почти каждый из примеров может быть прочтен и с запятой перед союзом – тогда они попадут в группу союзов присоединительных (см. ниже, раздел XIII).

¹⁸ Такое разное толкование может получить и пример Пешковского (Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935. С. 235): *червонец был запачкан и в пыли* или *червонец был запачкан, и в пыли*.

В. В. Виноградов

РУССКИЙ ЯЗЫК

(ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

<...>

§ 5. Основные структурно-семантические типы слов

Укрепившееся в русской грамматике с XVIII в. деление слов на **знаменательные** и **служебные** интересно как симптом сознания структурной разнородности разных типов слов.

Отмечались семь отличительных признаков служебных слов: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы, или словосочетания (например, союз *и*, относительное слово *который*, предлоги *на*, *при* и т. п. неспособны сами по себе, независимо от других слов, ни конструировать, ни распространять словосочетание, или синтагму); 3) невозмож-

ность паузы после этих слов в составе речи (без специального экспрессивного оправдания); 4) морфологическая нерасчлененность или семантическая неразложимость большинства из них (ср., например, *у, при, ведь, вот* и т. п., с одной стороны, и *потому что, чтобы, затем что, хотя* и т. п. – с другой); 5) неспособность носить на себе фразовые ударения (за исключением случаев противопоставления по контрасту); 6) отсутствие самостоятельного ударения на большей части первообразных слов этого типа; 7) своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов. Это деление слов на знаменательные и служебные под разными именами – лексических и формальных слов (Потебня), полных и частичных (Фортунатов) – было принято во всех работах по русской грамматике. Наряду с этими двумя общими категориями слов русского языка издавна намечалась исследователями и третья категория – **междометия**.

Традиционным решением вопроса об основных семантико-грамматических классах слов являются разные учения о частях речи. Но в этих учениях – при всей их пестроте – не учитываются общие структурные различия между основными типами слов. Все части речи размещаются в одной плоскости. Об этом еще В. А. Богородицкий писал: «Необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках игнорируется, причем все части речи ставятся на одну линию»¹. Выделению частей речи должно предшествовать определение основных структурно-семантических типов слов.

Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические (в том числе и фонологические) должны играть решающую роль. В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смешение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса. Синтаксис – организационный центр грамматики. Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями.

Анализ смысловой структуры слова приводит к выделению четырех основных грамматико-семантических категорий слов.

1. Прежде всего выделяется категория **слов-названий**, по традиционному определению. Всем этим словам присуща номинативная функция. Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества, признаки, числовые связи и отношения, обстоятельственные и качественно-обстоятельственные определения и отношения вещей, признаков и процессов действительности и применяются к ним, указывают на них, их обозначают. К словам-названиям примыкают и слова, являющиеся эквивалентами, а иногда и заместителями названий. Такие слова называются **местоимениями**. Все эти разряды слов образуют главный лексический и грамматический фонд речи. Слова этого типа ложатся в основу синтаксических единиц и единств (словосочетаний и предложений) и фразеологических серий. Они служат основными членами предложения. Они могут – каждое в отдельности – составлять целое высказывание. Слова, относящиеся к большей части этих разрядов, представляют собою грамматические и объединенные комплексы, или системы, форм. С разными формами или видоизменениями одного и того же слова связаны разные функции слова в строе речи или высказывания.

Поэтому в применении к этим классам слов особенно уместен термин «части речи». Они образуют предметно-смысловую, лексический и грамматический фундамент речи. Это – «лексические слова», по терминологии Потебни, и «полные слова», по квалификации Фортунатова.

2. Частям речи противостоят частицы речи, **связочные, служебные** слова. Этот структурно-семантический тип слов лишен номинативной функции. Ему не свойственна «предметная отнесенность». Эти слова относятся к миру действительности только через посредство и при посредстве слов-названий. Они принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений – причинных, временных, пространственных, целевых и т. п. Они ближайшим образом связаны с техникой языка, ее осложняя и развивая. Связочные слова не «материальны», а формальны. В них «вещественное» содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем. Вот почему Потебня называл их «формальными словами», а Фортунатов – «частичными».

3. Заметно отличается от двух предшествующих структурных типов третий тип слов. Это **модальные слова**. Они также лишены номинативной функции, как и связочные слова. Однако многие из них не принад-

лежат в той степени, как связочные, служебные слова, к области формально-языковых средств. Они более «лексичны», чем связочные слова. Они не выражают связей и отношений между членами предложения. Модальные слова как бы вклиниваются или включаются в предложение или же прислоняются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъектно-стилистическим ключом речи. В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения. Модальные слова отмечают наклон речи к действительности, обусловленный точкой зрения субъекта, и в этом смысле отчасти сближаются с формальным значением глагольных наклонений. Как бы введенные в предложение или присоединенные к нему модальные слова оказываются за пределами и частей речи, и частиц речи, хотя по внешности могут походить и на те, и на другие.

4. Четвертая категория слов уводит в сферу чисто субъективных – эмоционально-волевых изъятий. К этому четвертому структурному типу слов принадлежат **междометия**, если придать этому термину несколько более широкое значение. Интонационные, мелодические своеобразия их формы, отсутствие в них познавательной ценности, их синтаксическая неорганизованность, неспособность образовывать сочетания с другими словами, их морфологическая неделимость, их аффективная окраска, непосредственная связь их с мимикой и выразительным жестом резко отделяют их от остальных слов. Они выражают эмоции, настроения и волевые изъятия субъекта, но не обозначают, не называют их. Они ближе к экспрессивным жестам, чем к словам-названиям. Вопрос о том, образуют ли междометия предложения, остается спорным². Однако трудно отрицать за междометными выражениями значение и обозначение «эквивалентов предложения». Итак, намечаются четыре основные структурно-семантические категории слов в современном русском языке: 1) слова-названия, или части речи; 2) связочные слова, или частицы речи; 3) модальные слова и частицы и 4) междометия.

<...>

§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке

Из общих структурно-семантических типов слов русского языка наиболее резко и определенно выступают грамматические различия между разными категориями слов в системе частей речи. Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологиче-

ского строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности³; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи. Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира. В системе частей речи отражается стадия развития данного языка, его грамматический строй. <...>

В традиционной русской грамматике, отражающей влияние античных и западноевропейских грамматик, сначала насчитывалось восемь, затем девять, теперь же – со включением частиц – обычно выделяется десять частей речи:

1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) наречие; 7) предлог; 8) союз; 9) частицы и 10) междометия.

Кроме того, причастия и деепричастия то рассматриваются в составе форм глагола, то относятся к смешанным, переходным частям речи⁴, то считаются особыми частями речи (в таком случае число частей речи возрастает до двенадцати).

Количество частей речи в учениях некоторых лингвистов еще более возрастает. Так, академик А. А. Шахматов вводил в круг частей речи префикс (например, *пре-*, *наи-* и т. п.) и связку. У него получалось четырнадцать частей речи. Если этот перечень дополнить разными другими претендентами на роль частей речи, выдвигавшимися в последнее время (например, категорией состояния, распознаваемой в словах *можно*, *нельзя*, *надо*, *жаль* и т. п.⁵, вопросительными словами и частицами⁶, частицами уединяющими, вроде *и – и*, *ни – ни*, *или – или*, относительными словами и т. п.), то число частей речи в русском языке перешагнет за двадцать.

Но с той же легкостью, с какой растет число частей речи в грамматических теориях одних лингвистов, оно убывает в концепциях других.

Многие грамматисты (например, Потебня, Фортунатов, Пешковский) отрицали у числительных и местоимений наличие грамматических признаков особых частей речи, указывая на то, что числительные и местоимения по своим синтаксическим особенностям близки к таким грамматическим категориям, как имена существительные, прилагательные и наречия. При этой точке зрения количество основных, самостоятельных частей речи уже уменьшается на две и сводится к восьми.

Однако и среди этих восьми частей речи также оказываются сомнительные, неполноправные. Легче всего оспорить право называться частью речи у междометий. «Как бы ни было велико значение междометия

в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи – речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную; во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи»⁷.

Кроме междометий, из группы частей речи легко выпадают служебные слова. «Многие из частей речи наших грамматик не что иное, как морфемы (т. е. выразители чисто грамматических отношений), – пишет Ж. Вандриес. – Таковы частицы, называемые предлогами и союзами»⁸.

Исследователи (например, проф. Кудрявский), придерживавшиеся взгляда Потебни на полный семантический параллелизм частей речи и членов предложения, всегда отказывали в звании частей речи служебным, связочным словам, т. е. предлогу, союзу и частице. У таких исследователей количество частей речи ограничивается четырьмя основными: существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Если лингвистический скептицизм простирается дальше, то подвергается сомнению право наречий на звание самостоятельной части речи. Ведь одни разряды наречий находятся в тесной связи с прилагательными (ср. включение качественных наречий на *-о* в систему имен прилагательных у профессора Куриловича), другие – с существительными, третьи не имеют ярко выраженных морфологических признаков особой категории. В основе некогда принятого последователями академика Фортунатова грамматического деления слов по различиям словоизменения на: 1) падежные (*веселье*); 2) родовые (*веселый, -ая, -ое, весел, -а, -о, служил, -а, -о*); 3) личные (*веселюсь, веселишься* и т. п.) лежало именно такое недоверчивое отношение к «грамматичности» наречия. Таким образом, уцелеют лишь три части речи: имя существительное, имя прилагательное и глагол. Но еще в античной грамматической традиции существительные и прилагательные подводились под одну категорию имени. И в современных языках они часто меняются ролями. «Между ними нет четкой грамматической границы; их можно соединить в одну категорию – категорию имени, – заявляет Ж. Вандриес и заключает: – Продолжая этот отбор, мы приходим к тому, что существуют только две части речи: глагол и имя. К ним сводятся все остальные части речи»⁹.

«Имена и глаголы – это живые элементы языка в противоположность его грамматическим орудиям»¹⁰ (вроде предлогов, союзов и т. п.).

Из русских грамматистов никто еще не дошел до такого ограничения частей речи, но в фортунатовской школе высказывалось мнение, что глагол не соотносителен с именами существительными и прилагательными и что в морфологии можно управиться и без категории глагола. Профес-

сор М. Н. Петерсон в своих ранних работах по русской грамматике в изложении словоизменения так и обходился без учения о глаголе как особом грамматическом классе¹¹. Лишь в своих новых «Лекциях по современному русскому литературному языку» (1941) он вынужден был признать глагол как категорию, «обозначающую признак, протяженный во времени». <...>

Части речи прежде всего распадаются на две большие серии слов, отличающихся одна от другой степенью номинативной самостоятельности, системами грамматических форм и характером синтаксического употребления.

В одной серии оказываются категории имен, категория местоимений и категория глагола, в другой – категория наречия. В современном русском языке наречия соотносительны с основными разрядами имен и глаголов. Но связь наречий с именами теснее, чем с формами глагольных слов. В современном русском языке происходит непрерывное передвижение именных форм в систему наречий.

Изменения в строе русского языка, связанные с историей связки (так называемого «вспомогательного» глагола), привели к образованию особой части речи – **категории состояния**. Эта часть речи возникла на основе грамматического преобразования целого ряда форм, которые стали употребляться исключительно или преимущественно в роли присвязочного предиката. Под эту категорию состояния стали подводиться «предикативные наречия» (типа *можно, совестно, стыдно* и др. под.), оторвавшиеся от категории прилагательных краткие формы (вроде *рад, горазд*), некоторые формы существительных, подвергшиеся переосмыслению (например: *нельзя, пора* и т. п.).

Так как связка пережиточно сохраняла некоторые формальные свойства глагольного слова, то на развитии категории состояния заметно сказалось влияние категории глагола.

Что касается категории имен, то в русском языке ясно обозначаются различия между именами существительными и прилагательными. От этих категорий в истории русского языка (особенно с XII–XIII вв.) обособилась категория количественных слов – категория имени числительного. Напротив, древний богатый класс указательных слов, местоимений в истории русского языка подвергся распаду, разложению. Большая часть местоименных слов слилась с категориями имен прилагательных и наречий или превратилась в частицы речи, в грамматические средства языка. В системе современного языка сохранились лишь реликты местоимений как особой части речи (предметно-личные местоимения). Таким

образом, система семи основных частей речи, свойственных современному русскому языку, может быть представлена в такой схеме:

I. Имена: существительное (1), прилагательное (2) и числительное (3).

II. Местоимение (в состоянии разложения) (4).

III. Глагол (5).

IV. Наречие (6).

V. Категория состояния (7).

Система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи:

1) частицы в собственном смысле;

2) частицы-связки;

3) предлоги;

4) союзы.

К частицам речи примыкают одной стороной модальные слова, образующие особый структурно-семантический тип слов.

Профессор А. Белич¹² думает, что модальные слова следовало бы объединить с частицами, предлогами, союзами в категории реляционных (т. е. выражающих отношения) слов-частиц. Действительно, среди модальных слов наблюдается большая группа частиц с разнообразными модальными значениями. Однако эти модальные частицы не исчерпывают и не определяют грамматическую природу всех вообще модальных слов. Модальные слова находятся во взаимодействии как с частицами речи, так и с разными категориями частей речи. Но синтаксические функции и семантическая структура большинства модальных слов иного рода, чем частей речи и частиц речи. В живом языке, как правильно заметил и профессор А. Белич, нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям. Такие же сложные семантические взаимодействия наблюдаются и в кругу модальных слов. <...>

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики, М.; Л., 1935. С. 104.

² Ries J. Was ist ein Satz? Prag, 1931. S. 114–115.

³ Некоторые лингвисты, например О. Есперсен, И. И. Мещанинов, предлагают различать при изучении строя языка «понятийные категории» (в отличие от общих логических и психологических категорий) и «грамматические категории».

«Понятийными категориями, – пишет академик И. И. Мещанинов, – передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грам-

матическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся..., грамматическими понятиями». «Понятийные категории могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями» (Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945. С. 196). Мысль о необходимости различать общие семантические категории, лежащие в основе всей системы языка, и категории грамматические («грамматически выраженные понятийные категории») очень плодотворна. И все же до тех пор, пока с этой точки зрения не будут исчерпывающим образом исследованы и описаны системы разных языков, остается еще очень много неясного в определении существа «понятийной категории» и ее соотношения с грамматической категорией, в методах исследования системы понятийных категорий, влияющей на строй языка. Самый термин «понятийная категория» не безупречен с логической точки зрения.

⁴ Отмечается, что причастие совмещает в своей структуре грамматические свойства глагола и имени прилагательного, а деепричастие – грамматические свойства глагола и наречия.

⁵ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Вып. 2. С. 18. (Избр. работы по рус. яз. С. 74).

⁶ Там же.

⁷ Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 114.

⁸ Там же. С. 116.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Петерсон М. Н. Русский язык. М., 1935; его же: Современный русский язык. М., 1929.

¹² Белич А. (Рец. на кн.:) Виноградов В. В. Современный русский язык, вып. 1–2 Л., 1938 – «Јужнословенски филолог, Београд, 1938–1939, кн. 17. С. 259. Ср. также статьи Куриловича (Dérivation lexicale et dérivation syntaxique. Contribution à la théorie des parties de discours. – «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1936. Т. 37.) [см в его кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70] М. В. Сергиевского (Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика // Вопросы грамматики // Уч. зап. 1 МГПИИЯ. 1940. Т. 2).

М. Б. Панов

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Выказано немало различных взглядов на систему частей речи в современном русском языке; самое многообразие этих взглядов часто вызывает недоумение, шутки и порицания. Между тем множественность теории в данном случае совершенно законна и необходима.

Соотношения, сложившиеся в русском языке между крупнейшими грамматическими классами слов, чрезвычайно сложны и многообразны. Лингвистические теории отражают и описывают разные стороны этих соотношений с помощью разных терминологических систем.

2. Описание может быть истинным, если оно строго следует определенным и четко сформулированным принципам, регламентирующим соотношение между изображаемым и его «проекцией» в данном описании.

Различные географические карты неодинаково изображают очертания материков и океанов, но каждая проекция верна, если четко определены соотношения изображенного и изображающего, иначе говоря – определены принципы описания и нет отступлений от них. <...>

Та «проекция» частей речи, которая дается в этой статье, построена на определенных принципах, которым автор последовательно стремился быть верным. Они указаны в п. 3–6 данной статьи.

3. К одной и той же части речи следует относить лишь такие единицы, которые обладают известной морфологической общностью.

4. Эта общность является аффиксальной, а не корневой¹. Указание на корень данного слова ничего не сообщает о принадлежности этого слова к какой-то части речи.

5. То общее, что объединяет различные морфологические образования в одну часть речи, дано не звучанием, а только значением аффиксов. *Вода, ночь, мостовая* объединяются в одну часть речи, хотя аффиксы здесь совершенно различны по звучанию; наоборот, *иду, звезду, на юру* (наречие), *у* (предлог), *письму, волчью* (прилагат.), *полу-* (числительное), *по сту* (числительное)² не составляют никакого грамматического целого, хотя все они имеют (грамматически разнозначный) элемент -у.

6. Каждый грамматический класс объединяется как целое одним предельно общим грамматическим значением. Такие предельно обобщенные значения разных классов образуют систему; эти значения соотношены, они взаимно определяют и ограничивают друг друга. Следовательно, они должны выделяться на одном общем основании; это так и есть: они выделены по участию в функции называния.

7. Можно ли у морфологических образований: *пишу, пишешь, пишут, писали, писало, писали бы, пиши...* выделить единое **общеглагольное** значение? Есть ли значение, которое наслаивается на более конкретные, детализирующие значения лица, времени, наклонения и т. д.? Есть: это значение процессуальности. Оно встает за плечами значений лица, времени и т. д., объединяя и сплавляя их воедино. Следовательно, у флексии *-ат* в форме *синят* налицо следующие значения: третье лицо, множественное число, неперошедшее время, изъявительное наклонение, переходность, несовершенный вид и **процессуальность**. Именно наличие этого последнего значения и позволяет данную форму считать глагольной.

8. В любом глаголе значение основы обозначено как процессуальное. Даже в глаголах: *белеть, белеться, населять, оканчиваться* (ср. *Сад оканчивался у самого обрыва*), *покоиться* – говорящие находят процессуальное значение, хотя здесь **основа** сама по себе, без парадигматических аффиксов, никакого процесса и не изображает³. Но с помощью глагольных парадигматических аффиксов эти основные, лексические значения «представлены» или обозначены как процессуальные.

9. К прилагательным относятся такие морфологические образования, у которых значение основы обозначено (с помощью парадигматических аффиксов) как непроцессуальный признак.

Прилагательные и глагольные морфологические единицы противопоставлены друг другу как слова, грамматически обозначающие непроцессуальный признак, и слова, грамматически обозначающие процессуальный признак⁴.

10. Для обозначения непроцессуального признака другого признака существует особая часть речи: наречие.

Морфологическое выражение значения наречия – нулевой показатель словоизменения, т. е. одночленная парадигма.

Однако известно, что существуют также и неизменяемые существительные (*пальто, жюри, кенгуру*) и неизменяемые прилагательные (*беж, хаки, хинди, урду*). Не придется ли и эти слова, вопреки очевидности, считать наречиями?

Как уже сказано, не звуковое выражение, а именно значение грамматической формы (выраженное морфологически) является существенным при разграничении частей речи. Ни омонимия аффиксов, ни омонимия парадигматических нулей не заставляют нас отождествить слова двух разных классов.

11. Деепричастие указывает процессуальный признак признака. Это указание дается не основой, а именно аффиксами *-а, -в (-вши)* срв. *белея, простираясь* и т. д. Такие аффиксы, внося видо-временные оттенки в значение формы, тем самым придают лексеме значение процессуальности⁵. <...>

13. Осталось определить грамматическое значение еще одной части речи, а именно существительного.

«Существительное обозначает предмет». Определение это было бы неплохо, если бы мы знали, что означает в нем слово «предмет». Предположим, «предмет» обозначает здесь вещь, или существо, или явление, т. е. некую «отдельность». Очевидно, что при таком толковании определение не отвечает своему объекту: ведь существительное может служить и названием для действий (*бег, ужение, смазка*) и качеств (*белизна, строгость, сушь*).

Может быть, здесь надо видеть нечто подобное называнию глаголами различных недействий; ср.: *белеть, белеться, простираться* и т. д.? Однако в случаях *белеть, белеться* и проч. действительно существует соединение основы, указывающей на какой-то непроцессуальный признак, с процессуальным грамматическим значением (выраженным аффиксально).

Но в словах *бег, ужение, смазка; белизна, строгость, сушь* нет никакого овеществления действий и признаков. Они вовсе не приравниваются с помощью грамматического значения к вещам, лицам, явлениям, не становятся по своей овеществленности в один ряд с названиями *чемодан, путешественник, пожар*.

Может быть (второе предположение), «предмет» в этом определении означает просто «нечто субстанциональное». Тогда все, что рассматривается как постоянный носитель ряда признаков, обозначается существительным. Этим объясняется возможность оформления в качестве существительных таких слов, как *бег, белизна* и т. п. Ср.: *ослепительная до рези в глазах, сияющая белизна; стремительный бег наперегонки по пересеченной местности* и т. п. Но поскольку любая часть речи, называя нечто, может иметь при себе пояснительные слова (*стремительно бегут наперегонки по пересеченной местности; ослепительно, сияюще белый*), постольку любая часть речи может называть какую-то сложность, расчлененную (в словосочетании) на детали, на признаки. Значит, не здесь лежит отличие существительного от остальных частей речи.

14. Существительное противопоставляется остальным частям речи как часть речи с нейтральным значением⁶.

Парадигма прилагательного указывает, что основа слова, соединенная с этой парадигмой, понимается как указатель постоянного признака; глагольная парадигма указывает, что основа слова понимается как процессуальный признак; наречная парадигма указывает, что основа слова понимается как постоянный признак признака; деепричастная парадигма указывает, что основа слова понимается как процессуальный признак признака.

Парадигма существительного нейтральна – она указывает, что ни одно из этих значений грамматически не выявлено; она передает отсутствие различных окрасок, свойственных другим частям речи.

Таким образом, в *бежать* процессуальное значение основы грамматически обозначено как действие (т. е. именно как процессуальное); в *беглый* то же исходное значение грамматически осмыслено как непроцессуальный признак; в *беге* – как непроцессуальный признак признака; в *бегая* подведено под категорию процессуального признака призна-

ка. В существительных же *бег, бегание, бегство, беглость, беглец, беженец* задача парадигм существительных состоит в том, чтобы не осложнять никакими дополнительными оттенками то значение, которое дано основой, и не подчеркивать никаких значений в этой основе. Значение основы остается наедине с самим собой.

15. Естественно, что названия предметов, живых существ, явлений неизбежно должны относиться к разряду существительных. Грамматическое значение таких классов, как глагол, прилагательное, деепричастие, наречие, не допускает, чтобы слова *дом, кузнец, лев, по жар* были причислены к этим классам. Напротив, класс существительных, как нейтральный, естественно включает эти слова в свой состав⁷.

Но эта неизбежность не означает, что предметность – значение, свойственное всем существительным. У множества существительных отпечатка предметности нет.

Весьма характерно, что возможна субстантивация любой части речи⁸. Любой глагол, прилагательное, деепричастие, наречие можно превратить (синтаксическими способами, а иногда и морфологическими) в существительное. При такой субстантивации⁹ нейтрализуется специфически глагольное, прилагательное (и т. д.) значение, – и только.

Итак, существительное характеризуется нейтральностью общего грамматического значения.

16. Здесь необходимо одно замечание. Глагольно-наречные сочетания *бежать наперегонки, действовать вслепую, говорить вполголоса, просушить дожелта* и т. д. закономерно соотносятся с именными сочетаниями (включающими отглагольное существительное): *бег наперегонки, действие вслепую, речь вполголоса, просушка дожелта...* В словах *бежать* и т. д. глагольная парадигма указывает, что значение основы грамматически осмысливается как процессуальный признак. В словах *бег* и т. д. парадигма существительного указывает, что значение основы здесь грамматически не квалифицируется как какой-то признак или признак признака; оно остается грамматически (деривационно) немаркированным. Но поскольку по своему лексическому значению *бег* и т. д. явно название процессуального признака, постольку оно, естественно, определяется наречием, т. е. названием признака признака: *бег наперегонки*.

Однако есть и другие сочетания с теми же отглагольными существительными: *быстрый бег* (ср.: *быстро бежать*), *смелое действие* (срв. *смело действовать*), *четкая речь* (ср.: *четко говорить*), *тщательная просушка* (ср.: *тщательно просушить*). В этих сочетаниях основы существительных, как и в ранее разобранных случаях, имеют лексическое значение процессуального признака (грамматически же оно не маркиро-

вано); но в качестве определений выступают прилагательные¹⁰. Это противоречит грамматической сущности прилагательного: оно обязано указывать признак, а не признак признака, для названия которого есть особая часть речи. Прилагательное *быстрый*, присоединяясь к существительному *бег*, заставляет нас слово *бег* понимать как нечто предметоподобное, как некую предметную «отдельность».

Таким образом, внутри системы обнаруживается известное противоречие, напряжение. В одних случаях *бег* обозначено в словосочетании как нечто предметное (*быстрый бег*) – это указание ложно; в других сочетаниях как нечто непредметное (*бег наперегонки*) – это указание истинно¹¹.

17. Как может быть устранено напряжение в системе частей речи? Этот путь намечен самим языком.

А. В русском языке существует изолированная группа неизменяемых существительных: *пальто, какаду, колибри, МТС* и пр. Количество слов в этой группе невелико, и пополняется она сейчас очень слабо.

Б. Неизменяемых глагольных единиц в современном русском языке нет. Любая глагольная форма является морфологически сложной, в ней наличны аффиксы глагольной парадигмы. Поэтому глагол является наиболее сильной единицей в морфологической системе современного русского языка.

Такие глагольные формы, как *бац, толк* и пр., предполагают наличие инфинитивов: *бацнуть, толкнуть...* и, следовательно, целую систему форм; эти глагольные «обрубки» на самом деле имеют парадигматические аффиксы (нулевые).

В. Неизменяемость наречия является нормой в современном русском языке.

Г. Наконец, группа неизменяемых прилагательных, пестрая и мозаичная, оказывается весьма продуктивной. В речи, во всяком случае, встречается большое количество «аналитических прилагательных». Свою отнесенность к существительному они указывают только путем примыкания, причем для одних прилагательных типична строго неизменная постпозитивность, для других – столь же строгая препозитивность.

18. Когда постепенно слагается какой-то новый класс (или подкласс) грамматических единиц, то в него многими путями стекаются различные по происхождению формы. Перечислю некоторые разновидности аналитических прилагательных, условно группируя их по происхождению:

а) заимствованные слова с основами, обозначающими качество: *беж, электрик, кардинал, хаки* (название цветов); *хинди, урду*, пр. (назва-

ния языков). Они постпозитивны: *Фразы, на хинди и бенгальском; В гимнастерке цвета хаки; В платье беж; «Русско-хинди разговорник»; Коми алфавит; Применять Чжень-цзю-терапию; Часы пик; Издание-bis;*

б) некоторые заимствованные приставки, завоевавшие самостоятельность: *экс-, ультра-, псевдо-, архи-* и др. Они препозитивны: *Эх! – только и сказал экс-лавочник; Псевдоученость его бросается в глаза; Много всяких архинелепостей;*

в) единицы, когда-то бывшие корневою частью заимствованных слов: *микро-, авто-, авиа-, фото-, кино-, теле-;* они препозитивны: *По авиапочте можно отправить авиателеграмму, авиаписьмо, авиабандероль; «Фото и кино товары» (вывеска); Организовать радио- и телевизионные передачи; Применение макро-, микро- и комбинированной съемки; Примитивные фото- и так называемые изоизделия; Воркута – популярны Сочи, не морской – так аэропорт...;*

г) эмансипировавшиеся части некоторых сложных слов (русский корень + интерфикс *-о-*; теперь это *-о* – аффикс аналитического прилагательного); они препозитивны: *Нефте- и газопроводы; Ухо-горло-носо-терапия; Хлебо- и лесозаготовки;*

д) некоторые адъективированные наречия, обычно связанные с неотглагольными существительными (они постпозитивны): *Яйца всмятку и вкрутую* и пр.;

е) некоторые приложения: *Сказка о чудо-дереве; Слава чудо-богатырям; Не налюбуйся этой чудо-машиной; Знакомство с программой-минимум; Он дал своим питомцам перспективу-максимум; Беда с этим горе-командиром; Разгромили банды генерал-предателя Власова;*

ж) получившие самостоятельность части аббревиатур (они препозитивны): *В нашем сель-то совете; И партийный, и профбилет; Главвино? Ну, пусть глав; В обл- и районной печати;*

з) традиционные для русского языка неместоименные аналитические прилагательные: *Зауряд-полк, Зауряд-снабженец* и т. д.;

и) традиционные притяжательные местоименные прилагательные *его, ее, их* (они препозитивны; омонимичные же местоименные существительные обычно постпозитивны)¹²;

к) числительные прилагательные из бывших числительных существительных: *Дом номер пять; Дворник бляха сорок шесть*¹³;

л) прилагательные из служебных слов: *Ох уж эти мне тоже-писатели; Не люблю таких вроде специалистов; Ваших какбы-помощников мне не надо; Иногда книгу только читают, а не вдумываются в текст; после такого «только чтения» знаний не прибавится* и т. д.;

м) эмансипировавшиеся русские приставки в роли прилагательных: *Решить эту сверх-задачу, этот важнейший сверх-вопрос*; ср. также: *сверхтекучесть, сверхбдительность, сверхупорство* и т. д.;

н) наконец, в роли аналитических прилагательных выступают всякие «кодовые определители» (обычно названия букв, цифр): *Икс-лучи, 1-истинность, Линия АВ, Гамма-частицы, Плоскость М, 8-трубка; Нуль-система; Мотор МД-125* и пр.

19. Все перечисленные выше единицы являются словами (хотя это зачастую еще не отражено в орфографии); доказательства:

а) они имеют фонетические признаки отдельного слова;

б) они вступают в сочетание с частицами (*Сель же совет, Экс-то президент, Проф ли это собрание?*), с пояснительными словами (*Фото- и так называемые изоизделия. Это – комбинированная и в какой-то степени микросъемка*); могут быть связаны сочинительной связью с неаналитическими прилагательными (*Цвет электрик и зеленый; И партийный, и профбилет*). Все это – синтаксические признаки отдельного слова;

в) наконец, все эти единицы вступают в свободные синтагматические сочетания. Это и является особо важным при определении слова¹⁴.

Свою же прилагательность перечисленные выше слова указывают аналитически: в предложении они могут только примыкать к существительному (или к другому прилагательному, связанному с тем же существительным) и ни на что другое не способны. Они не способны даже примыкать к связке, и поэтому не выступают в роли сказуемого.

20. Рассмотренный выше разнородный материал аналитических прилагательных в современном русском языке еще только сплавливается, преобразуется в нечто целостное. Пока все это – явления скорее речевого плана, чем языкового (хотя речевое настойчиво кристаллизуется в языковое).

21. Если же эти явления станут фактом языка, если это будет стабильный и многочисленный класс слов, то отношения в системе частей речи русского языка сложатся по-иному. Различие между прилагательным и наречием окажется нивелированным. Прилагательные будут представлены двумя морфологическими типами:

Тип А. Приименная форма: *светлый, светлая, светлое, светел, светла, светло...* Прилагольная форма: *светло*.

Тип Б. Приименная форма: *всмятку*. Прилагольная форма *всмятку*. Следовательно, и в первом, и во втором типе одна из приименных форм употребляется прилагольно; но во втором случае эта «одна из» и является единственной. <...>

22. Далее, при разрушении противопоставления между наречием и прилагательным исчезает разграничение частей речи глаголдеепричастие, сейчас поддержанное именно наличием особого класса наречий. Таким образом, ступенчатость вычленения тех или иных отличий при назывании объекта (непосредственный «признак» *contra* «признак признака») не будет отражена в системе частей речи. <...>

27. Остается еще несколько замечаний. Числительные не являются особой частью речи.

Порядковые числительные, как уже давно доказано, – прилагательные (с особым лексическим значением).

Количественные же и собирательные числительные выделяют как особую часть речи на таких основаниях:

- 1) они образуют особые «счетные слова»;
- 2) имеют свои падежные флексии;
- 3) у них отсутствуют формы множественного числа (что грамматически отличает их от существительных);
- 4) они особым образом сочетаются с существительными.

Первое основание настолько бессодержательно, что особого рассмотрения не требует¹⁵.

Наличие особых (по звучанию) падежных флексий не является признаком, на основании которого выделяются части речи. Напротив, в каждой части речи есть синонимические варианты флексий; например, творительный падеж выражается синонимическими аффиксами: *ом, ој, ј'у, эм, им* (*столом, пилой, дверью, чем, съестным*). Почему же из этой серии исключать флексии *а, мя* (*ста, двумя, тремя*)¹⁶? Нет оснований ограничивать синонимику только первыми семью типами. Напомню, что части речи выделяются на основании значений аффиксов, а не на основании их звучаний.

Третья мотивировка – отсутствие множественного числа – также несостоятельна. Есть ряд классов существительных, лишенных форм множественного числа: вещественные, собирательные, отвлеченные. Значение основы у них предопределило невозможность сочетания с грамматическим значением числа. Но таково же положение и у «числительных» существительных.

Наконец, часто подчеркивают, что числительные особым образом сочетаются с существительными. Справедливости ради следовало бы сказать наоборот: все существительные особым образом сочетаются с подгруппой «числительных» существительных. Ср.: дат. *мести врагов – шести врагам*, тв. *мestью врагов – шестью врагами*.

И слово *месть* и слово *шесть* склоняются в подобных сочетаниях совершенно обычным образом. Необычны здесь формы *врагам, врагами*. Но это надо считать грамматической особенностью всех существительных: при сочетании с «числительными» существительными они не застывают в родительном падеже, а дублируют своими флексиями косвенные падежи этих «числительных». Так ведут себя все существительные, попадая в данное положение, в том числе и сами «числительные» существительные: ср.: *московские сорок сороков* – *о московских сорока сороках* – *к московским сорока сорокам*; *о нескольких стах, к несколькимстам рублей* (здесь *несколько* – местоименное числительное существительное).

Числительные, как показано, встречаются среди существительных. Далее, они встречаются (как лексическая группа) среди прилагательных: *пятый, одиннадцатый...*; среди наречий: *пятером, шестером* (эти наречия соотносительны с существительными *пятеро, шестеро*), *на двое, на трое, вдвое, втрое* (эти наречия соотносительны с существительными *два, три*); среди глаголов: *удвоить, утроить...*; среди деепричастий: *удвоив, утроив...*

Местоимения, с изложенной точки зрения, хотя и составляют лексическую группу слов (или даже несколько групп: с указательным, замещающим и т. п. значением основы), но не являются особой частью речи. Основания те же, что и при анализе лексической группы числительных. В пределах каждой части речи есть уголок местоименных слов, включая и местоименный глагол *что делать*¹⁷.

Вне системы частей речи находятся междометия, слова типа *да, нет* и все частицы речи (служебные слова). Система частей речи связана с функцией наименования; но именно такой функцией не обладают ни междометия, ни частицы¹⁸. Междометия, а также слова *да, нет* (и под.) – эквиваленты предложений; они включают в себя предикативность. Например, *ах! ой!* всегда подразумевают первое лицо и отнесение к нему определенной эмоции¹⁹. Слова *да, нет* подобны указательным словам *это, он*; но последние заменяют в предложении слова и словосочетания, а *да, нет* – целые предложения.

У всех этих слов нет значений, соотносительных со значениями: процессуальный признак, непроцессуальный признак и т. д.

* * *

Данная здесь классификация не может заменить другие классификации, выделяющие в грамматических классах слов иные существенные признаки. Но, может быть, и та точка зрения, которая высказана здесь,

несводима к иным решениям данного вопроса. Возможно, Гренландия оказалась здесь непривычно большой, но это обусловлено принятыми принципами: если сами принципы истинны, то такое отклонение от привычных средне-гренландских размеров, может быть, и простительно.

¹ Практически (при выполнении условий, указанных в § 3–6) устанавливается, что эта общность в русском языке является постфиксальной: это, кроме того, общность парадигматическая.

² Здесь в скобках указана традиционная классификация частей речи.

³ Ср.: описание значения первых двух слов: «Белеет имеет значение «что-то белое видно вдали» и «становится белее». Белеется выражает тоже, что нечто белое видно вдали, но это белое видно как бы в тумане, колеблется, теряется и вновь появляется». (П. С. Кузнецов. Глагол // Современный русский язык. Морфология. М., 1952. С. 343).

Ср.: «Очевидно, что, когда мы говорим *больной лежит на кровати* или *ягодка краснеется в траве*, мы это лежание и краснение представляем не как состояние, а как действие». Л. В. Щерба. Избр. работы по рус. языку. М, 1952. С. 76 (Статья «О частях речи в русском языке»).

⁴ Процессуальный признак объекта – признак, изменчиво протекающий во временных пределах своего существования.

⁵ Напротив, причастия не являются особой частью речи. Причастие передает, подобно спрягаемым формам, именно процессуальность признака. Только поэтому любое причастие заменяется придаточным предложением со спрягаемой формой глагола (*скачущая лошадь... – лошадь, которая скачет...*).

Характерно, что действительные причастия в литературном языке не могут быть именной частью сказуемого. Именной частью сказуемого могут быть страдательные причастия (только прошедшего времени!); они используются как формы глаголов совершенного вида, соотносительные со страдательными формами на *-ся* глаголов несовершенного вида: *волны разбивались ветром – волны разбиты ветром* (вм. неупотребительного: *волны разбились ветром*). И эта параллельность как раз подтверждает тождество причастий со спрягаемыми формами в отношении значения процессуальности.

Спрягаемые формы являются чисто предикативными по синтаксической функции глагольными образованиями, а причастия – непредикативными; в этом все их различие.

⁶ Ср. такие же соотношения в области других грамматических значений. Например, формы множественного числа существительных «содержат указание на то, что предметы, которые обозначены существительными в единственном числе, выражаются во множественном числе как взятые в некотором (неопределенном) количестве. В противоположность множественному числу, в формах единственного числа отсутствует указание на какое-либо количество» (Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 81). Формы единственного числа ограничиваются тем, что не обозначают множества; следовательно, могут быть использованы для обозначения и одного, и нескольких объектов, и объектов несчитаемых. Эти частные оттенки значения допускаются именно нейтральностью общего грамматического значения единственного числа.

⁷ Ср.: основы, обозначающие нечто не сочетаемое с понятием «штучного подсчета», неизбежно оформляются аффиксами единственного (т. е. нейтрального) числа: *молодость, синева, гуца, десять*.

⁸ «Перейти в существительное может всякая часть речи» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. 2. Л. 1927. С. 8).

⁹ Субстантивация здесь рассматривается не как исторический процесс (ср. историческую субстантивацию слов *портной, мостовая, ночное*), а как варьирование грамматического значения слов в зависимости от его окружения в предложении, от контекста.

¹⁰ Здесь рассматриваются синтаксическая сочетаемость слов, но она важна лишь как способ проявления грамматических значений, выраженных морфологически. В самом определении наречия: «признак признака» – уже заключено указание на синтаксическое выражение этого морфологического значения (данное слово относится к другому, обозначающему признак; вместе они образуют назывное сочетание слов).

¹¹ Подобные противоречия встречаются и в других областях языковой системы. Например, в безударных слогах после мягких согласных в соответствии с фонемой <а> произносятся гласные переднего ряда. После же твердых – гласные непереднего ряда. В *шатер* твердость <ш> дополнительно указана соседним гласным непереднего ряда. Но в слове *лошадей*, с гласным типа [э^б] после шипящих, согласный <ш> обозначен следующим гласным как мягкий; только одно из этих противоречивых указаний истинно. В фонетической системе оказалось налицо напряжение, противоречивость в показаниях, которые даны сочетаниями единиц этой системы. Отношения ложные подлежат устранению: э-образный звук после шипящих всюду заменяется произношением звука типа [а].

¹² См.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 155.

¹³ Здесь, кроме того, аналитична и вся сложная определительная группа: *номер пять* или *бляха сорок шесть*; ср. *сед ноги врозь за кистями; упор ноги врозь вне; упор руки в стороны; сед верхом поперек руки в стороны; упор руки вместе* (гимнастическая терминология).

¹⁴ Подробнее об этом см. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С. 199. Ср. также: М. В. Панов. О слове как единице языка // Учен. зап. Мос. гор. пединститута. Вып. 4. 1953. С. 395 и сл.

¹⁵ Приняв это основание и оставаясь последовательным, следует собственные имена выделить в особую часть речи, так как они образуют особые «именовательные слова»

¹⁶ С интерфиксами: -у-, -о-.

¹⁷ См. А. И. Зарецкий. О местоимении // Русский язык в школе. 1940. № 6.

¹⁸ «Частям речи противостоят частицы речи, связочные слова. Этот структурно-семантический тип слов лишен номинативной функции». (В. В. Виноградов. Современный русский язык. Вып. 1. М., 1938. С. 153.)

¹⁹ В случаях: *Он ах!* – *да поздно* – налицо не междометие, а форма глагола *ахнуть* (ср. *бац, цап* и пр.).

В. А. Ицкович

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОДУШЕВЛЕННЫЕ И НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НОРМА И ТЕНДЕНЦИЯ)

1. В категории одушевленности – неодушевленности переплетаются и противоборствуют формально-грамматические и семантические критерии. Семантически к одушевленным существительным относятся названия живых существ (кроме растений), а также антропоморфных и зооморфных существ. Все прочие существительные входят в класс неодушевленных¹.

Формально-грамматически одушевленные существительные отличаются от неодушевленных формой винительного падежа: винительный падеж существительных во множественном числе совпадает с родительным. В единственном числе такое совпадение наблюдается только у существительных мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа.

Отступление от этого можно отметить в ограниченной группе лексем в конструкциях «глагол + *в* + существительное в вин. падеже мн. числа», обозначающих обычно переход из одного общественного состояния в другое: *произвести в офицеры, уйти в монахи, пойти в дворники, записаться в добровольцы, выйти в люди, разжаловать в рядовые, выдвинуть в члены комиссии, взять в мужья (в жены), рекомендовать в аспиранты, избрать в академики, принять в пионеры, зачислить в отстающие* и т. д.² (с некоторыми конструкциями такого рода в современном языке конкурируют употребляемые без ограничений конструкции с творительным падежом единственного числа: *записаться добровольцем, выдвинуть членом комиссии, избрать академиком* и др.); см. также устойчивые сочетания с главным словом *играть (игра)*: *играть в солдатики, в казаки-разбойники, в дочери-матери, в кошки-мышки, в куклы, в дураки, в дурачки* (но в ед. числе выступает только форма одушевленного существительного: *играть в дурака, в дурня, в козла*); «*Играют они в солдаты и в арестанты*» (А. П. Чехов, Остров Сахалин). Отступления от этого принципа редки, воспринимаются как отклонения от нормы: «Случалось, баловались *игрой в оловянных солдатиков*» («Литературная газета», 1978. 26 июля); «*Мальчики играют в солдатиков – пехотинцев и конников*» («Вечерняя Москва», 1979. 6 июня).

Формальный критерий является «наиболее ярким и постоянным признаком категории одушевленности»³, так как деление на «одушевлен-

ные» и «неодушевленные» предметы не совпадает с разграничением живой и неживой природы. <...>

В сфере описываемой категории выделяются два класса лексем. Один класс объединяет слова, у которых значение одушевленности (неодушевленности) совпадает с формой одушевленности (неодушевленности); колебания, наблюдаемые в этом классе, отражают колебания в отнесении называемого предмета к «одушевленным» или «неодушевленным». Другой класс образуют слова, употребленные метафорически: это существительные одушевленные, используемые для названия «неодушевленных» предметов, и существительные неодушевленные, называющие «одушевленные» предметы. Колебания в этом классе отражают противоречие грамматической формы и контекстного значения существительного.

2. Первый класс слов образуют, как было сказано, существительные одушевленные, употребленные в своем основном, неметафорическом значении. Это названия людей, названия птиц и животных (в том числе сказочных, фантастических), рыб, насекомых, слово *бог*, названия богов: (*Зевс, Юпитер, Гера, Юнона, Посейдон, Нептун, Водан, Перун, Аллах, Иегова*; но слово *божество* – неодушевленное), других мифических и сказочных антропоморфных и зооморфных существ (*ангел, архангел, херувим, серафим, бес, черт, дьявол, нечистый, леший, домовый, водяной, упырь, вурдалак, василиск; титан, гигант, монстр, фавн, сатир, кентавр, дракон, сфинкс, джин, ифрит, гном, кобольд* и др.; *русалка, ведьма, кикимора, нимфа, фея, сирена, менада, наяда, дриада, грация, муза, валькирия, гурия* и под.). К одушевленным существительным относят слова *мертвец, покойник, утопленник* (но *труп* – неодушевленное)⁴, местоимения *я, ты, мы, вы, он, кто*; названия карточных и шахматных фигур (*туз, король, ферзь, дама, валет, конь, слон, ладья, пешка*).

3. Колебания в выборе формы одушевленности или неодушевленности в этом классе слов связаны с колебаниями в определении статуса самих объектов, в отнесении называемого существительным предмета к живым или неживым существам.

Это касается, например, слов, называющих консервы из некоторых видов морской рыбы, названий употребляемых в пищу морских моллюсков, ракообразных и под., которые не встречаются в центральной России в живом виде и стали известны сначала как экзотическое блюдо и лишь позднее – как живые существа: *есть, любить устрицы/устриц, мидии/мидий, креветки/креветок, крабы/крабов* (но ср. обычное *есть раков*, а не *есть раки*, так как они известны в живом виде: *Ребята ловят раков*), *есть трепанги/трепангов, омары/омаров* (в ед. числе съел тре-

панга, принесли большого омара на блюде – единичный экземпляр выступает как живое существо), *есть кальмары/кальмаров*, но *есть сардины, шпроты*⁵. Однако если речь идет не об экзотической пище, а о живущих в море существах, то названные слова принимают форму одушевленных существительных (см. замечание о слове *омар*): *ловить крабов, омаров* и т. д.: «Я искал моллюсков-жемчужниц» (А. Якубовский, Купол Галактики); «Занимаемся в основном рыболовством, *разводим креветок*, сеем рис» («Правда», 1977. 13 дек.); «*Варят кальмары* в кипящей воде» («Вечерняя Москва», 1977. 13 дек.); «Вареный кальмар *нарезать* соломкой» (там же). В практике наблюдаются отклонения от названного принципа: «Много рыбы и других продуктов моря было выращено в искусственных условиях. 60 процентов из этого количества *приходится* на сома и форель, а остальное – *на семгу, устрицы, раки, моллюски и креветки*» («Правда», 1975. 26 мая); «Дедушка, молодой отец, мальчуган и женщина *едят улитки из Бургундии*» (А. Ремакль, Летайте «Каравеллой»); ср. «Дама *поливает устриц* лимонным соком» («Неделя», 1976. 4 апр.).

Форма существительного *пиявки* зависит обычно от контекста, в котором оно употреблено: это слово изменяется как существительное одушевленное, когда называет пресноводного кольчатого червя (*ловить пиявок*), и как существительное неодушевленное, если называет существа этого вида, применяемые в медицине для отсасывания крови (*ставит пиявки*). Правда, встречаются отклонения от этого принципа: «Там на специальной фабрике *выращивают пиявки* в искусственных условиях» («Правда», 1977. 17 мая); «Перед тем как *отправить пиявки* в лечебные учреждения, им устраивают строгий медицинский осмотр» (там же); ср. колебания в пределах одного текста: «Нельзя *ставить пиявок* на лицо» («Терапевтический справочник», т. 2) – «При острых инсультах больному предоставляется полный покой. *Ставят пиявки* или делают кровопускание» (там же); «Эти страны *импортируют пиявки*» («Знание – сила», 1979, 1) – «Все это повышает *спрос на пиявок*» (там же).

4. Такими же причинами – неопределенностью статуса называемого объекта в языковом сознании говорящих – объясняются колебания в выборе формы одушевленности или неодушевленности у слов, называющих микроорганизмы. См. в связи с этим следующее высказывание: «С тех пор, с конца прошлого века, и ведется среди ученых спор: вирус – это “что” или “кто”? Живое это существо или мертвое химическое соединение?»⁶. Слово *вирус* выступает как существительное неодушевленное: «*Подвергнуть* заключению *вирус* со столькими положительными свойствами?» (В. Сапарин, Суд над Танталусом); «Помните, как начинали *уничтожать* все *вирусы* гриппа» (там же); *воздействие* среды на *вирус*

значительно многообразнее» (Н. И. Воинов, В. З. Солоухин, Вирусы, птицы, люди); «Птицы *переносят...* различные *вирусы*» (там же).

Колебания наблюдаются в сложениях, второй частью которых является *-кокк*: «В положительном случае надо *дифференцировать стрептококк*» («Терапевтический справочник», т. II); «Они *ввели* одной группе этих *крыс стрептококки*» («За рубежом», 1977, 21); «Лекарства... *воздействуют* практически на все известные виды инфекции: *стрептококки, пневмококки...*» («Наука и жизнь», 1976, 3) Ср.: «Опыт... позволяет *считать* золотистого *стафилококка* способным поражать любые органы и ткани человека и животных» («Знание – сила», 1977, 10); «Я даже придумал похожий метод *охоты на стафилококков*» (там же).

Такие же колебания наблюдаются у слова *вибрион*: «Этим, вероятно, и объясняется распространение *вибриона Эль-Тор*, который *потеснил* классический *вибрион*» («Наука и жизнь», 1971, 2) – «Эта третья разновидность сильно *подавляет* классических *вибрионов*» (там же).

По-видимому, преобладает изменение по типу одушевленных существительных у слова *микроб*: «Наладить промышленное производство эритромицина – препарата, *убивающего микробов*, перед которыми бессилен пенициллин» («Комсомольская правда», 1964. 28 нояб.); «Гарднер... *обнаружил* еще несколько чувствительных к пенициллину *микробов*, среди них *микроба* газовой гангрены» (А. Моруа, Жизнь Александра Флеминга); «Лишь так удастся *подавить* болезнетворных *микробов*» («Наука и жизнь») <...>

Как форма одушевленности, так и форма неодушевленности наблюдается у слова *бактерия*: «*Нашли* в мумии микроскопическую плесень, *бактерии*» («Смена», 1977, 24); «Потомство *унаследует* не только хромосомы, но и *бактерии*» («Знание – сила», 1978, 8); «Корни бобовых *приманивают* клубеньковые *бактерии*» («Природа», 1978, 3) – «Не все вещества устраивают аэробных *бактерий*» («Знание – сила», 1978, 8); «Возникает вопрос, как *систематизировать бактерии*» («Природа», 1978, 4); «*Бактерий*, пожирающих метан, предложили *применить* против этого опасного газа в угольных шахтах советские специалисты» («Неделя», 1968. 31 мая)⁷.

Только как неодушевленное выступает слово *микроорганизм* (очевидно, под влиянием слова *организм*): «*Микроорганизмы помещают* в желатино-образную массу, насыщенную полимерами» («Знание – сила», 1977, 7); «Каков же механизм токсического действия *серебра на микроорганизмы?*» («Наука и жизнь», 1976, 8).

Из других лексем, входящих в названную группу, отметим слова *личинка* (обычно одушевленное), *эмбрион* (неодушевленное), *зародыш*: «Самец *охраняет* икру и позднее *личинок*» (И. Акимешкин, Мир живот-

ных); «Они тычутся в песок, *выбирая* мормыша, *личинок* поденки» (В. Астафьев, Царь-рыба); «Осы *перекусывали* тех *личинок*, которых не могли выдернуть из гнезда» («Наука и жизнь», 1976, 3); «Двадцать три капитана согласились *ловить* для Шмидта *личинок* угрей» (И. Акимушкин, Куда? и как?). <...> Ср. колебания в одном тексте: «*Получить* новорожденных *личинок* в большом количестве – это колоссальный труд» («Наука и жизнь», 1978, 10) – «*Извлекают* из них *личинки*» (там же); «Клетка... постепенно росла, размножалась, следуя механическим процессам развития, *превращалась в эмбрион* робота» (П. Буль, Идеальный робот); «Рептилии откладывают крупные, богатые желтком яйца с... особыми зародышевыми оболочками, *предохраняющими эмбрион* от потери воды» (Э. В. Ивантер, Земноводные и пресмыкающиеся). <...>

По типу неодушевленных существительных изменяется слово *глист*: «Белая ниточка *представляет собой глист*» («Терапевтический справочник» т. 2); *изгонять глисты, аскариды*.

По строгой литературной норме одушевленные существительные среднего рода только во множественном числе могут изменяться по модели одушевленных: *наблюдать животное, убить насекомое – наблюдать животных, убивать насекомых* и т. п. В практике печати наблюдается изменение их по этой модели и в форме единственного числа: «...плавает или ползает во тьме с единственным стремлением *съесть* какого-нибудь *ракообразного* или *насекомого*» (И. Акимушкин, Мир животных); «И нет другого *животного*, которого бы так подробно *исследовали*» (Р. Мерль, Разумное животное). См. два перевода одного и того же текста, помещенные в одной книге: «Тридцать лет спустя после романа Чапека мне в своей книге не надо было, как ему, *выдумывать* разумное морское *млекопитающее*» (Р. Мерль, Разумное животное) – «...Робер Мерль заявил в том же предисловии: “Работая над книгой тридцать лет спустя после Чапека, я не должен был *выдумывать*, как он, одаренного разумом морского *млекопитающего*...”» [там же («Вместо послесловия»)]. Очевидно, появление таких форм вызвано аналогией с закрепившимся в единственном числе мужского рода совпадением формы винительного падежа с формой родительного или винительного в зависимости от значения одушевленности или неодушевленности. Правда, последний пример не вполне корректен: форма *млекопитающего* может быть результатом воздействия отрицания при глаголе, подчиняющем себе инфинитив *выдумывать*.

Иррадирующее воздействие модели одушевленных существительных сказывается в спорадическом изменении по этой модели слов, называющих разного рода группы (объединения) людей: «Мы *нарвались на*

патрулей» (С. Л. Ваушпасов, На тревожных перекрестках); «Главное, *не напороться на патрулей*, на собак» (А. Згеев, На дальнем бомбардировщике); «Двумя годами позднее в “Турском священнике” Бальзак разоблачит тайную власть Конгрегации, сообщества церковников и мирян, созданного, чтобы *оказывать давление на властей*» (А. Моруа, Прометей, или Жизнь Бальзака). См. также: «Антропологический анализ может открыть автохтонность, местные корни *народа, которого считают пришлым*» («Наука и жизнь», 1971, 5).

Отмечаются колебания в отнесении к одушевленным или неодушевленным существительным слов, употребляемых для названия лиц: «*Определить* главные действующие *лица*» («Неделя», 1978. 13 авг.); «Биограф... хотел бы *выявить* подлинные действующие *лица* исторической мелодрамы» (М. Брандыс, Исторические повести.) – «КПЯ... *исключила* из своих рядов антипартийных, раскольнических *лиц*» («Правда», 1971. 12 сент.); «Если автор хочет *ввести* знаменитые *личности*, жившие на самом деле...» («Неделя», 1978. 23 июля) – «*Изображает* отдельных неустойчивых, колеблющихся и незрелых *личностей*» («Известия», 1968. 27 марта.); *изолировать* неустойчивые *элементы* – «Чиновники ЮАР *подкупают* племенных вождей и других продажных *элементов*» («За рубежом», 1976. 2 сент.); «В ряде стран Запада активизировались неофашистские круги, *вербующие* для осуществления своих целей деклассированных *элементов*» («Правда», 1977. 19 февр.); «*Увидел* на экране гипертрофированный до предела сказочный *персонаж*» (В. Немцов, Счастливая звезда); «Он *встретит* здесь знакомые *персонажи*» («Знание – сила», 1979, 1); «*Решительно потеснил* все остальные *персонажи*» («Правда», 1978. 2 июля); – «Я ожидал *увидеть* *персонажа* с агитплаката “Не проходите мимо”» (И. Зверев. В двух километрах от счастья); «Ле Карре знает своих *персонажей*» («Октябрь». 1977, 2)⁸.

В эту же группу входят слова *существо*, *создание*, *жества*, служащие для называния как лиц, так и других живых существ: «За несколько минут до смертельного сражения он *поручает* два самых дорогих для него *существа* заботе короля» (В. Трухановский, Адмирал Нельсон); «Трудно *вообразить* более коварные и скрытные *существа*» (К. Саймак, Заповедник гоблинов) – «Представьте себе любой замкнутый мир и живущих в нем *существ*» (И. Росоховатский, Гость); «Пришельцы могли ведь и улететь, ...не считая людей за разумных *существ*» (В. Малов, Куклы из космоса); «Жизнь, уничтожаемая там, на бойне, *питала* собой других, более совершенных *существ* – людей» (Л. Соболев, Зеленый луч); «Они *прячут* эти деликатные *создания* от малейших колебаний атмосферы» (И. Халифман, Муравьи); «Некоторые щуки, окуни, лещи и подле-

щики... глотали краску, *превращаясь в диковинные создания*» (В. Немцов, Счастливая звезда) – «Стерхи – белоснежные журавли. *Этих* больших, но грациозных *созданий* без преувеличения можно *назвать* царь-птицами» («Неделя», 1977. 4 сент.); «Так назывался круг, на котором инквизиторы *истязали* свои *жертвы*» (Т. Вреза, Валтасаров пир. Лабиринт. Предисл. С. Ларина); <...> «Чейз показывает, с какой зверской жестокостью полицейские *истязают* свои *жертвы*» (Б. Райнов, Черный роман) – «Не следует *содержать* вместе взрослых и молодых животных, а также хищников и их *жеств*» (Э. В. Ивантер, Земноводные и пресмыкающиеся); «Хищные репортеры по-прежнему *подстерегают жертв*» (К. Саймак, Заповедник гоблинов. Предисл. В. Ревича).

Основная тенденция в словах этой группы – употребление формы одушевленного существительного.

Нередко по типу неодушевленных существительных изменяется слово *кукла* – по-видимому, в связи с тем, что слово называет неживой предмет: «Председатель правления... *вручил им* подарок – *куклы* в национальных костюмах» («Огонек», 1967, 2); «Она *делала* замечательные стилизованные *куклы*» (Н. Павлович, Воспоминания об А. Блоке); «Для меня он прежде всего был и остается отцом, близким, любимым человеком, который *чинил* мои *куклы*» («Смена», 1977, 9); «Ребята все *делают* сами. И *куклы*, и декорации» («Вечерняя Москва», 1978. 9 авг.). По той же причине – как слово, называющее неживой предмет, испытывает колебания и слово *змея*: «Парус должен быть изготовлен из тонкой пластмассы, покрытой алюминием, и напоминать гигантский бумажный *змея*» («Знание – сила», 1977, 3); «В деревне раз в год – в первую неделю мая – *запускают* самый большой в мире воздушный *змея*» («Наука и жизнь», 1976, 1); «Я *делаю змея* куполообразным» («Юность», 1978, 9). См. колебания в пределах одного текста: «*Сделать* “взрослый” воздушный *змея* непросто» («Вокруг света», 1977, 3) – «В деревне Хосюбана... *запускают змея* весом почти в тонну» (там же); «В странах Восточной и Юго-Восточной Азии воздушных *змеев* азартно *запускают* люди всех поколений» (там же). Встречается форма одушевленности у слова *призрак*: «Туристы *приняли* его за *призрака*...» («Неделя», 1973. 10 июня.); «... Говорят даже, что достаточно *взглянуть на* крылатого “*призрака*”, чтобы тем самым подписать себе смертный приговор» (И. Акимовский, Следы невиданных зверей); «И комната в бывшем особняке Родионовых, *не взирая на* гнездящихся там *призраков*, очень нас выручила» («Юность», 1966, 8).

На фоне сказанного ранее показательно варьирование форм винительного падежа слова *робот* в зависимости от вкладываемого в него – в

разных жанрах литературы – различного содержания. Увидевшие свет в пьесе К. Чапека «R.U.R.» роботы внешне ничем не отличаются от людей. Приехавшая на комбинат «Rossum's Universal Robots» мисс Стелла принимает девушку-робота Суллу за человека, а директоров компании – за роботов. Разошедшиеся после пьесы Чапека по страницам фантастических произведений роботы – думающие и говорящие человекоподобные существа – выступают как существительные одушевленные: «*Роботов... выпускал* единственный в стране Завод Высшей Кибернетики» (М. Михеев, Станция у Моря дождей); «*Вспомогательная ракета опустила вниз робота*» (Г. Альтов, Богатырская симфония); «Тогда профессор задумал *создать* такого *робота*, который мог бы сам *порождать роботов*» (П. Буль, Идеальный робот); «Гнев его, очевидно, *смутил робота*» (П. Вежинов, Синие бабочки); «Он внимательно *разглядывал роботов*» (К. Саймак, Все ловушки Земли); «Мы *конструируем роботов* по своему образу и подобию» (А. Кларк, Свидание с Рамой).

Но слово *робот* перешло из фантастики в технику, став термином – названием автоматического манипулятора с программным управлением.

В этом случае, называя машину, автомат, устройство, слово *робот* выступает, естественно, как существительное неодушевленное: «Австралийские инженеры *создали* для Сиднейской оперы специальный радиоуправляемый *робот*» («Наука и жизнь», 1977, 8); «Одна ирландская фирма *сконструировала робота* для подводных работ» («За рубежом», 1976. 2 сент.); «Он с законной гордостью *продемонстрировал* перед нами *роботы* серии “Пирин”» («Правда», 1979. 13 дек.); «Они *создают робота*, который станет ухаживать за газоном» («Вечерняя Москва», 1978. 21 марта); «*Обучить* *робота* всем необходимым операциям» («Вечерняя Москва», 1978. 4 дек.). Разграничение двух значений слова *робот* происходит не так прямолинейно, как может показаться по приведенным примерам. В печати встречаются два вида отклонений от описанного распределения форм.

Во-первых, в фантастике в пределах одного произведения можно иногда обнаружить параллельное употребление формы одушевленного и неодушевленного существительного (или указывающего на него местоимения): «Вы сознательно *замедляете* своих *роботов*» (Р. Шекли, Билет на планету Транай) – «Особое кибернетическое устройство *заставляло робота* время от времени шататься как пьяного» (там же) – «Он просто *разбил* недорогой *робот*» (там же). Такого же рода колебания встречаются в пределах одного текста в научно-популярной литературе, с тем существенным отличием, что в фантастике форма неодушевленного выступает на месте одушевленного, а в научно-популярной литературе, где

речь идет о промышленных роботах, направление колебаний противоположное – форма одушевленного выступает на месте неодушевленного: «*Роботы, которые мы рассматривали, и большинство существующих роботов больше похожи на растения, чем на животных*» («Знание – сила», 1977, 6) – «*Собрать такого робота*» (там же); «Нам стало очевидно, что надо *делать* свои *роботы* обучаемыми» («Знание – сила», 1977, 12); – «*Ходящие*» системы стали наделяться усиками-антеннами, *информирующими робота* о приближении к препятствию» (там же); «*Роботы приспособливают* и пытаются приспособливать для загрузки и выгрузки заготовок и изделий, очистки деталей, сварки и окраски» («Наука и жизнь», 1977, 1) – «Стало ясно, что нельзя будет просто *взять робота* за его механическую руку» (там же); «*Обучить* таких *роботов* можно по-разному» (там же).

Во-вторых, в научно-популярных и газетно-публицистических жанрах наблюдаются случаи употребления только формы одушевленности, хотя речь идет о промышленном роботе: «*Люди создают* все более и более современных *роботов*», «*Можно создать роботов*, превосходящих человека» («Литературная газета», 1977. 24 авг.); «Первая технология способна *сделать “зрячих” роботов* даже более рентабельными» («Знание – сила», 1977, 8); «Эти детали перемещаются на ленточном конвейере мимо сварочных машин, каждая из которых *представляет собой* простого *робота*» («За рубежом», 1977. 14 июля).

Во всем собранном материале встретился только один пример употребления формы неодушевленного существительного для слова *робот* «человекоподобное существо»: «Ты *превратился в* проклятый *робот*, слепо повторяющий, как попугай, слова Циммермана и Старра ради адмиральских звезд» («Литературная газета», 1973. 11 апр.).

10. В описанных ранее случаях рассматривались существительные, употребленные в своем прямом, словарном значении: существительные одушевленные, называющие «одушевленные» предметы (т. е. предметы, названия которых образуют разряд одушевленных существительных), и существительные неодушевленные, называющие «неодушевленные» предметы. <...>

Иная ситуация возникает при метафорическом употреблении существительных. При этом нет сомнений в отнесении, с одной стороны, самого предмета к классу «одушевленных» или «неодушевленных», а с другой стороны, существительного, называющего этот предмет, к классу одушевленных или неодушевленных существительных. Если существительное одушевленное используется для названия «неодушевленного» предмета или существительное неодушевленное – для названия «оду-

шевленного» предмета, грамматическая форма существительного вступает в противоречие с его контекстным значением, а это вызывает необходимость выбора между формой, предписываемой существительным в его словарном значении, и формой, предписываемой одушевленностью или неодушевленностью предмета, метафорически называемого этим существительным, т. е. формой, предписываемой контекстом. Таким образом, как в одном, так и в другом случае выбор формы винительного падежа может определяться как значением существительного, так и значением называемого существительным предмета.

В связи со сказанным рассмотрению подлежат следующие случаи: одушевленное существительное употребляется для названия неживого предмета; неодушевленное существительное употребляется для названия живого предмета. В каждом из этих случаев существительное, вообще говоря, может принимать как форму одушевленности, так и форму неодушевленности.

11. При употреблении для называния неживых предметов существительное одушевленное обычно принимает в винительном падеже форму, омонимичную форме родительного. Эту тенденцию отмечал еще Л. А. Булаховский: «Надо констатировать..., что современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным значением одушевленности, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей»⁹; ср.: «При переносном употреблении категория одушевленности более устойчива в своем грамматическом выражении, чем категория неодушевленности»¹⁰. Таким образом, словарное значение существительного (значение одушевленности) оказывается в данном случае сильнее его контекстного значения. Особенно часто употребление формы одушевленности наблюдается, естественно, у существительных – названий лиц: «Всякая попытка “активного” спутника *догнать* или “*подождать*” своего “пассивного” *партнера* путем изменения скорости приводит к изменению его орбиты» («Наука и жизнь», 1968, 1); «Механических *чертежников разработали* и изготовили в опытно-конструкторском бюро Управления благоустройства столицы» («Вечерняя Москва», 1971. 11 мая); «Эфирное телевизионное вещание в скором времени обязательно *приобретет* “кассетного *помощника*”» («Неделя», 1973. 16 дек.); «Два года потребовалось ученым, чтобы из многочисленных *претендентов* на роль защитника драгоценного камня *выбрать* одного, самого верного» («Знание – сила», 1976, 12); «*Карлика* [звезду] может *выдать* его параллакс» («Знание – сила», 1977, 2); <...> «Сын, который теперь в городе, *прислал* ей *электропастуха*» («Литературная газета», 1977. 16 февр.); <...> «*Приплюсуем*

ко всему этому... такого неперменного *спутника* горения угля, как углекислый газ» («Неделя», 1977. 18 дек.). Форму одушевленности принимают в таких случаях не только названия лиц, но и другие существительные со словарным значением одушевленности: «Монтэг обернулся и увидел *Механического пса*» (Р. Брэдбери, 451° по Фаренгейту); «Думала, что я *делаю* бумажного *дракона*» (Р. Брэдбери, Человек в воздухе); «Единственная тусклая лампочка под потолком *освещала... громаду Зверя*. Так они прозвали машину. ...Клейтон *вывез Зверя*. ...Клейтон *повел зверя* по одному из узких извилистых проходов» (Р. Шекли, Поднимается ветер); «Аппаратура, лишенная внешних импульсов, колебанием внутренних напряжений *пускала в ход “мотылька”*» (С. Лем, Условный рефлекс); «Кто-то *пускал* в адвокатскую кабинку *солнечных зайчиков*» (А. Розен, Прения сторон).

Однако эта старая норма начинает расшатываться, контекстное значение неодушевленности иногда оказывается сильнее словарного значения: «Существуют разные методы, с помощью которых, по мнению ученых, можно *обнаружить предвестники* землетрясений» («Вокруг света», 1977, 6); «Подобные *предвестники* землетрясений можно *использовать* при оперативном прогнозе» («Правда», 1970. 20 нояб.); «Каждая колония *содержит* клетки только одного какого-нибудь вида – либо *предшественники* эритроцитов, либо *предшественники* лейкоцитов, либо *предшественники* тромбоцитов» («Знание – сила», 1977, 12); «Этот стальной конь местные хлебоборобы *получили* с завода еще в 1936 году» («Правда», 1976. 10 марта); «Итак, джентльмены, давайте *расставим* наши охотничьи *утки*» (К. Блэйр, Страна Пентагон); «В ту же категорию, что грифон и дракон, можно *поместить* другое сказочное геральдическое животное – *единорог*» («Неделя», 1968, 7); «...Днем зашел в антикварный магазин, *купил два* бронзовых *сатира*». (Н. Леонов, Ю. Костров, Операция «Викинг»); «Все *грации* и все *нимфы* *распишем*, как они были и раньше» («Правда», 1977. 14 янв.); «Способен ли человек *передвигать* каменные *исполины?*» («Неделя», 1975. 16 февр.); «Должен был *погрузить* гигантские каменные *колоссы*» (Э. Церен, Библейские холмы).

В некоторых случаях встречаются колебания в пределах одного текста: «Мы хотим *привести* в порядок *Защитника* [вездеход]» – «Инженер и физик вышли *осмотреть* *Защитник*» (С. Лем, Эдем); «Один из образцов на стенде *привлек* наше внимание. Мы *сгруппировались* возле него и *рассматривали* этого ярко-синего “*красавца*”». Отрезок был укреплен в вертикальном положении» – «[Группа инженеров] с удивлением *разглядывает* *красавец* «фидер»» («Красная звезда», 1972. 2 авг.). В некоторых случаях варьирование форм одушевленности – неодушевленности явля-

ется средством (и показателем) распада слова на омонимы: «Хочешь – заходи, наблюдай, как *делают*... лакомые “петушки” на палочках» («Правда», 1978. 5 авг.); ...Павел Петрович затопил печку, *разжег* “шмели” и стал готовить завтрак» («Аврора», 1978, 1); «В работе жилы канатов нередко скручиваются, образуя так называемые “орлы”» («Правда», 1978. 1 июля).

Как неодушевленное изменяется слово *спутник* «небесное тело, движущееся вокруг планеты»: *наблюдать спутник*. Только в специальной литературе можно встретить изменение этого слова по образцу одушевленных: «Гершель *открыл* двух еще более слабых *спутников* Сатурна» (П. И. Попов и др., Астрономия); «Планеты (не все) в свою очередь *имеют спутников*» (П. И. Бакулин и др., Курс общей астрономии); «Удалось *видеть* второго *спутника* Земли» (Я. И. Перельман, Занимательная астрономия).

Имена античных богов, употребленные как названия планет, склонялись как существительные одушевленные. Ф. И. Буслаев приводит как образец «*смотреть* в телескоп *на Юпитера* (т. е. на планету)»¹¹. А. М. Пешковский считал нормой «*смотреть на Марса, на Юпитера*»¹². В современном литературном языке эти слова изменяются как неодушевленные.

В этих случаях выступают омонимы: *спутник* «попутчик» (одуш.) и *спутник* «небесное тело» (неодуш.), *Юпитер* «бог древнеримского пантеона» (одуш.) и *Юпитер* «планета» (неодуш.).

12. Еще Ф. И. Буслаев отмечал, что винительный неодушевленных совпадает по форме с родительным, «когда название неодушевленного или отвлеченного предмета оканчивается на суффикс *-тель*, который собственно означает лицо действующее»¹³. То же писал А. А. Шахматов: «Категория одушевленности связывается и с суффиксом *-тель*; это зависит от того, что суффикс этот фактически образует названия действующих лиц муж. рода»¹⁴. В. И. Чернышев отмечал как нормативную форму одушевленности слов *числитель, знаменатель, делитель, множитель*¹⁵. Эти слова только в 30-е гг. нашего века стали изменяться как неодушевленные. Возможно, этому способствовало распространение в современном литературном языке существительных с суффиксом *-тель*, называющих разного рода устройства (*иглодержатель, корчеватель, миноискатель, обогреватель, обтекатель, отражатель, проигрыватель, пускатель, распылитель, смеситель, толкатель* и мн. др.), которые образовали разряд неодушевленных существительных на *-тель*.

Но названия лиц на *-тель* и в своем метафорическом употреблении, в применении к неживым предметам, сохраняют форму одушевленных

существительных. Как правило, в форме одушевленного существительного выступает слово *возбудитель* (болезни): «Роберт Кох... *открыл возбудителя* туберкулеза» (В. Петров, Беседы о новой иммунологии); «В 1880 году удалось *открыть возбудителя* малярии» (Н. И. Воинов, В. З. Солоухин, Вирусы, птицы, люди); «Попробуйте *поищите* теперь *возбудителя* возвратного тифа» (В. Сапарин, Суд над Танталусом); «Помните, как начали *уничтожать* все вирусы гриппа, *возбудителей* дизентерии, холеры» (там же). Ср.: «Долго *выращивали возбудитель* кори» («Неделя», 23 VII 1978).

Так же изменяются и другие встретившиеся в просмотренном материале слова на *-тель*: «Не стоит ли *лишить* Знака качества и остальных *представителей* семейства – “Харьков-31”, который ничем не лучше своей сестры, и “Харьков-33”?» («Неделя», 1977. 24 апр.); «Внешне этого последнего *представителя* “нового поколения” грузовых автомобилей марки “Мерседес-Бенц” *можно узнать* по большому воздухозаборнику...» («Неделя», 15 V 1977).

Условные наименования судов, автомобилей и т. д., выраженные одушевленными существительными, могут принимать форму неодушевленных существительных: *подписаться на «Московский комсомолец»*, *зайти в «Руслан»* [магазин]; «Ловко *подсовывал* покупателю старый “Леопард” – предшественник новой модели» («Неделя», 1977. 3 июля); «Ему удалось *посадить* подбитый „Лавочкин” на своем аэродроме» (М. Галлай, Первый бой мы выиграли); «Штирнер, смеясь, рассказал, что кто-то *завез на “Циолковский”* мышей» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Страна багровых туч) <...>. Наряду с этим подобные слова могут изменяться и как существительные одушевленные: «9 тысяч лошадиных сил *знали “Ягуара”* сквозь, черноту черноморской ночи...» («Комсомольская правда», 1977. 9 июня); «За последние сто лет лишь шестнадцать яхтсменам удалось в одиночку *обойти “Старого людоеда”*» («Вокруг света», 1975, 9); «Мы все стояли на берегу и *смотрели на* удаляющегося “Альбатроса”» (И. Варшавский, В атолле); «На “Челюскина” *двигался* неожиданно возникший лед» (Э. Кренкель, Мои позывные – РАЕМ).

Случай, обратный рассмотренному, – употребление существительных неодушевленных для названия одушевленных предметов. Здесь сильнее словарного значения существительного оказывается его контекстное значение, на что обратил внимание еще М. В. Ломоносов: «...Ежели имена бездушных вещей приложатся к животным, в винительном кончатся на *-а*: *языка ведут*, то есть *оговорищика*; *посмотри на болвана*, то есть *на глупца*; *нашего мешка обманули*»¹⁶.

Слова, употребляемые как клички животных, изменяются по модели одушевленных: позвал *Шарика* (собаку); *Факел обогнал Фонаря* (коня); Их [собак] стало – стаи. Из именных *помню* Лапко, Одноглаза и *Шоколада* (М. Цветаева, Живое о живом). Так же изменяются неодушевленные, примененные к людям: «Кто из старожилов наших стадионов не *помнит* Василия Трофимова? Знаменитого правого *края* московского “Динамо”» («Комсомольская Правда», 1973. 9 янв.); «Этих будущих звезд пока не *открыли* местные тренеры» («Правда», 1979. 19 марта); «Школа *готовит*, как здесь, говорят, “белых *воротничков*”, то есть образованных людей, которые способны работать лишь в административных службах» («Правда», 1978. 31 июля); «*Ненавижу* синих чулков! Никогда бы не женился на ученой...» (А. П. Чехов, Розовый чулок); «Высокие стеклянные двери бесшумно раздвинулись, *пропуская* Красного Жезла» (А. Левин, Желтый дракон Цзяо); «Касса, бледная, тощая, *держит* на руках голодного сына своего Маленького Сбора, и с мольбою глядит на публику» (А. П. Чехов, Кавардак в Риме); «Сколько было попыток *представить* его – этого типичного беззастенчивого хищника, точного *слепка* породившего его общества наживы – за некое исчадие ада» (Е. Б. Черняк, Приговор веков).

Ср.: изменение существительного в подобной роли по типу неодушевленного: «Ее самолюбию лестила мысль, что именно она *создала этот самородок* [Родиона Антопыча]» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Горное гнездо); «Я лично ни в какие *самородки* не верю. Ну, был, допустим Шалыпин, допустим, самородок» (А. Розен, Прения сторон).

<...>

15. Категория одушевленности/неодушевленности занимает особое место в языке. С одной стороны, она охватывает все существительные, имеющие формы множественного числа, а существительные мужского рода на согласный – и в единственном числе. С другой стороны, эта категория, вне сферы действия которой остаются формы единственного числа существительных женского и среднего рода, не находит поддержки в современном языковом сознании. Как писал В. В. Виноградов, в этой категории «языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии»¹⁷.

Категориальное значение одушевленности оказывается сильнее значения неодушевленности как при назывании одушевленными существительными неживых предметов, так и при использовании неодушевленных существительных для называния живых предметов. Этот факт сви-

детельствует об устойчивости самой категории одушевленности/неодушевленности.

Вместе с тем наблюдаются некоторые, хотя еще частные, в значительной мере периферийные, факты, которые указывают на тенденцию к изменениям, приближающим противопоставление «одушевленность – неодушевленность» к современному языковому сознанию.

Основной массив одушевленных существительных – названия живых существ (кроме растений) или существ, представляемых как живые. Это поддерживает тенденцию к замене немотивированного, с точки зрения современного языка, противопоставления «одушевленность – неодушевленность» противопоставлением «название живого предмета – название неживого предмета». При этом под живым предметом, по видимому, понимается предмет, способный к самостоятельному передвижению, так что растения, как и в противопоставлении «одушевленность – неодушевленность», относятся к неживым предметам. Названная тенденция проявляется в изменении по образцу неодушевленных существительных слов *кукла*, *змея*, названий планет (*наблюдать Юпитер*), к употреблению формы неодушевленности в тех случаях, когда существительное одушевленное служит для названия неживых предметов, и формы одушевленности в обратном случае – при назывании существительным неодушевленным живых существ. Указанная тенденция приводит в настоящее время к колебаниям, к вариантности флексий, но направление изменений, вытекающее из стремления переосмыслить с точки зрения современного языкового сознания уже немотивированные для нашего времени противопоставления, очевидно и в целом однонаправленно.

¹ Историю формирования категории одушевленности см.: Е. М. Ушакова, Развитие категории одушевленности в именах существительных: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1949. Краткий обзор истории изучения описываемой категории см. в работе: И. Еленский. О категории одушевленности в русском языке // Болгарская русистика. 1977. № 6. С. 41–45.

² Д. Н. Шмелев называет следующие глаголы, при которых существительные выступают в форме винительного падежа, совпадающей с формой именительного: *идти*, *пойти*, *записаться*, *норовить*, *метить*, *рваться*, *наняться*, *навязываться*, *попасть*, *податься*, *пригласить*, *произвести*, *перевести*, *избрать*, *выбрать*, *взять*, *направить*, *годиться* (Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 221). Такая конструкция, как пишет Д. Н. Шмелев, «имеет значение присоединения или причисления кого-то к определенной категории лиц, причем главным образом выделенных по положению, должности, профессии, званию, но также и по внутренним и внешним качествам и по отношению к другим лицам» (там же).

³ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947. С. 89.

⁴ «В различии форм видеть **покойника**, видеть **мертвеца**, но видеть **труп** называется, возможно, то обстоятельство, что в первых двух сочетаниях существительные связываются с представлением только о человеке, тогда как под словом **труп** в равной мере может подразумеваться и животное» (Д. Э. Розенталь, Практическая стилистика русского языка, 4-е изд. М., 1977. С. 106).

⁵ Слово *шпроты* называет, во-первых, род мелкой промысловой рыбы семейства сельдевых, а во-вторых, консервы из этой и другой мелкой копченой рыбы (салаки, килька и т. д.), выдержанной в растительном масле (см.: «Словарь современного русского литературного языка». Т. 17, М.; Л., 1965, стлб. 1538). Аналогичный процесс происходит в слове *сардины*. Это, во-первых, род мелкой промысловой рыбы семейства сельдевых, а во-вторых, консервы из этой иди другой мелкой рыбы (иваси, салаки и др.), провяленной, а затем выдержанной в растительном масле. См.: «Как название “шпроты”, “кильки”, так и название “сардины” стало обозначением не столько рыбы, сколько рецептуры, способа приготовления» («Книга о вкусной и здоровой пище». М., 1952. С. 66). См. и название консервов: «Сардины из сельди иваси в масле».

⁶ Воинов Н. И., Солоухин В. З. Вирусы, птицы, люди. Мн., 1977. С. 28.

⁷ Иногда отмечают, что слова *бактерии*, *бациллы*, *микробы*, *зародыш*, *личинка*, *эмбрион* употребляются как неодушевленные в общелитературном языке и как одушевленные – в профессиональной речи и в специальной литературе (см.: Д. Э. Розенталь. Указ. соч. С. 105; Г. И. Рожкова. Очерки практической грамматики русского языка. М., 1978. С. 41–42).

⁸ А. К. Панфилов выделяет два значения слова персонаж: 1) «Продукт творческой деятельности писателя, проявившейся в создании образа человека» (ср. синонимичные ему слова *образ*, *тип*, *характер*, изменяющиеся по типу неодушевленных); 2) «живой человек, с действиями которого мы знакомимся при чтении художественного произведения» (ср. синонимичное ему слово *герой*, изменяющееся по типу одушевленных). Однако далее он отмечает, что наличие этих двух значений почти не влияет на грамматические особенности слова. В единственном числе оно склоняется как существительное неодушевленное, во множественном – как одушевленное (А. К. Панфилов, Как склоняется слово персонаж? // Вопросы культуры речи. 7. М., 1966. С. 206–211).

⁹ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. I. Киев, 1952. С. 199.

¹⁰ Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952. С. 106.

¹¹ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Т. 2. 2-е изд. М., 1863. С. 187.

¹² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935. С. 260.

¹³ Буслаев Ф. И. Указ, соч. С. 188.

¹⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 446.

¹⁵ Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи // В. И. Чернышев. Избранные труды. Т. I. 1970. С. 499.

¹⁶ Ломоносов М. В. Российская грамматика. § 187 // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. 1739 – 1758 гг. М.; Л., 1952. С. 187.

¹⁷ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 89.

П. А. Соболева

ЧИСЛО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК ГРАММАТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Число существительных относится к категориям, обслуживающим не слово в целом, а его отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ). К таким же категориям принадлежит и вид глагола (очевидно, также залог) в славянских языках. Подобно тому как одни ЛСВ глагольной лексемы могут иметь видовые пары, а другие не могут, представляя собой *perfectiva tantum* либо *imperfectiva tantum*, так и существительные имеют отдельные ЛСВ, парные по числу, а другие непарные – *pluralia tantum* либо *singularia tantum*.

Уместно вспомнить высказывание В. В. Виноградова по поводу указанного свойства числа существительных: «С грамматическими формами числа связаны разные лексические значения. Например, слово *атмосфера* лишено форм мн. ч. во всех значениях, кроме специального. Обозначая в физике и технике единицу для измерения давления газообразных тел (равную 1,033 кг, или 1 кг на 1 см³), оно образует формы мн. ч.»¹

Аналогичную мысль проводит и А. И. Смирницкий, ср.: «огонь 1) 'пламя; стрельба из огнестрельного оружия' (sg. tant.), 2) 'отдельный источник света' (*огни, города, сигнальные огни*) (pl. tant.)»².

В этом отношении как вид, так и число имеет существенное сходство со словообразованием, ибо образование производных слов зачастую осуществляется по разным словообразовательным моделям в зависимости от ЛСВ производящего. Так, прилагательное *старый* в разных своих значениях мотивирует разные слова: производное *старик* в значении 'немолодой, пожилой, достигший преклонного возраста', производное *старина* (*преданья старины глубокой*) в значении 'давний, прежний, несовременный' и производное *старьё* в значении 'ветхий, бывший в употреблении'.

Назовем существительные, все лексико-семантические варианты которых одинаково ведут себя по отношению к формам числа, гомогенными, а существительные, ЛСВ которых по-разному ведут себя по отноше-

нию к формам числа, – гетерогенными. У гомогенных слов все ЛСВ либо коррелируют по числу, либо одинаково не коррелируют. Гомогенным, например, является существительное *звезда*, оба ЛСВ которого 'небесное тело' и 'выдающийся актер' имеют соотносительные формы ед. и мн. числа. Гомогенным является и существительное *ножницы*, оба ЛСВ которого (ср. *портновские ножницы* и *ножницы в оплате труда*) имеют только форму мн. числа (pl. tant.). Гомогенным также является существительное *блеск*, три лексико-семантических варианта которого 'яркий, сияющий свет, сверкание, *блеск огней*.' , 'пышность, великолепие, *блеск наряда*', 'яркое проявление каких-л. достоинств, *блеск таланта*' имеют только форму ед. числа (sg. tant.).

Гетерогенными являются такие существительные, как *атмосфера*, один ЛСВ которого значит 'околоземное пространство' и имеет только форму ед. числа (sg. tant.), а второй – 'единица для измерения давления – имеет соотносительные формы числа: *давление равно одной атмосфере, давление в 100 атмосфер*. Гетерогенным является и слово *слово*, ЛСВ которого 'единица речи' имеет ед. и мн. число, ЛСВ 'дар речи' (*Сначала было слово*) и 'выступление' (*Прошу слова*) имеет только ед. число (sg. tant.), а ЛСВ 'текст локального произведения' (*романс Балакирева на слова Тютчева*) имеет только форму мн. числа (pl. tant.).

Существительные, ни один ЛСВ которых не имеет совпадающих форм словоизменения, тоже гетерогенны, например *сбережение* (*зерна*) – только ед. ч. и *сбережения* (*трудовые*) – только мн. ч., *гонка* (*вооружений*) – только ед. ч. и *гонки* (*велосипедные*) – только мн. ч., *выбор* (*платья*) – только ед. ч. и *выборы* (*в Верховный Совет*) – только мн. ч., *бег* (*на месте*) – только ед. ч. и *бега* 'состязание' – только мн. ч.

Дефектные по числу ЛСВ, входящие в гетерогенную лексему, соответствуют морфологически связанным значениям слова (ср. синтаксически, фразеологически и конструктивно связанные значения у В. В. Виноградова)³. Морфологическая связанность, как правило, выступает не сама по себе, но сопровождается фразеологической или конструктивной связанностью значения, например: *огонь/огни* – свободное значение, по *открыть огонь* (sg. tant.) – фразеологически связанное; *слово /слова* – свободное значение, но *прошу слова, предоставить слово* – фразеологически связанное. В случаях *поехать на воды, участвовать в бегах, белые барашки волн, снять строительные леса* – морфологическая и конструктивная связанность значений.

Дефектность парадигмы, выступающая в большинстве приведенных примеров, вызвана семантическими причинами и потому носит закономерный характер. Такая дефектность не нарушает тождества слова⁴.

Словари единодушны при отнесении большинства таких форм к одной словарной статье. Однако последний вид гетерогенности – *гонка/гонки, бег/бега, хор/хоры, схватка/схватки*, т. е. случаи, где нет ни одного ЛСВ, коррелирующего по числу, – вызывает сомнения лексикографов.

Сомнения также вызывают и случаи так называемой лексикализации мн. числа⁵ типа *нота/ноты* 'музыкальный знак' и *ноты* 'текст музыкального произведения', *час/часы* 'единица измерения времени и часы' 'прибор, показывающий время', *бег/бега, вода/воды* 'курорт', *барашек/барашки* 'молодое животное' и *барашки* 'кучевые или перистые облака, также пенистые волны', *хор* 'группа певцов' и *хоры* 'открытая галерея, балкон (первонач. для помещения хора, оркестра)' и т. п.

В связи с сомнениями относительно тождества слова остановимся на типах семантической связи между формами ед. и мн. числа в пределах одного и того же слова. Таких связей мы выделяем два типа – грамматико-семантический и лексико-семантический (для краткости: грамматический и лексический).

I. Грамматический тип отношений между формами ед. и мн. числа бывает трех разновидностей:

Отношения первого рода имеют место тогда, когда в формах ед. и мн. числа значение слова остается тождественным, например: *дом/дома, яблоко/яблоки, город/города*; грамматическое значение мн. числа – множественность раздельносоставная.

Отношения второго рода имеют место тогда, когда некоторое значение потенциально присутствует или является конструктивно связанным в форме ед. числа, а в форме мн. числа становится явным, объективируется, например значения сортов, видов, появляющиеся во мн. числе у вещественных существительных типа *масло/масла, спирт/спирты, белок/белки, нефть/нефти*, а также значения инстанций качества и состояния, появляющиеся во мн. числе у абстрактных существительных типа *ёмкость/ёмкости, глубина/глубины*.

На самом деле значение сорта вещества существует в конструктивно связанном виде у вещественных существительных и в ед. числе, например: *Масло, получаемое из бобовых растений, обладает высокими питательными свойствами; Этот сыр скоропортящийся*. Оба предложения могут быть перефразированы с сохранением смысла: *Сорт масла, добываемого из бобовых растений, обладает высокими питательными свойствами; Этот сорт сыра скоропортящийся*. Тогда как предложения типа *Поджарьте муку, затем добавьте масла* или *Сыр заплесневел* не могут быть развернуты с помощью слова *сорт*. Формы *нефти, белки, масла, спирты* и др. образуются не от первого вещественного значения, а

от второго конкретного значения, конструктивно связанного лимитирующим определением. В данном случае имеет место не отношение «вещество – сорт вещества», как обычно указывают грамматики, а отношение «сорт вещества – сорта вещества».

Значения инстанции качества и состояния развиваются у многих абстрактных существительных и в ед. числе. Ср. *низость поступка* и *пойти на низость*, *пошлость мещанской жизни* и *сказать пошлость*, *высота полёта* и *взять высоту*. По аналогии с такими существительными возникают конкретные значения и у таких слов, как, например, *ёмкость* и *глубина*. Поэтому употребление типа *морские глубины*, *ёмкости для сыпучих тел* можно рассматривать наравне с *радости жизни*, *делать глупости*, *говорить пошлости*, *сплошные мерзости*, *высоты науки* и др.

Как и в первом случае «сорт вещества – сорта вещества», так и во втором случае имеет место отношение «инстанция качества (состояния) – инстанции качества (состояния)». Поэтому отношения между формами ед. и мн. числа в данном случае грамматические (ср. точку зрения Л. И. Сумкиной на пары типа *ёмкость – ёмкости*⁶). Грамматическое значение мн. ч., как и в первом случае, – множественность раздельносоставная.

Грамматический тип отношений третьего рода между словоформами ед. и мн. числа имеет место тогда, когда лексическое значение слова во мн. числе предсказуемо на основании лексического значения слова в ед. числе. Сюда относятся, например, пары типа *рука/руки*, *крыло/крылья*, *ус/усы*, *туфля/туфли*, *перчатка/перчатки* и др. Формы мн. числа во всех этих случаях выступают с дополнительным значением парносоставности.

К значениям слов во мн. числе, также предсказуемым, относится и значение цельносоставности, которым обладают во мн. числе слова некоторых семантических разрядов:

а) существительные, обозначающие сложные органы человека или животного: *зуб/зубы*, *кишка/кишки*, *ноготь/ногти*, *волос/волосы* и т. п.;

б) существительные, обозначающие некоторые природные явления: *ветер/ветры*, *вода/воды*, *лед/льды*, *дождь/дожди*, *снег/снега* (*снега/снег + снег» снег...*) и др., во мн. числе передают значение протяженности в пространстве или во времени;

в) существительные, обозначающие ощущение отрицательного характера: *боль/боли*, *мука/муки*, *страдание/страдания*, *переживание/переживания*; мн. число таких существительных выступает с дополнительным значением интенсивности;

г) существительные со значением сыпучих или вязких веществ и растительности во мн. числе обозначают пространства, покрытые этим веществом или растительностью: *песок/пески, грязь/грязи, лес/леса, овёс/овсы, снег/снега* (это значение близко к «а»), а также некоторые другие семантические разряды существительных, значения которых предсказуемы.

Хотя такого рода значения мн. числа мы относим к грамматическим, нельзя не отметить их близости к словообразовательным, ибо значения производных слов, как правило, предсказуемы, по крайней мере на категориальном уровне.

II. Лексико-семантический тип отношений между формами ед. и мн. числа имеет место тогда, когда между формами ед. и мн. числа есть непредсказуемое различие в лексических значениях, однако лексические значения у формы мн. числа семантически выводимы из значения слов в ед. числе. В качестве примера можно привести формы типа *лес/леса*, где мн. число означает 'временное сооружение из досок или металлических трубок', а ед. число – 'срубленные деревья как строительный материал'. К семантически выводимым формам мн. числа можно также отнести *час* 'единица измерения времени'/часы 'прибор, показывающий время'; *клец* 'насекомое'/*клещи* 'инструмент'; *нота* 'символ звука'/*ноты* 'текст музыкального произведения'; *вода/воды* 'лечебный курорт' а также *выбор/выборы, гонка/гонки, бег/бега* и т. п.

Выводимость, но непредсказуемость лексического значения мн. числа также напоминают отношения между производящими и производными в словообразовании, но уже не на категориальном, а на лексико-семантическом уровне. Действительно, почему, например, *кожанка* – 'кожаное пальто', а не 'кожаная шапка'? Почему *дневник* – 'тетрадь для ежедневных записей', *утренник* – 'утренний спектакль', а *вечерник* – 'студент вечернего отделения'? А. И. Смирницкий, рассматривая случай типа *часы, клещи, ноты, гонки, бега* и т. п., отмечал, что числовое различие в подобных случаях носит словообразовательный характер⁷. Мн. число в случаях *часы, клещи, ноты, воды*, а также *выборы, гонки, бега* в приведенных выше примерах является множественным, несоотнесительным с ед. числом, т. е. pl. tant. Грамматическое значение мн. числа в данном случае, как мы полагаем, является также значением множественности цельносоставной. Ср. значение мн. числа в случаях *зубы, волосы, льды, снега; боли, страдания; пески, грязи* (см. выше).

Непредсказуемость производных лексических значений мн. числа при их выводимости из семантики ед. числа не может служить аргумен-

том в пользу признания омонимами форм предсказуемого и непредсказуемого мн. числа, ср.:

1) 'молодые животные'	1) 'сорта вод' (<i>Пиво-Воды</i>)
<i>барашки</i> 2) 'пенистые волны, ку-	2) 'масса воды' (<i>Несет свои</i>
чевые облака'	<i>воды воды Енисей, веиние воды</i>)
1) 'насекомые'	3) 'курорт, где лечат водами'
<i>блошки</i> 2) 'игра' (<i>играть в блош-</i>	(<i>поехать на воды</i>)
<i>ки</i>)	

Во всех приведенных примерах ЛСВ, оформленные pl. tant., характеризуются переносным значением, связанным с прямым значением метафорически либо метонимически (в 3-м примере первое и второе значения прямые, третье значение переносное). Переносные значения во всех трех примерах являются морфологически связанными (см. выше), кроме морфологической связанности они характеризуются еще и конструктивной связанностью: *белые барашки волн, (облаков), игра в блошки, поехать на воды, лечиться на водах*, т. е. они весьма сильно зависят от контекста, от конструкций, в которых употребляются.

О лексической омонимии в данном случае говорить нет оснований, так как смысловые отношения между прямыми и переносными значениями укладываются в традиционные внутрисловные смысловые связи (метафора, метонимия).

ЛСВ с прямыми номинативными значениями и ЛСВ с переносными значениями различаются также своими грамматическими значениями. Первые характеризуются грамматическим значением множественности раздельносоставной, вторые – грамматическим значением множественности сложносоставной. Оба варианта грамматического значения укладываются в отношения грамматической полисемии, а не омонимии, так как они объединяются инвариантным значением множественности.

Рассмотренные выше типы связи между лексическими значениями слов в формах ед. и мн. числа позволяют наметить область, тяготеющую к словообразованию. Это – область предсказуемых значений слов в форме мн. числа (*крылья, зубы, снега, боли*) и область непредсказуемых, но семантически выводимых значений слов в форме мн. числа на основании значений слов в ед. числе (*часы, бега, барашки, блошки, воды 'курорт', леса 'строительное сооружение'*). Последнюю область, т. е. область ЛСВ, оформленных мн. числом, несоотносительным с ед. числом (pl. tant.); часто называют «лексикализированным» мн. числом (см. сноску 5).

С определением двух областей, тяготеющих к словообразованию, связано не только деление типов связи между ед. и мн. числом на грам-

матические (грамматико-семантические) и лексические (лексико-семантические). С этим вопросом также связано деление мн. числа на два подтипа – множественное дистрибутивное и множественное коллективное⁸.

Множественное дистрибутивное предполагает грамматико-семантические отношения либо первого рода между формами ед. и мн. числа (т. е. отношения лексико-семантического тождества между значениями слов в ед. и мн. числе: *город – города, звезда – звезды, столб – столбы*), либо второго рода: *масло/масла, вино/вина, нефть/нефти* (т. е. «сорт – сорта»), а также *ёмкость – ёмкости, глубина – глубины* (инстанция – инстанции качества или состояния). Во втором случае отношения устанавливаются между конструктивно связанными значениями ед. числа и соответствующими значениями мн. числа. Грамматическое значение множественного дистрибутивного – множественность раздельносоставная.

Множественное коллективное предполагает грамматико-семантические отношения третьего рода между ед. и мн. числом (отношения предсказуемости значений, см. выше). Грамматическое значение множественного коллективного – множественность цельно-составная. Элементы такого множества тесно связаны друг с другом, образуя единое целое: *зубы* (орган человека или животного), *руки* (пара рук), *карты* (колода карт), *капли* (лекарство; ср. *капли дождя, крови*), *боли* (интенсивная боль).

Как множественное дистрибутивное, так и множественное коллективное свободно коррелируют с ед. числом. Для первого словарная форма – ед. число. Для второго – в ряде случаев, как показало исследование Л. К. Чельцовой⁹, словарной формой следует считать мн. число (*зубы, глаза, туфли, волосы*, а не *зуб, глаз, туфель, волос*).

Что же касается мн. числа, несоотносительного с единственным (pl. tant.), то следует отметить, что оно по своему грамматическому значению сложносоставности очень близко значению множественного коллективного. Кроме того, семантические разряды слов и ЛСВ, употребляющиеся в форме множественного коллективного (соотносительно с единственным), совпадают с семантическими разрядами слов и ЛСВ в форме pl. tant. Ср., например, *шашки pl. collect*, и *шахматы pl. tant.* <...>

Естественно, возникает вопрос о том, что считать «производящим» в случае pl. collect, и pl. tant. Для существительных мн. числа, которые относятся к pl. collect., «производящим» служит либо форма мн. числа (*волосы → волос, когти → коготь, носки → носок, почки → почка, капли 'лекарство' капля*), либо форма ед. числа (*боль → боли, мука → муки, вода → воды 'масса воды', песок → пески, грязь → грязи 'лечебная грязь', овес → овсы*) в зависимости от направления «производности». «Слово-

образовательные» отношения в данном случае напоминают отношения по конверсии, так как «словообразовательным» средством служит парадигма.

У существительных или их ЛСВ, существующих в форме pl. tant., «производящее» отсутствует. В этом плане можно провести аналогию между членимыми, но непроечными словами типа *фронит*, *кардит* или *дуализм*, *деизм* и словами в форме pl. tant.

Все сказанное выше позволяет уточнить следующее положение В. В. Виноградова: «Категория числа в строе имен существительных, так же как и категория рода, является категорией лексико-грамматической».

Если учесть тяготение некоторых подсистем мн. числа к словообразованию, то число можно переформулировать как грамматико-словообразовательную категорию.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 154.

² Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 37.

³ Виноградов В. В. Типы лексических значений слова // Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977.

⁴ Соболева П. А. Дефектность парадигмы и тождество слова // Вопр. языкознания. М., 1979. № 5.

⁵ Смирницкий А. И. Указ, соч. С. 16–17, 30; Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопр. языкознания. М., 1960. № 5. С. 4; Новиков Л. А. К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. Вып. 4. Л., 1960. С. 98 и др.; Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

⁶ Сумкина А. И. Дериационные корреляции существительных в формах множественного числа // Развитие грамматики и лексики современного рус. яз. М., 1964; см. также: Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 128–130.

⁷ Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопр. грамматического строя яз. М., 1955.

⁸ Виноградов В. В. Русский язык. С. 163; Соболева П. А. Дериационная структура слова и типология омонимов // Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., 1978.

⁹ Чельцова Л. К. Форма множественного числа существительных как объект лексикографии. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1976. С. 9; Она же. Форма множественного числа имени существительного как исходная форма в лексикографии // Грамматика и норма. М., 1977. С. 114, 117.

И. П. Мучник

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА И ИМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРЫ РОДА И ЕЕ КОМПОНЕНТОВ

<...> Категория рода относится к числу наиболее универсальных категорий грамматического строя русского языка, так как сфера ее функционирования охватывает три важнейшие части речи: имя существительное, имя прилагательное (в том числе и прилагательное-числительное и прилагательное-местоимение) и глагол (формы прошедшего времени, формы сослагательного наклонения, причастия). С помощью форм рода достигается структурная спаянность и единство этих трех разрядов слов, столь резко различающихся по своим основным лексико-грамматическим особенностям.

Категория рода выступает на различных уровнях языковой структуры: синтаксическом, морфолого-словообразовательном и лексическом. Будучи одним из основных средств воплощения грамматического понятия предметности (субстанции) и включая в сферу своего действия весь чрезвычайно многочисленный словарный состав существительных, категория рода характеризуется, однако, большим разнообразием и сложностью форм своего обнаружения в разных слоях лексики.

Наибольшей универсальностью и единообразием обладает синтаксическая сторона обнаружения категории рода. Она состоит в том, что с формой рода существительного «согласуют» свои родовые формы поясняющие его слова (прилагательные, глаголы в значительной части своих форм): новый костюм Ø¹ висел Ø – новая юбка висела – новое платье висело.

Основной причиной отсутствия единообразия в морфологическом обнаружении рода является то, что различия между существительными мужского и женского рода выражаются разными морфологическими способами. Так, у одной группы существительных, противопоставленных в родовой системе по образцу *нос – рука*, родовые различия обнаруживаются уже в форме именительного падежа; конечные звуки – твердый согласный и гласный *а* – выступают в качестве отчетливых показателей родовой принадлежности. Окончания косвенных падежей играют здесь роль дополнительных, в какой-то мере, может быть, избыточных показателей рода². У другой группы существительных, противопоставленных по образцу *локоть – копоть*, формы именительного падежа сов-

падают и поэтому не могут служить родовыми различителями; здесь в этой функции выступают окончания косвенных падежей, т. е. система склонения в целом. Ср. *локоть* – *локтя* – *локтю* – *локтем* – *о локте* и, с другой стороны, *копоть* – *копотю* – *копотью* – *о копоти*.

В значительно большей мере, чем морфологическим разнообразием, формы обнаружения категории рода осложнены тем, что к конструируемой родом структуре относятся две существенно отличающиеся друг от друга группы форм. Первую группу составляют синтаксико-морфологические формы рода, не облеченные категориальной семантикой, в другую же группу входят синтаксико-морфологические формы, облеченные категориальной семантикой различий по биологическому полу, ср., с одной стороны, противопоставленность существительных *пол* – *стена* – *окно*, с другой стороны, противопоставления типа *учитель* – *учительница* и *лев* – *львица*.

Сочетание в структуре одной категории асемантических и семантических противопоставлений свидетельствует о ее большом своеобразии. <...>

1. Семантические противопоставления по своему лексическому составу корреляционны, ср. *ученик* – *ученица*, *звеньевой* – *звеньевая*, *лев* – *львица* и т. д. Асемантические противопоставления лексически разобщены, дизъюнкты, ср. *пол* – *стена* – *окно*, *лес* – *зима* – *вдохновенье*. Конечно, асемантические родовые противопоставления могут быть более или менее разнородными по лексическому составу, ср. второй пример с первым, однако по самой своей природе они не могут представлять ряд слов, отличающихся друг от друга только по родовому значению.

2. Семантические родовые противопоставления двучленны, асемантические трехчленны. Трехчленность последних обусловлена наличием трех разных моделей синтаксико-морфологического оформления существительных в русском языке³, семантикой первых обусловлено то, что в них используются только две из трех существующих синтаксико-морфологических моделей.

3. В отличие от асемантических противопоставлений, в которых все три члена являются в одинаковой мере маркированными, так как в существительном каждого из трех родов синтаксико-морфологически обозначена его принадлежность именно к данному роду; в семантических противопоставлениях один из членов – обычно в этой роли выступает существительное мужского рода – является немаркированным⁴.

В силу этого некоторые существительные, хотя и противостоящие друг другу по роду как синтаксико-морфологически, так и семантически, но являющиеся в одинаковой мере маркированными (вследствие того,

что у них в самих лексических значениях обоих членов противопоставления содержится указание на принадлежность к определенному полу, например: *муж – жена, брат – сестра, жеребец – кобыла* и т. д.), не могут быть включены во второй ярус родовой структуры. Эти слова занимают особое место в лексико-грамматической системе средств выражения различий по признаку пола. Формируемые этими существительными родовые оппозиции непосредственно примыкают к родовым противопоставлениям второго яруса родовой структуры, но не являются ими вследствие отсутствия в них немаркированного члена.

Приведенные факты обнаруживают качественное различие между лексическим и структурно-грамматическим выражением значения рода у одушевленных существительных. Отсюда следует несостоятельность вышеупомянутых утверждений, будто значение рода у всех одушевленных существительных является элементом их лексического значения. Подобное утверждение есть результат неразграничения существенно различных языковых фактов, из которых одни относятся к области лексических значений, другие – к грамматической структуре языка.

Внешне сходные с только что разобранными противопоставления типа *селезень – утка, боров – свинья* должны быть отнесены с некоторыми оговорками ко второму ярусу родовой структуры. В самом деле, обладая основными признаками семантических противопоставлений, они отличаются двумя особенностями: 1) в качестве немаркированного члена здесь выступает существительное женского рода; 2) противопоставленность осуществлена здесь не при помощи аффиксов, а посредством супплетивации. Обе указанные особенности внутренне связаны и в одинаковой мере обусловлены тем, что эти противопоставления возникли в лексической сфере, а в структурную сферу родовых различий смогли включиться вследствие того, что не содержат ничего противоречащего ее основным признакам⁵.

Семантические и асемантические родовые противопоставления, несмотря на указанные выше существенные различия между ними, представляют собой компоненты единой структуры, потому что все существительные мужского и женского рода одинаково субституируются местоимениями *он – она*, в которых семантические различия существительных разных ярусов нейтрализованы. Ср. под этим углом зрения русские местоимения *он – она* с английскими *He – She*⁶. В этой перспективе выделяется и особое место существительных среднего рода, так как эти существительные, субституируемые местоимением *оно*, не имеют вовсе точек соприкосновения с элементами второго яруса родовой структуры. <...>

Соответственно изложенным выше принципам построения родовой структуры, включающей все относящиеся сюда противопоставления, представляется возможным следующим образом определить категорию рода в современном русском языке. Категория рода – это совокупность форм существительных, прилагательных и глаголов, посредством которых осуществляются две разнородные, однако структурно связанные функции: а) достигается синтаксико-морфологическое единство существительного и поясняющих его слов; б) конструируются формальные противопоставления существительных, различающихся по признаку биологического пола.

Выделением двух ярусов родовой структуры, синтаксико-морфологической и семантической, диктуется целесообразность подразделить всю проблематику категории рода на две части, которые должны исследоваться раздельно, с учетом, конечно, их взаимосвязанности. <...>

¹ Ø означает нулевую форму.

² Ср.: факты болгарского языка, лишнего, как известно, склонения, где конечные звуки *heus*меняемых по падежам существительных выступают в качестве единственных и достаточных морфологических показателей родовых различий, например *нос* – *рука*. Ср. также в русском языке морфологическое выражение различий между существительными мужского и среднего рода только в именительном и винительном падежах, так как окончания всех других косвенных падежей у них одинаковые.

³ В ряде других индоевропейских языков, например во французском, литовском и других, имеются только две таких модели – мужского и женского рода; в языках другого строя, в частности в ряде африканских языков, число этих моделей значительно больше.

⁴ Имеющий теоретическое значение вопрос о маркированности или немаркированности членов противопоставления получает иногда своеобразное преломление в практике языкового общения. Иллюстрацией может служить письмо, направленное работниками Московского детского универсального магазина в Институт русского языка АН СССР, в котором сообщается о том, что вывешенная в магазине надпись «Подарок первокласснику» вызвала претензии со стороны покупателей, заявивших, что этот текст вовсе игнорирует первоклассниц. Данное культурработником магазина объяснение, что слово *первоклассник* имеет в виду как мальчиков, так и девочек, оказалось неубедительным, и неудовлетворенные покупатели внесли соответствующую запись в книгу жалоб и предложений. Из такого рода фактов должны, конечно, быть сделаны определенные выводы. Они свидетельствуют о необходимости тщательного изучения степени рациональности существующих языковых норм и способов привития их массе говорящих.

⁵ Аналогичным образом включились в сферу структурных видовых противопоставлений супплетивные пары глаголов типа *говорить* – *сказать*, *брать* – *взять*.

⁶ Описанные отношения получили замечательное по своей выразительности и непосредственности отражение в следующем диалоге четырехлетнего ребенка с матерью;

– Мама, баран – он?

– Он.

-
- Овца – она?
– Она.
– А почему папа – он? Надо бы пап, а не папа. (К. Чуковский. От двух до пяти. М., 1957. С. 44).

Е. В. Клобуков

СЕМАНТИКА ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЗИЦИОННОГО АНАЛИЗА ПАДЕЖНОЙ СЕМАНТИКИ. ПАДЕЖНАЯ ФОРМА И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Формальные показатели падежа

Объектом нашего изучения является падежная форма имени существительного, предметом анализа – ее значение. Поскольку семантический аспект грамматики диалектически связан с формальным и функциональным, для дальнейшего изложения требуется хотя бы кратко охарактеризовать падежную форму во всех трех указанных аспектах.

Средством выражения падежных значений являются формальные показатели падежа. Будем различать два вида таких показателей: парадигматические и синтагматические. Парадигматические показатели – падежные флексии; их мена означает изменение падежной формы данного слова (*поднять руку/рукой; письмо друга/другу* и т. п.). Синтагматические показатели, к числу которых относится грамматическая форма слов-атрибутов, согласуемых с данной падежной формой существительного, вторичны по отношению к парадигматическим. Они в большинстве случаев дублируют информацию о падежной форме данного существительного (ср.: *поднять свою руку/своей рукой*) и лишь иногда, если существительное несклоняемое или если оно опущено, являются единственным источником информации о падеже (*письмо **военного** атташе/военному атташе; К братьям относились в коллективе по-разному: старшего недолюбливали, **младшим** гордились*).

Отдельно следует сказать об отношении предлога к падежной форме. При традиционном, «узко морфологическом» подходе к описанию падежной системы¹ предлог рассматривается как нечто внешнее по отношению к падежной форме, как элемент внешнего контекста, управляющего падежом; с этой точки зрения предлог должен быть отнесен к

числу показателей, с определенной степенью достоверности диагностирующих данную падежную форму. Ср.: *без + родительный падеж, через + винительный, перед + творительный*, но: *с + родительный, винительный и творительный*: *Пишу тебе в гостях с разбитой рукой: упал на льду не с лошади, а с лошадью: большая разница для моего наезднического самолюбия* (А. С. Пушкин – П. Вяземскому); *Кошка выросла (рядом) с собакой / (почти) с собаку* и т. п.

В последнее время получает распространение иной взгляд на соотношение падежной флексии и предлога, которые трактуются как составные компоненты единого грамматического показателя². Высказывается мнение, что беспредложно- и предложно-падежные формы «представляют собой одну и ту же парадигму, члены которой соотнесены друг с другом и не существуют друг без друга в языковой системе»³. Иногда даже предлагается рассматривать беспредложные падежные формы как разновидность предложных – с нулевым предлогом⁴. При такой трактовке структура категории падежа, естественно, предстанет в более сложном виде по сравнению с традиционной шестипадежной системой <...>; однако многие ученые полагают, что именно такой взгляд на падежную систему наиболее целесообразен при функциональном подходе к описанию грамматического строя. Если считать, что формы с предлогами и без предлогов образуют единую функциональную парадигму, то предлог предстанет как одно из парадигматических средств падежной системы наряду с флексией. Мена предлогов и флексии ведет к изменению падежной формы (в широком, функциональном, а не узко морфологическом понимании), что нередко обыгрывается в художественной литературе столкновением форм одного и того же имени в одном контексте, ср.: */Мать:/ А ведь можно жить и с людьми. И для людей. Ты не задумывалась?* (А. Володин).

Функции падежной формы

<...> ... что падеж имеет значение лишь в том случае, если он выполняет определенную функцию в составе единиц более высокого уровня. Прежде чем рассмотреть классификацию функций падежных форм, кратко охарактеризуем виды позиций, замещаемых падежными формами, поскольку известно, что функция падежа детерминирована позицией, которую падежная форма занимает по отношению к другим формам на синтагматической оси.

Позицию падежной формы можно определить как ее «местоположение на синтагматической оси по отношению к другим соотносительным лингвистическим объектам, как условие ее реализации»⁵. Понятие позиции более детально разработано для единиц фонологического уровня и

менее детально – для единиц грамматики. Будем различать два основных типа факторов, влияющих на реализацию семантики грамматической формы: 1) внешний контекст и 2) внутренний контекст. <...>

Внешний контекст для падежной формы – это подчиняющее ее окружение: управляющее имя или глагол (*жители* → Москвы; *жить* → в Москве) или же имя, с которым согласуется данная падежная форма (*город* → *герой*; *города* → *героя* и т. п.), синтаксическая конструкция (*Мам!* ← *Иди сюда*) или связный текст (ср. позицию заголовка по отношению к тому тексту, который им предваряется). При этом важно не только (а) наличие-отсутствие тех или иных элементов окружения, но и (б) их грамматические и лексико-семантические свойства, которые оказывают влияние на появление той или иной падежной формы (ср.: «жители, обитатели Москвы, но проживающие, живущие в Москве) или на реализацию того или иного значения данной падежной формы (*восхищаться степенью* и *ехать степенью*).

Внутренний контекст для падежной формы также складывается из двух типов явлений: а) подчиненное, грамматически зависимое окружение падежной формы, если оно релевантно для реализации того или иного значения; б) лексико-семантические и грамматические свойства существительного, принимающего данную падежную форму. Роль зависимого окружения очевидна в примерах типа: *ларец* (*рама, сервант* и пр.) *красного дерева* (невозможно без атрибута: *ларец дерева*). Значение лексико-семантических и грамматических свойств имени существительного, выступающего в данной падежной форме, для реализации значений данной формы можно показать на примерах типа *бегут утром / лесом / стрелой / (всем) классом; армия/ смелость города берет* и т. д.

Полное описание позиции, в которой реализуется та или иная падежная форма, то или иное ее значение, предполагает анализ взаимодействия обоих видов контекстов – и внутреннего, и внешнего.

И еще один важный момент теории позиционного варьирования грамматических форм требует своего уточнения. Речь идет о релевантности для реализации падежных значений такого явления, как порядок слов. В некоторых работах справедливо подчеркивается, что «...при возможном отсутствии связей между элементами, расположенными контактно, и при возможном наличии связей между словами, не находящимися в контакте, определение грамматического контекста следует основывать на критерии ином, чем порядок слов»⁶. Действительно, контактность – дистантность расположения элементов контекста для семантики грамматических форм в языках с относительно свободным словоупотреблением несущественна <...>.

Основная функция падежной формы – служить показателем минимальной единицы синтаксического строя – синтаксемы⁷. Синтаксема как минимальный синтаксически значимый компонент (синтаксический «первоэлемент») играет в предложении роль, аналогичную роли морфемы в структуре слова. Субстантивные синтаксемы – один из наиболее важных видов синтаксем; падежная флексия (или сочетание *предлог/флексия*) позволяет отграничить одну синтаксему от другой. <...>

Учет синтаксических функций весьма важен для семантического анализа падежных форм, поскольку есть прямая связь между функциональной характеристикой падежной формы и ее семантикой. Субстантивные синтаксемы, формирующие синтаксическую основу предложения, имеют обычно значение субъекта или объекта действия или отношения (ср.: *Сын захотел молока, Волга длиннее Дона*). <...>

Таким образом, синтаксические функции падежей мы соотносим прежде всего с ролью субстантивных синтаксем в организации предложения <...>. Такой подход существенно отличается от широко распространенного теперь подхода к анализу падежей в русле синтаксиса слова, когда «определение значений падежных форм осуществляется прежде всего и в первую очередь на уровне зависимостей между словами и возникающих здесь отношений»⁸. С этой точки зрения конструктивные возможности и функции падежных форм в сфере синтаксиса предложения трактуются как производные от «основных и первичных значений», реализуемых на уровне межсловных зависимостей⁹.

Наиболее последовательно данный подход (от синтаксиса слова) проведен в трудах Н. Ю. Шведовой, вводящей разграничение присловных и неприсловных падежей. Присловные падежи употреблены в присловных позициях – в словосочетании: «Это те позиции, которые показываются при слове в словарях как сигналы его сильной интенции, а также те позиции, которое открыты для реализации его слабых интенций и поэтому в словарях показываются нерегулярно». Ср.: *ждать письма / приехать пятого мая*¹⁰.

Присловным падежам противопоставлены падежи неприсловные, которые занимают одну из следующих трех позиций: а) «позицию обязательного компонента предложения – его главного члена или одного из его главных членов». Ср.: *Тишина. Студент читает*; б) «позицию непосредственного распространителя внутреннего состава предложения, не predetermined категориальными свойствами слова (например, в случаях типа *Проект разработан инженерами*, где форма творительного падежа с агентивным значением predetermined законами построения пассивной конструкции, а не свойствами слова *разработать*); в) «пози-

цию распространителя предложения в целом – его детерминанта»¹¹. Ср.: *Для миллионов пар регистрация брака – не канцелярская бумажка. На часах было начало одиннадцатого* и т. п.

Как пишет Н. Ю. Шведова, присловная позиция противопоставлена неprisловной «как такая позиция, которая может быть занята падежной формой «до предложения»: каждое отдельно взятое слово в определенном своем лексическом значении, во всей системе своих форм, есть единица, обладающая собственным синтаксическим потенциалом... <...>

Итак, в фокусе данной концепции падежного значения – слово и его синтаксические потенции.

Покажем для примера отличия в интерпретации одного и того же языкового материала, обусловленные выбором исходной концепции функций падежных форм. Согласно Грамматике 1980 в сочетаниях типа *приехать пятого мая* и *хотеть чаю* реализованы разновидности присловного употребления родительного падежа¹². С нашей точки зрения, в примере *приехать пятого мая* родительный падеж употреблен в роли деривационного распространителя предиката, а в примере *хотеть чаю* он входит в состав «синтаксического ядра» предложения, поскольку называет один из двух необходимых актантов при предикате отношения *хотеть*. Другой пример, в словосочетаниях типа *умнее брата*, *исполниться негодования*, *достойный награды* и т. п. родительный падеж, с точки зрения Грамматики 1980 (т. 2, с. 427), не имеет какого-либо семантического значения, он лишь информативно восполняет лексические значения слов, формально подчиняющих себе данные падежные формы. Однако на фоне смысловой организации предложения названные падежные формы имеют свою вполне определенную семантику: так, форма *брата* в контекстах типа *Иван умнее брата* означает предмет сравнения при предикатах отношения, предполагающих два взаимообусловленных актанта.

Итак, уже приведенные примеры показывают, что подход к семантике падежа с ориентацией на синтаксис слова и на синтаксис предложения приводит к различным результатам. Мы выбираем подход от предложения, поскольку, как было показано выше, он позволяет, в частности, установить вполне конкретное значение у падежной формы, не поддающейся семантической интерпретации при ее рассмотрении в рамках синтаксиса слова.

В качестве «допредложенческих» употреблений падежей (т. е. употреблений, не выводимых непосредственно из явлений формальной структуры предложения, его парадигматики и деривационных свойств) мы будем рассматривать только такие случаи, когда падежная форма не

является самостоятельной синтаксемой и поэтому не имеет функциональной значимости на уровне предложения, ср.: *чувство ярости (любви, долга), иметь значение, играть роль, выразить приветствие* и т. п. Подобные комплексные номинации составляют одну целостную синтаксему, они сопоставимы с простыми(словными) номинациями» *Он испытал чувство ярости / ярость. Директор выразил приветствие / поприветствовал* и т. д. <...>

... будем разграничивать предложенческие позиции падежных форм, когда падеж функционирует в предложении как самостоятельная синтаксема, и позиции допредложенческие, когда падежные формы не имеют статуса синтаксем, участвуя в формировании этих минимальных компонентов формально-смысловой организации предложения.

Есть у падежей и постпредложенческие позиции на уровне текста. Таковы позиции падежных форм в функции заголовка (ср.: *Человек, Про это, Клоп, Баня* – названия поэм и пьес В. Маяковского), в функции связующего средства по отношению к отдельным частям текста и т. п. <...>

Бывают у падежных форм также особые случаи изолированного употребления вне предложения, не в структуре синтаксемы и не в качестве компонента связного текста. Это употребление имен существительных в роли «ярлыков» при тех или иных объектах внеязыковой действительности, ср. вывески: *Лейпциг, Ядран, Промтовары* (магазины); *Витязь, Звездный* (кинотеатры) и т. п. Это четвертый класс позиций, характерный в основном для номинатива. <...>

Поскольку синтаксические функции падежа всецело предопределены его позицией, в специальной литературе часто тот или иной тип позиций и соответствующий тип функций получают одинаковое название: говорят о позиции детерминанта и детерминантной функции падежной формы, о позиции и функции присловного распространителя. Подобное терминопотребление обычно не приводит к недоразумениям. То же можно сказать и о возможностях употребления многозначного термина *функция*: в одних контекстах этим термином обозначается структурно-синтаксическая роль падежа в организации предложения и текста, в других – частное падежное значение, семантико-синтаксическая роль падежа в формировании смысловой организации синтаксических единиц (говорят о семантико-синтаксических функциях субъекта, объекта, причины и пр.). Многозначность термина *функция* в таких случаях снимается контекстом.

Каждому из типов синтаксических функций падежа соответствует свой набор падежных значений.

Структура категории падежа

Специфическая черта категории падежа – ее многочисленность. Среди морфологических категорий русского языка преобладают категории двучленные (ср.: число, одушевленность, вид, залог) и трехчленные (наклонение, время, лицо, степени сравнения). Падеж объединяет не менее шести противопоставленных категориальных форм (шестипадежная схема наиболее широко распространена в грамматических описаниях русского языка, хотя «не является единственной»). Думается, что в количественных отличиях падежа от других категорий отражаются некоторые существенные качественные его характеристики, в частности особая сложность и гибкость семантики.

Решение вопроса о количестве падежных форм имеет самое непосредственное отношение к изучению семантики падежа, хотя вряд ли существует прямая связь между количеством падежей в языке и количеством падежных значений. <...>

Взаимосвязь между разработкой проблем формальной организации падежа и решением вопросов смысловой организации этой категории представляется в следующем виде: чем больше выделяется падежей, тем проще описание семантики каждого из падежей, поскольку меньшее количество разнородных значений придется соотносить с одной падежной формой. И напротив, чем экономнее описание формального плана падежа, тем больше затруднений представляет описание его содержательной стороны. Ясно, что при опоре на традиционную шестипадежную схему круг частных значений, к примеру, родительного падежа предстает иначе, нежели с выделением дополнительных падежей – «второго родительного» (партитива) и «третьего родительного» (счетного падежа). Поэтому необходимо хотя бы кратко остановиться на проблеме количества падежей в русском языке.

Для разработки современной методики установления числа падежей большую роль сыграли работы А. М. Пешковского. «...Под отдельным падежом существительного, – писал Пешковский, – мы понимаем ряд форм, объединенный комплексом разнородных, но одинаково повторяющихся в каждой из этих форм значений и имеющий хотя бы в части этих форм собственную звуковую характеристику...»¹³. Например, «родительный падеж есть не что иное, как синтаксическое равенство нескольких, совершенно различных по звукам, форм (*лисы, осла, лошади* – *лис, ослов, лошадей*)»¹⁴.

Для осознания «синтаксического равенства» одного и того же падежа у разных слов А. М. Пешковский рекомендует использовать метод

«фразного склонения» или «фразных шаблонов» – подстановки словоформ разных слов в специально подобранные контексты¹⁵:

Им. п. *у меня есть...*

род. п. *у меня нет...*

дат. п. *я иду к ...* и т. п.

В конце 50-х гг. В. А. Успенский предложил формальную процедуру установления падежей, развивающую устные высказывания академика А. Н. Колмогорова¹⁶. Интересно, что в методике «фразного склонения» Пешковского и методике установления падежей по Колмогорову-Успенскому¹⁷ обнаруживается целый ряд общих моментов, вплоть до совпадения диагностических контекстов. Применение обеих методик убедительно доказывает объективность существования шести традиционно выделяемых падежей – именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного. Гораздо большего внимания требует выделение других, дополнительных падежей, о которых писали А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, А. А. Зализняк и др.

Местный падеж (второй предложный, локатив) устанавливается благодаря контекстам типа *Они находятся в ... (шкафу, лесу, печи)* и *Они находятся на ... (лугу, берегу, печи)*¹⁸; ср. формы предложного падежа от тех же существительных: *Я думаю о шкафе, лесе, печи*. По данным А. А. Зализняка, общее количество слов, образующих особую форму местного падежа, – около 150 (в том числе 25 слов типа *печь, бровь, кровь*, у которых форма местного падежа образуется не особой флексией, а меной ударения¹⁹). Для подавляющего большинства русских существительных формы предложного и местного падежей омонимичны. Ср.: *Они находятся в стране, селе, городе* и *Я думаю о стране, селе, городе*. Тем не менее количественное соотношение имен с формально дифференцированными и недифференцированными формами названных падежей для данной процедуры установления падежей несущественно; коль скоро нельзя сказать по-русски *находиться в лесе, на луге, в степи* (как и *говорить о лесу, о лугу, о степи*), значит, предложный и местный падежи – самостоятельные, хотя и слабо дифференцированные формы русского языка²⁰.

Партитивный (второй родительный) падеж устанавливается в контекстах типа *У меня нет... чаю, сахару, винограду* и т. п.²¹: важное уточнение к методике «фразного склонения» А. М. Пешковского, ошибочно полагавшего, что данный контекст диагностирует не партитив, а родительный падеж). Как и местный падеж, партитив относится к числу слабо дифференцированных падежей», поскольку формально противопоставлен родительному падежу лишь у некоторых существительных мужского

рода с нулевым окончанием в именительном падеже ед.ч., «называющих неодушевленные предметы, не поддающиеся счету» («Грамматика». 1980. Т. 1. С. 486). Общее число существительных с формально дифференцированным партитивом, согласно данным А. А. Зализняка, приближается к 370 (среди них 29 демннутивов типа *чаек, кофеёк, огонёк*, у которых образование родительного падежа с окончанием – *а* невозможно или затруднено²²). Хотя количество существительных, образующих особую форму партитива, значительно больше, чем число слов с особой формой местного падежа, в литературе неоднократно подчеркивалось, что ситуация с выделением партитива в русском языке сложнее, чем с выделением местного падежа, поскольку, помимо своей слабой дифференцированности, партитив характеризуется еще свойством факультативности, которое А. А. Зализняк формулирует следующим образом: в любой фразе всякая словоформа партитива может быть заменена родительным падежом без изменения смысла фразы²³. Автор подчеркивает: «... Наше изложение верно лишь при условии, что признаются грамматически правильными также фразы типа *хочется чайка, кофейка, сахарка*»²⁴.

Для целей нашего исследования следует признать желательным более жесткое понимание грамматической правильности, согласно которому нельзя считать отмеченными фразы типа *хочется чайка*. Из этого вытекает необходимость уточнения понятия факультативности применительно к русскому партитиву. Как показывают специальные исследования²⁵, взаимозаменяемость родительного падежа и партитива относительна, что выражается в следующем: а) в «книжных стилях» партитив отсутствует вообще (ср. иное положение с местным падежом, который обязателен в любом функциональном стиле); б) в разговорной речи замена партитива родительным падежом невозможна или нежелательна при выражении целого ряда значений, например в отрицательных конструкциях бытийного типа: *нет чаю, квасу* и пр. Таким образом, о факультативности партитива можно говорить только по отношению к речевым сферам, которые отражают взаимодействие книжной и разговорной стихий: это некоторые жанры публицистики, а также художественная литература (хотя и здесь есть ряд ограничений; нельзя, по-видимому, сказать *ни раза, попить чая, и потребовать сахара* и т. п.). Сказанное позволяет говорить о партитиве как о факультативном (с указанными уточнениями) и слабо дифференцированном по отношению к родительному, но все же самостоятельном падеже русского языка.

«Счетный» падеж. О нем писали В. В. Виноградов и А. А. Зализняк²⁶. В контексте вот три... возможны словоформы *ряда, следа, часа*,

шага, шара; часовых, столовых (и столовые), мастерских (и мастерские) и т. п. Поскольку нельзя по-русски сказать два *ча́са* (только форма: *часá*) или длительность *часá* (только *ча́са* – родительный падеж), приходится говорить о необходимости выделения особого, счетного падежа, функционирующего в диагностических контекстах типа *Вот три...* как «синтаксическое равенство» словоформ пяти существительных *ряд, след, час, шаг, шар* с ударением на окончании (типа *рядá* – ср. безударное окончание типа *ря́да* у формы родительного падежа ед. ч. тех же слов) и сравнительно большого количества отадективных существительных типа *часовой, столовая*, которые в сочетании с числительными *полтора, два, оба, три, четыре* образуют формы типа *часовых, столовых / столовые*. «Синтаксическое равенство» *ча́са... часовых* не совпадает ни с каким другим падежом русского языка. Особенность этого падежа – отсутствие в нем числовой корреляции. По значению словоформы счетного падежа естественно было бы отнести к множественному числу, но формальные показатели противоречивы: *часа, шага* ближе к ед. ч., *часовых, столовых / столовые* совпадают с формами мн. ч. «Спасительная» во многих аналогичных случаях синтагматика здесь бессильна, поскольку в примерах типа *три больших ресторана / три большие столовые* форма атрибута не отражает грамматического числа существительного, а согласуется по смыслу с главным словом словосочетания – числительным. Ср. пример, где существительного нет: *Ты помнишь? В нашей бухте сонной спала зеленая вода, когда кильватерной колонной вошли военные суда. Четыре серых* (А. Блок).

Н. А. Еськова вкладывает в термин «счетный падеж» иное содержание. Счетный падеж (счетная форма) выделяется ею у существительных – названий единиц измерения: «...Счетными формами признаются формы с нулевой флексией при указании количества: *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт*; ср. соответствующие формы род. п. мн.ч. в контекстах типа *Отмена, введение.. (вольтов, амперов, ваттов); Не знаю никаких ... (вольтов, амперов, ваттов); Не досчитаться... (вольтов, амперов, ваттов)*. Для некоторых слов (*грамм, ом, эрг*) счетный падеж имеет вариативное выражение: *грамм* и *граммов, ом* и *омов*» т. д. Счетной формой признается также форма *лет (пять лет)*, ср. род. п. мн.ч. *годов: люди тридцатых годов*²⁷.

Было бы нелогично объединить два рассмотренных варианта счетного падежа под общей терминологической рубрикой «счетный падеж», поскольку формирующие их словоформы не образуют «синтаксического равенства», находясь в отношениях дополнительной дистрибуции: после числительных *полтора, два, оба, три, четыре* употребляются формы ти-

па *часá, рядá, гра́мма, óма, ва́тта, во́льта*, а после числительных *пять, шесть* и т. д. – формы типа *часов, рядов, омов/ом, ватт* и т. п. Следовательно, необходимо разграничить два «счетных» падежа – счетный₁ падеж (*ряда, ватта*) и счетный₂ падеж (*рядов, ватт*)..

Четыре самостоятельных падежа, традиционно рассматриваемых в качестве вариантов родительного падежа, а именно: собственно родительный падеж, партитив, счетный₁ падеж и счетный₂ падеж – составляют все вместе отдельный блок слабо дифференцированных падежей, из которых основным является родительный, а остальные – дополнительными падежами. При этом «счетные» падежи, несмотря на свою конструктивную ограниченность (образуются в позиции при некоторых числительных от незначительного числа существительных), являются, по терминологии А. А. Зализняка, обязательными, принадлежат всем функциональным стилям и связаны с родительным падежом отношениями грамматической дополнительной дистрибуции: в одних контекстах – только родительный падеж, в других – только счетный₁, в третьих – только счетный₂ падеж. Партитив, который лексически представлен неизмеримо шире, чем счетные падежи, факультативен, принадлежит лишь разговорной речи и тем сферам книжной речи, которые так или иначе отражают особенности разговорной речи.

Звательный падеж (вокатив) также нередко относится к числу «сомнительных» падежей русского языка. <...>

Диагностическими контекстами для вокатива являются, очевидно, императивные конструкции типа «... *иди сюда!*» (или «*Иди сюда...*») с одним непременным просодическим условием – особым интонационным оформлением диагностируемого падежа: обычно ИК – 2 («Грамматика». 1980. Т. 1. С. 89 и далее).

В этой позиции будут различаться факты двух типов: «архаический» и «новый» вокатив. Прежде всего выделяется такая группа примеров: *Чего тебе надобно, старче?* (А. С. Пушкин); *Ересь, святой владыко, сущая ересь* (А. С. Пушкин); *Опомнись, Прохоре* (В. Шишков); *Врачу, исцелися сам; Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой* (Ф. М. Достоевский); *Боже, прости и благослови сестрицу Соню...* (Ф. М. Достоевский). Вопреки утверждению А. В. Исаченко²⁸, формы *боже, господи* в подобных примерах отнюдь не выходят за рамки имен, в отличие от междометных слов *боже, господи* в эмфатических высказываниях типа *Как вы мне аккомпанировали, боже мой!* (И. С. Тургенев) или *Господи, какая будет радость, когда я вас всех увижу!* (В. М. Гаршин).

«Словоформы типа *старче* образованы не по продуктивным образцам. В то же время их нельзя исключить из русской грамматической системы, уравнивая, например, с иноязычными выражениями – обращениями типа *Mesdames, Signor* и пр., ср.: *Mesdames, Mesdames – говорил Ромашов, изображая собою против воли любезного кавалера* (А. И. Куприн); и пр. Словоформы типа *старче* – рудименты, но рудименты именно нашей грамматической системы, приданные в силу традиции отдельным словам в качестве архаического вокатива, употребляемого в особых речевых условиях (цитация; нарочитая архаизация; культовые отправления). Эти формы продуцируются не всеми говорящими по-русски. Степень продуктивного владения формой архаического вокатива является одной из социалингвистических характеристик говорящего; но на рецептивном уровне архаический вокатив усвоен всеми. А. А. Шахматов называет формы типа «*владыко, господи*» старыми формами звательного падежа, сохранившимися в книжной, а частью и в народной речи»²⁹, Попутно стоит отграничить архаический вокатив от диалектного, номинатива на – *О* типа *дедушко, сынишко*.

Однако не только и не столько благодаря наличию рудиментов типа *старче, господи* ставится вопрос о выделении особого звательного падежа в современном русском языке. <...>

О вокативе как особой продуктивной морфологической форме имен существительных говорят на основании наблюдений над русской разговорной речью, где отмечены регулярные случаи образования «новой» звательной формы («нового вокатива»).

«Новый вокатив» как особая (падежная) форма образуется при помощи нулевого окончания от существительных мужского и женского рода типа *мама, Вася* (с окончанием *-а* в номинативе): *мам! Вась!* Необходимое условие – отсутствие ударения на окончании (от слов типа *Илья* вокатив подобного типа не образуется).

Е. А. Земская отмечает, что вокатив образуется «только от имен собственных и некоторых названий родства...»³⁰. По нашим наблюдениям, помимо указанных семантических групп вокатив регулярно образуют также слова *pluralia tantum* *ребята и девчата*; Ср.: *Ребят / вон наш номер идет* (о трамвае); *Ребят / пошли скорей*; *Девчат / у меня есть/но один только* (о «лишнем билетике» в театр); ср. также: (в магазине) *Девушк / а что там за носочки в полоску?*; (на остановке автобуса): *Парнишк / как нам до этого... до «Лейпцига» тут доехать?* Следовательно, вокатив образуется также от слов из лексико-семантической группы наименований лиц по половозрастным признакам, которая, очевидно, включает и слова типа *дядя (дяденька), тетя (тетенька), папаша, ма-*

маша, дедушка, дедуля, бабуля, сестренка, братишка, употребленные на улице по отношению к незнакомым лицам и называющие не степень родства, а признаки возраста и пола адресата речи.

От морфологического (флексивного) вокатива, представляющего собой особую падежную форму, нужно отграничивать звательные формы типа *ба!* (от *бабушка*), *па! ма!* (от *папа, мама*), реже *Ни!* (от *Нина*), *Лю* (от *Люся, Люда, Люба, Люция* и пр.). В таких случаях можно говорить об усечении как деривационном процессе (ср.: *магнитофон – маг*), поэтому вокативы типа *ба! Ни!* можно назвать словообразовательными вокативами. Кроме того, имеются и аналитические вокативы типа *Пап – papa!* или *Люсь! о Люсь* (см.: Земская Е. А. 1983. С. 115), которые также не соотносимы с морфологическими падежными формами, а представляют их повтор в синтаксических конструкциях особого рода. Словообразовательные вокативы единичны; аналитические же вокативы, напротив, при непринужденном общении между близко знакомыми людьми³¹ используются весьма часто. При этом снимаются существенные ограничения, релевантные для морфологического вокатива: возможны формы типа *Семен, а Семен* или *Петров, а Петров!* (слова не на *-а* в номинативе); *Илья, а Илья!* (с ударенным окончанием) и т. п. <...>

Звательный падеж и именительный падеж составляют пару слабо дифференцированных падежей, при этом вокатив, подобно партитиву, факультативен, но, в отличие от последнего, он факультативен не только в художественной литературе и публицистике, но и в разговорной речи, ср.: *Алла // Немножечко подвинься* (номинатив в звательной функции); *Мама! Мам! А у нас хлеб!*³²; рядом употреблены омофункциональные формы: именительный падеж – *мама!* и звательный падеж – *Мам!*).

Необходимое условие выделения звательного падежа – его формальная противопоставленность номинативу хотя бы для части лексем. Традиционная морфологическая теория фактически учитывает два типа формальных показателей – парадигматические и синтагматические³³. Грамматическая синтагматика – внешний вид согласуемых атрибутивных форм типа *мой (моя), дорогой (дорогая)* и т. п. – для дифференциации номинатива и вокатива вряд ли может быть использована (ср.: *Папа, дорогой, иди сюда* и *Пап, дорогой, иди сюда* – формы обособленных согласуемых атрибутов совпадают). Единственное ограничение – невозможность при формах нового вокатива появления препозитивных атрибутов типа *мой пап! дорогая мам!* и пр. (иначе – с вокативом архаическим; *святой владыко, мой боже* и пр.). <...>

Итак, в современном русском языке существуют следующие падежи: именительный, звательный, родительный, партитивный, счетный¹ и счетный², дательный, винительный, творительный, предложный и местный. При этом два последних падежа функционируют только в связанном виде, т. е. в составе предложно-падежных конструкций, поэтому их семантику целесообразно рассматривать в рамках тех конструкций, в формировании которых они участвуют. Предложно-падежные конструкции (формы), как считают многие ученые, представляют собой особые единицы падежной системы, обладающие собственной семантикой, в большинстве случаев не соотносимой с семантикой соответствующих беспредложных падежей, ср.: *гордились братом* и *гордилась вместе с братом своей матерью*; *лишился друга* и *лишился книги из-за друга* и т. п. <...>

¹ См.: Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.

² См., например: Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М.;Л., 1935. С. 223; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956. С. 59; Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике М., 1962; Ходова К. И. Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971 и др.

³ Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Автореф. докт. дис. М., 1970. С. 2.

⁴ Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж, 1969. С. 7.

⁵ Ср.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 333.

⁶ Ходова К. И. Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 394.

⁷ См. о ней: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 10–123; Золотова Г. А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте // Československá rusistika. Praha, 1983. Т. 28. № 5. С. 3, 48 и др.

⁸ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 327.

⁹ Там же.

¹⁰ Шведова Н. Ю. Дихотомия «присловные – неприсловные» падежи в ее отношении к категориям семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Загреб – Любляна, сентябрь, 1978. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 456

¹¹ Там же.

¹² Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980. С. 428.

¹³ Пешковский А. М. Указ. работа. С. 290.

-
- ¹⁴ Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. С. 46.
- ¹⁵ Там же. С. 48.
- ¹⁶ Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 5. М., 1957.
- ¹⁷ См. также: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 42–44; Гладкий А. В. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- ¹⁸ См.: Пешковский А. М. Наш язык. Учебная книга по грамматике для школ первой ступени. Вып. 1. Элементы морфологии и синтаксиса. М., 1923. С. 133; Зализняк А. А. Указ. работа. С. 43–44.
- ¹⁹ См.: Зализняк А. А. Указ. раб. С. 286–287; см. также: Русская грамматика. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование. Морфология. М., 1980. С. 488.
- ²⁰ См.: Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 76–80.
- ²¹ См.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. 1967. С. 44.
- ²² Там же. С. 282–283.
- ²³ См.: Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. С. 80.
- ²⁴ Там же. С. 80.
- ²⁵ См.: Абдельсалам Х. Э. А. Функционально-семантическое соотношение беспредложных форм родительного, партитивного и счетного падежей в современном русском литературном языке. Канд. дисс. М., 1984.
- ²⁶ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2. М., 1972. С. 245 и др.; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С. 46–48.
- ²⁷ См.: Еськова Н. А. Сведения о грамматических формах // Орфографический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1983. С. 689.
- ²⁸ Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. 1. Изд. 2. Братислава, 1965. С. 95
- ²⁹ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941. С. 126.
- ³⁰ Земская Е. А. и др. Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983. С. 114.
- ³¹ Там же. С. 116.
- ³² Земская Е. А. и др. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978. С. 244, 247.
- ³³ См. историю вопроса в кн.: Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М., 1979. С. 66–73.

М. Ф. Лукин

О ШИРОКОМ И УЗКОМ ПОНИМАНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГРАММАТИКАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

<...> В этой статье мы рассмотрим некоторые трактовки лексико-грамматических форм имени прилагательного на синхронном срезе современности.

В настоящее время в грамматиках современного русского языка существует узкое и широкое понимание прилагательных.

Узкое понимание – традиционное, отражающее эволюционное развитие учения о прилагательных как атрибутивного признака предмета, выраженного одним из прилагательных качественного, относительного или притяжательного лексико-грамматического разряда.

Качественные прилагательные по характеру проявления признака делятся на две группы: градационные и статические. Первая – прилагательные, обозначающие градационный признак предмета (*светлый, красивый*), т. е. признак подвижный, способный проявляться в большей или меньшей степени. Поэтому градационные прилагательные имеют полную и краткую формы, а также степени сравнения. Прилагательные второй группы называют признак статический (постоянный, абсолютный): *вечный, глухой, кофейный, сыпучий, обледенелый*. Прилагательные этой группы не имеют признаков, характерных прилагательным первой группы, или имеют их частично.

Наиболее полное изложение традиционного учения о прилагательных находим у Н. Ю. Шведовой, А. Б. Шапиро и В. В. Виноградова в «Грамматике русского языка» (1952).

Прилагательные в широком понимании – это слова, не зависящие от своей частеречной принадлежности, но имеющие форму имени прилагательного и называющие признак определяемого предмета (*интересная книга, оловянный солдатик, рыбачий поселок, пятый час, мой карандаш*).

Сторонники широкого понимания прилагательных в их системе выделяют только два разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся те же адъективы, что и прилагательные в узком понимании. Дополнительно включаются неизменяемые слова типа *беж*¹. Своеобразно трактуются и степени сравнения качественных прилагательных, что нами будет рассмотрено особо.

Объем же относительных прилагательных значительно расширяется. В них, кроме традиционных относительных прилагательных, включаются:

- 1) притяжательные прилагательные: *отцов, сестрин, рыбий*²;
- 2) местоимения, имеющие форму адъектива: *мой, наши, твой, этот, такой, всякий, каждый, который, чей, некий, никакой, ничей*³;
- 3) порядковые числительные: *первый, второй, двадцатый, сотый*⁴;
- 4) определенно-количественное числительное *один*⁵.

Таким образом, семантический объем относительных прилагательных в широком понимании необычайно пестр и весьма далек от традиционного понимания относительных прилагательных.

С нашей точки зрения, такое понимание прилагательных, несмотря на широкое толкование, все же узко. Думаем, что научная некорректность заключается в следующем:

1. Необоснованным является включение в разряд качественных прилагательных слов типа *беж* (*бордо, галифе, декольте, люкс, майонез, реглан, трико, цунами, экстра*), трактуемых грамматистами как несклоняемые, или аналитические, прилагательные.

Приступая к рассмотрению прилагательных, И. Г. Милославский еще колеблется, относить или не относить слова типа *беж* к прилагательным: «С точки зрения функционально семантических свойств это – прилагательные: *цвет беж, пальто хаки, платье электрик*. Однако с точки зрения грамматических характеристик это – не прилагательные. Ведь род, число, падеж у *беж, хаки, бордо* или *электрик* отсутствуют»⁶. Как видим, эти лингвистические раздумья И. Г. Милославского не лишены серьезных оснований. Однако длились они недолго. При классификации прилагательных по «набору» грамматических признаков он уже решительно включает их в немногочисленную группу прилагательных, не обладающих словоизменительными категориями, и в дальнейшем рассматривает только как прилагательные, «морфологически не охарактеризованные»⁷. Даже исконно русские прилагательные сориентированы на слова типа *беж* и характеризуются в сравнении с ними⁸. В данном случае И. Г. Милославский вступает в противоречие с самим собой. Ведь «морфология (по его мнению) занимается лишь теми различиями между лексемами и словоформами, которые являются грамматическими»⁹, а поэтому и рассматривает части речи только на основании их грамматических характеристик.

Случаи сочетания неизменяемых существительных с «прилагательными» типа *беж* (*пальто беж*) И. Г. Милославским рассматриваются как прорыв линии флективности русского языка, потому что значение паде-

жа в подобных сочетаниях «нигде формально не выражено»¹⁰. Однако мы в подобного рода сочетаниях не видим прорыва флективности русского языка <...>. Имеется больше оснований согласиться с А. И. Молотковым, что «так называемые «неизменяемые прилагательные» в русском языке правильнее рассматривать не в плане формирования новой грамматической категории языка, а в плане лексических заимствований, как один из способов усвоения русским языком иноязычных слов»¹¹. Да, действительно, эти слова – «иностранцы» в русском языке, грамматическую неприкосновенность которых мы, так сказать, уважаем. Некоторые из этих слов принимают русское грамматическое «подданство»: *беж* – *бежевый*, *бордо* – *бордовый*, *оранж* – *оранжевый*, отказываясь тем самым от агрессивных попыток прорыва флективности грамматического строя русского языка.

Убедительны аргументы В. Н. Немченко, что «так называемые «неизменяемые прилагательные» представляют собой определенную категорию несклоняемых существительных»¹².

По-нашему, доказывать, что слова типа *беж* (*платье беж*) являются словами, формирующими новую грамматическую категорию – неизменяемых прилагательных, – это всерьез доказывать, что в сочетаниях типа *чтение вслух* или *яйца всмятку* наречия *вслух* и *всмятку* также являются несклоняемыми прилагательными и вливаются в группу неизменяемых иноязычных слов типа *беж*.

Итак, неизменяемые слова типа *беж* в категорию прилагательных, полагаем, включать нельзя.

2. Ни А. М. Пешковский, ни В. В. Виноградов, ни В. В. Иванов не включают притяжательные прилагательные в разряд относительных. И не без оснований: хотя притяжательные прилагательные и определяют один предмет через посредство другого, однако они имеют свою и лексическую, и деривационную специфику.

В семантическом аспекте они выполняют функцию указания на принадлежность: «Притяжательные прилагательные на *-ов*, *-ин* застывают на стадии указательных слов, обозначающих единичного владельца»¹³, а притяжательные прилагательные на *-ий*, *-ья*, *-ье* (*козий*, *лисий*) – родовой принадлежности. Словообразовательная специфика притяжательных прилагательных состоит в том, что они образуются от одушевленных существительных. Поэтому как окказиональная деривация воспринимается их словообразование от неодушевленных существительных, например у В. В. Маяковского: *чахоткины плевки*, *ребровы дуги*, *автомобильи вопли*. В деривационном и словоизменительном отношении притяжательные прилагательные представляют собой смешанный тип склонения – именной и членный.

Итак, притяжательные прилагательные представляют собой самостоятельный лексико-грамматический разряд в системе прилагательных.

3. В. В. Виноградов отмечал, что «порядковые слова имеют не только все морфологические приметы имени прилагательного, но и все его основные грамматические значения»¹⁴. Поэтому неудивительно, что в большинстве современных грамматик они включаются в систему относительных прилагательных. Однако полагаем, что это – искусственное включение, потому что прилагательные и порядковые числительные имеют разные частеречные объекты: относительные прилагательные называют признак предмета через его отношение к другому предмету (*каменное здание* – *здание* и *камень*, *космический корабль* – *корабль* и *космос*), действию (*спасательный круг* – *круг* и *спасать*) или обстоятельству (*всегдашний посетитель* – *посетитель* и *всегда*), а порядковые числительные своим объектом имеют порядковую счетную систему и каждый компонент этой системы¹⁵, выражение такого признака, который прилагательным вообще не свойствен. Особенно наглядно это можно представить в сочетаниях типа *тридцать первый*, *сто двадцать второй*, *тысяча девятьсот пятнадцатый*, т. е. в составных числительных, которые прилагательными никак назвать нельзя. Правда, относительные прилагательные также могут называть признак предмета через его отношение к числу (*одиночное* фигурное катание, *пятилетняя* девочка, *двойная* доза), но это исключительно деривационное отношение только к отдельным числам, а не к счетной порядковой системе русского языка. Таким образом, прилагательные и порядковые числительные – разные части речи, а их грамматические признаки, о которых говорил В. В. Виноградов, омонимичны.

4. Нумератив *один* нельзя исключить из состава числительных и отнести к прилагательным. Объект числительных как части речи – счетная система абстрактных чисел и каждый компонент этой системы. И если мы *один* отнесем к прилагательным, то наша счетная система останется без своей начальной единицы, начнется сразу с *двух*. Кстати, «Русская грамматика» полагает, что первоначальной единицей счета наряду со словом *один* может быть употреблено и слово *раз*¹⁶. Но ведь это слово полностью не заменяет числительного *один*. Нельзя, например, сказать: «Я купил себе две книги и *раз* карандаш». Таким образом, если счетная система может обойтись без слова *раз*, то без слова *один* для выражения количества она никак не обойдется.

5. Местоименные слова, имеющие форму адъектива, также не следует включать в систему прилагательных. Вот по каким соображениям. Местоимения в современном русском языке – самостоятельная часть ре-

чи. В древнерусском языке, как отмечает В. В. Иванов, «в пределах имени были противопоставлены существительное и прилагательное, однако это противопоставление было менее отчетливым, чем в современном языке», а «в пределах имени ... выделялось и местоимение»¹⁷. Следовательно, находясь в пределах синкретичного имени, местоимения еще не были самостоятельной частью речи. Их функция в пределах имени заключалась в том, чтобы наши далекие предки могли избежать повторения только что названных предметов, их признаков или количеств и тем самым более сжато, лаконично излагать свои мысли. Этому способствовала дейктическая (указательная, отсылочная) функция местоимений, которую, пожалуй, можно признать первичной. На основе указательности развивается местоименность вообще (от конкретного к высшей степени абстрактности).

Совершенствование грамматического строя в процессе исторического развития языка привело к распаду синкретичного имени на четыре части речи – существительные, прилагательные, числительные и местоимения (на основе выделения их специфических частеречных объектов). Поэтому в современном русском языке местоимения – самый богатый на частеречные объекты класс слов: в противоположность другим частям речи они имеют не один, а три или даже четыре частеречных объекта (указание на предметность существительных, признак прилагательных, количественность числительных, отсылочность определенной группы наречий). Вот это и дает основание лингвистам в настоящее время разносить местоимения по разным частям речи.

У местоимений нет постоянного номинативного значения, но номинативным значением они все же обладают: им присуще ситуационное номинативное значение, т. е. постоянно изменяющееся в зависимости от взаимоотношений любых предметов, их качеств или количеств, – и причем в высшей степени обобщенное, абстрактное. Именно по этой специфике мы легко отличаем местоимения от слов других частей речи. Именно эта специфика и не позволяет включить их ни в систему существительных, ни в систему прилагательных, имеющих постоянную частеречную номинацию.

Рассмотрим теперь степени сравнения прилагательных в традиционном и новом понимании. По поводу форм степеней сравнения прилагательных в лингвистической литературе высказываются противоречивые суждения: одни лингвисты (представители традиционного направления) утверждают, что формы степеней существуют, другие (представители широкого направления) что-то в степенях сравнения отрицают, что-то признают.

Основой для решения этого вопроса может послужить понимание признака предмета, выражаемого прилагательным, как градационного.

Рассмотрим несколько подробнее.

Градация (от лат. *gradatio* – ‘ступенчатое возвышение’) – ступенчатая степень проявления признака предмета, выражаемого грамматическими формами одной и той же лексемы прилагательного.

Наблюдаются три степени градации признака: нейтральная (или положительная), сравнительная и превосходная. Сравнительная и превосходная степени имеют две формы – синтетическую и аналитическую (простую и сложную): *храбрый – храбрее, храбрейший, более (менее) храбрый, самый храбрый*.

Степень проявления признака прилагательного прежде всего зависит от количества сравниваемых предметов. Если говорится о признаке одного предмета, но безотносительно к другим предметам, носителям того же признака, то обычно имеется в виду положительная степень сравнения, или нейтральная градация признака: *интересная книга, умный собеседник*. Если сравниваются два однородных предмета по степени проявления в них одного и того же признака или сравнивается признак в одном и том же предмете, но в разные промежутки времени его проявления, то имеют в виду сравнительную степень: *Первая книга интереснее второй* (или *более интересная книга*). *Теперь брат стал умнее* (или *более умным*). Превосходной считается степень, если сравнивается степень проявления признака в трех и более однородных предметах и отмечается, что общий их признак в одном из них проявляется или содержится в большей степени, чем во всех остальных, или этот признак проявляется в нем самом безотносительно к этому же качеству в других предметах. В первом случае превосходная степень имеет значение суперлатива (от лат. *superlativus* – ‘превосходный’): *Это интереснейшая (самая интересная) книга из всех прочитанных мной за последнее время, Талантливейший (самый талантливый) из писателей своего времени*; во втором – элятива (от лат. *elativus* ‘превозвышающий’): *активнейшее участие, милейший человек, полнейший невежда*.

В относительных и притяжательных прилагательных невозможно количественное изменение признака предмета. Поэтому в них и не обнаруживается, точнее – отсутствует градационный признак.

Полагаем, что предложенное понимание степеней сравнения как градационное изменение признака несколько не противоречит их традиционной трактовке, а лишь уточняет ее.

С точки зрения градационного изменения признака и рассмотрим интерпретацию степеней сравнения в «Русской грамматике» и в моно-

графии И. Г. Милославского «Морфологические категории современного русского языка».

1. «Русская грамматика» отмечает только две степени – положительную и сравнительную в синтетической форме¹⁸. Отрицаются аналитические формы сравнительной степени, потому что *более, менее* «сохраняют свое лексическое значение» и это препятствует «превращению сочетаний *более грустный, менее веселый* в аналитические формы сравнит. степени»¹⁹. Получается, что для образования аналитической формы нужно лексическое обесцвечивание слов или каких-либо ее компонентов. Практика, однако, показывает, что сохранение словом своего лексического значения нисколько не препятствует включению его в аналитическую форму. Вспомним, например, аналитические падежи (*говорить о площади, пойти в кино*) или сложные формы будущего времени (*стану рассказывать, будем бороться*). К тому же согласно «Словарю русского языка» слова *более* и *менее* не однозначны и могут быть компонентом сравнительной степени аналитической формы²⁰.

Для отрицания превосходной степени прилагательных никакой убедительной аргументации «Русской грамматикой» не приводится, кроме замечания, что они (и синтетической, и аналитической форм) имеют «значение большой степени проявления признака», что «не выражают особого морфологического значения и представляют собою словообразовательные типы»²¹. Мы же считаем, что они выражают «особое морфологическое значение»: проявление не просто большой, а высшей степени признака предмета, что находит свое формальное выражение в суффиксах прилагательного *-ейш-/-айш-* или присоединении слова *самый* к положительной степени. Доказательства же того, что прилагательные превосходной степени не представляют собой словообразовательных типов, мы приведем ниже.

О градационном признаке (точнее – значении) говорит и «Русская грамматика», но понимает его как проявление слабой или высокой степени качества прилагательного (§ 788), как усиление или ослабление признака по наклонной прямой, вне сравнения с качеством других однородных предметов (*беловатый, моложавый, сильнейший, сверхдалний, ультрамодный*). Но градация ведь это не наклонная прямая, а «ступенчатое возвышение», образно говоря, ступени, по которым мы восходим на гору или спускаемся с нее, но также по ступеням. Поэтому в грамматике наблюдаются два вида градации – восходящая и нисходящая. Градационное же значение признака «Русской грамматикой» не отмечено такими градиентами (ступенями), а они существуют в самой лексико-грамматической системе прилагательных.

И. Г. Милославский констатирует наличие сравнительной и превосходной степеней синтетической и аналитической форм, отмечая, что словоформы типа *добрейший* «являются в системе частей речи стопроцентными прилагательными»²². Он, как и «Русская грамматика», считает эти формы предметом словообразования. Пока заметим, что если бы И. Г. Милославский был последовательным, то формы типа *добрейший* он не должен был признавать стопроцентными прилагательными: ведь они не имеют краткой формы.

2. И. Г. Милославский считает «Словоформы типа *добрее* не обладают морфологическими категориями прилагательных. По своим синтаксическим свойствам они приближаются к наречиям, будучи признаком признака»²³.

Известно, что носителями морфологических категорий имени (рода, числа, падежа) или глагола (лица, числа) являются их флексии, даже нулевые *рук-а* (флексия *-а* выражает род, падеж, число), *красив-ый, -ая, -ое, -ые; красив, -а, -ы* и т. д. Суффикс обычно не может выражать этих категорий. В формах прилагательного сравнительной степени *-ее (-ей), -е, -ше* – суффиксы. Так что отсутствие в синтетической форме сравнительной степени морфологических категорий – вполне нормальное явление. Да и нет необходимости в их выражении: форма *красивее* может характеризовать лицо и мужского и женского пола, а также существительные среднего рода – независимо от числа. Но если появляется необходимость дифференцированного выражения морфологических категорий рода, числа или падежа, то тогда используется аналитическая форма сравнительной степени *более (менее) красивый, -ая, -ое, -ые, -ого, -ему* и т. д. Таким образом, формы сравнительной степени прилагательного чрезвычайно гибки в выражении качественного признака предмета. Выражаем сомнение в том, что сравнительная степень является «признаком признака». Больше оснований полагать, что она – непосредственный выразитель признака предмета: «Под ним **струя светлей** лазури, над ним луч солнца золотой» (М. Ю. Лермонтов), «**Жарче** роз **благоуханье**, **звонче** **голос** стрекозы» (Ф. И. Тютчев).

3. И. Г. Милославский полагает, что между словоформами *добрый – добрее – добрейший* – словообразовательные отношения, а поскольку это так, то они «принадлежат к разным лексемам»²⁴. Однако, как убедительно свидетельствуют исследования, это совсем не так: превосходная степень синтетической формы первоначально была полной формой сравнительной степени: *сильнейший* (полная форма сравнительной степени) – *сильнее* (краткая), а затем в истории русского языка полная форма получила значение превосходной степени²⁵. Таким образом, степени сравне-

ния традиционно рассматривались как формы одной и той же лексемы имени прилагательного. Словоформами одной лексемы остались они, несмотря на сложный путь своего развития, и в современном русском языке. Правда, как отмечает энциклопедия «Русский язык», существуют два понимания лексемы – широкое и узкое. Широкое понимание рекомендуется В. В. Виноградовым для того чтобы отразить различие между словом как системой грамматических форм или его отдельной словоформой и словом как совокупностью реализующих его лексико-семантических вариантов. О более узком понимании читаем: «В значениях словоформ лексема выражает то, что остается неизменным при всех грамматических видоизменениях, и отражает идею тождества слова самому себе», т. е. то, что выражает «значение основы полнозначного слова»²⁶. По существу, ни широкое, ни узкое понимание лексемы не дает никаких оснований рассматривать словоформы типа *добрый – добрее – добрейший* как разные лексемы. Это словоформы одной и той же лексемы, но только обозначающие различные градации одного и того же признака. Нельзя не согласиться с В. В. Виноградовым, что «формы сравнительной степени (мы бы добавили и превосходной – *М. Л.*) чаще всего сохраняют в чистом виде свой прилагательный и наречный ... облик», что «они грамматически неотделимы от полных имен прилагательных и наречий»²⁷. Следовательно, в формах типа *добрый – добрее – добрейший* отношения не словообразования, а формообразования.

4. У И. Г. Милославского нет твердого мнения относительно статуса сравнительной степени прилагательного. В учебнике «Современный русский язык» он полагает, что сравнительная степень «представляет собой разряд с особым словообразовательным значением внутри наречий»²⁸, а в «Морфологических категориях» – что «относятся к неизменяемым знаменательным частям речи, отличаясь от “классических” наречий лишь “обычностью” своей атрибутивной синтаксической функции»²⁹.

Вторая точка зрения не является новой: в лингвистической литературе встречается мнение, что синтетическая форма сравнительной степени прилагательного в совокупности с этой же формой качественного наречия представляет собой самостоятельную часть речи – **компаратив**.

Мы полагаем, что сравнительная степень прилагательных не относится ни к какому-либо разряду наречий, ни к самостоятельным частям речи, хотя бы и неизменяемым. Ведь для того чтобы считать какую-либо группу слов самостоятельной частью речи, нужно, чтобы она имела свой частеречный объект, не совпадающий с частеречным объектом другой части речи. Но сравнительная степень прилагательного (да и наречия) не имеет своего специфического частеречного объекта. Ее частеречное зна-

чение совпадает с частеречным значением положительной степени прилагательного – быть атрибутивным признаком предмета, но одним из его градационных признаков. Следовательно, сравнительная степень – градиента, одна из форм имени прилагательного.

Итак, широкое понимание прилагательных на самом деле представляет собой их узкое, т. е. ограниченное, понимание, потому что при рассмотрении прилагательных наблюдается ориентация главным образом на специфику их формы, а частеречная семантика слов, которые из других лексико-грамматических классов произвольно включаются в состав имени прилагательного, и особенности их исторического развития не учитываются. Таким образом, широкое понимание прилагательных не оправдано их историческим развитием, а объясняется преимущественно сугубой морфологизацией.

Для сторонников широкого понимания прилагательных характерен во многих случаях отказ от научной преемственности, от научных достижений традиционного учения о прилагательных. Пренебрежение же принципом историзма приводит к искажению языковых реалий. А отсюда некоторая искусственность и надуманность, даже субъективизм в теоретических рассуждениях о прилагательных.

Традиционное (узкое) же понимание прилагательных является закономерным развитием учения о прилагательных русского языка, и дальнейшие исследования в области прилагательных должны быть направлены на изучение взаимосвязи содержания и формы прилагательных, их взаимодействие не только между собой, но и с другими частями речи в процессе исторического развития.

¹ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1 С. 556; Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 447.

² См.: Русская грамматика. С. 543; Современный русский язык. С. 449.

³ См.: Русская грамматика. С. 543–544; Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 138–140.

⁴ См.: Русская грамматика. С. 541; Современный русский язык. С. 448; Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 192.

⁵ См.: Русская грамматика. С. 542; Современный русский язык. С. 297; Виноградов В. В. Указ. соч. С. 124.

⁶ Милославский И. Г. Указ. соч. С. 106.

⁷ См.: Современный русский язык. С. 443.

⁸ См.: Милославский И. Г. Указ. соч. С. 109, 110.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 116.

-
- ¹¹ Молотков А. И. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? // *Вопр. языкознания*. 1960. № 6. С. 73.
- ¹² Немченко В. Н. О разграничении частей речи в современном русском языке. Горький, 1975. С. 66–68.
- ¹³ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 165.
- ¹⁴ Там же. С. 192.
- ¹⁵ Подробнее о частеречном объекте числительных см.: Лукин М. Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // *Вопр. языкознания*. 1987. № 6. С. 43–51.
- ¹⁶ См.: *Русская грамматика*. С. 574.
- ¹⁷ Иванов В. В. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1983. С. 253.
- ¹⁸ См.: *Русская грамматика*. С. 547.
- ¹⁹ Там же. С. 562.
- ²⁰ См.: *Словарь русского языка*. В 4 т. М., 1957–1961.
- ²¹ *Русская грамматика*. С. 547.
- ²² Милославский И. Г. Указ. соч. С. 119.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См., например: Иванов В. В. Указ. соч. С. 318.
- ²⁶ *Русский язык* // *Энциклопедия* / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979. С. 123.
- ²⁷ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 212.
- ²⁸ *Современный русский язык*. С. 291.
- ²⁹ Милославский И. Г. Указ. соч. С. 119.

М. Ф. Лукин

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О частеречном объекте числительных. В морфологии современного русского языка весьма существенным является вопрос о частях речи. Но что такое части речи, какова их лексико-грамматическая природа, у лингвистов нет единого мнения: ими предлагаются различные принципы частеречной классификации. По этой же причине у нас до сих пор нет какой-либо одной общепринятой классификации слов на морфологическом уровне.

В грамматиках в основном правильно определяется грамматический объект каждой части речи. Исключение составляют числительные. Отечественные грамматики (прошлого и настоящего времени) традиционно

трактуют их как слова, обозначающие преимущественно количество (или число) предметов: «Между прилагательными особо примечаются имена *числительные*, то есть число вещей показывающие ...»¹; «**Имя числительное** – это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно)»²; «К числительным как части речи относятся такие лексемы, которые имеют значение количества»³; «Значение имени числительного как части речи – точное обозначение количества предметов...»⁴.

Серьезным недочетом в понимании частей речи в последнее время, на наш взгляд, является их грубая морфологизация, т. е. «объединение морфологических форм слов на основе общности их словоизменительных морфологических значений, а также тех формальных средств, с помощью которых эти значения выражаются»⁵, не учитывающая возможность частеречной омонимии. В сфере числительных, например, это привело к тому, что: 1) числительное *один* квалифицируется как прилагательное, а *тысяча, миллион, миллиард* – как существительные⁶; 2) порядковые числительные исключаются из системы числительных и рассматриваются как порядковые⁷ или количественные прилагательные⁸, а собирательные числительные из количественных числительных выделяются в самостоятельный разряд⁹; 3) дробные числительные лишаются права даже называться числительными, потому что «эти феномены представляют собою такое сочетание количественного числительного с порядковым прилагательным, в котором опущено подразумеваемое существительное **часть**»¹⁰.

Такая трактовка числительных, по нашему мнению, неверна, потому что не учитывает специфики исторического развития данной категории. Назрела настоятельная потребность в ее научном пересмотре.

Для правильного понимания лексико-грамматической природы числительных и специфики их исторического развития прежде всего важно выяснить, что является объектом числительных как части речи, какие явления действительности они называют и каковы средства их выражения. Если бы числительные обозначали только количество лиц или предметов, то к ним следовало бы отнести и так называемые счетные существительные типа *пара, пятерка, сотня* и это нисколько не противоречило бы приводимым определениям. Однако никто этого не делает.

Объект имени числительного как части речи, на наш взгляд, в синхронном плане – это сложившаяся к настоящему времени счетная система (количественная и порядковая) и каждая единица этой системы, в диахронном – история их развития.

Есть различие между словами *количество* и *число*. Количество всегда имеет конкретный характер, а число – абстрактный. Счетная система непосредственно связана с абстрактными числами, а не с количеством. Число, основное математическое понятие, в устной речи воспроизводится в форме слов, в письменной – обозначается специальными знаками (цифрами или буквами). В многовековом опыте поколений сложилось представление об отвлеченном характере чисел, а следовательно, и слов, выражающих эти числа.

В. В. Иванов говорит уже об абстрактных числах как **системе** и связывает ее формирование с развитием абстракции в мышлении человека: «Развитие системы абстрактных чисел свидетельствует о степени развития абстракции в мышлении людей, и поэтому важно учитывать наличие **системы** таких **чисел** ... в том или ином языке»¹¹. Эта система чисел – **счетная система**.

Современная русская счетная система основана на десятичной нумерации. В ней все числа от 1 до 9 обозначаются индивидуальными символами 1, 2, 3, ... 9. К ним присоединяется еще знак 0 для обозначения нуля. Каждое число может быть изображено только при помощи этих десяти знаков по принципу позиционного значения, сущность которого в том, что каждый знак может изменять свое значение в зависимости от позиции (места) в числе. Благодаря своей краткости, возможности записи бесконечно большого или, наоборот, бесконечно малого числа, удобству разных математических действий над числами, десятичная система полностью удовлетворяет потребности в счете.

Единицы счетной системы – это числа, выражаемые счетными словами – числительными. Но не все слова, имеющие числовую семантику, могут быть рассмотрены как числительные. К числительным нельзя отнести так называемые счетные существительные, потому что они не представляют собой последовательной счетной системы и, кроме числового значения, имеют еще и другую, дополнительную семантику – значение предметности [ср., например: *тройка*¹ (лошадей) и *тройка*² (оценка)].

Следует отметить такие виды счетной системы: количественную, партитивную (как особый тип количественной) и порядковую.

Общая характеристика количественной счетной системы. Абстрактных чисел бесконечное множество. Расположенные в определенной последовательности (от одного – меньшего числа к другому – следующему, большему), они образуют счетную систему, выражаемую словами: *один, два, три, ... сто, сто один, ... девятьсот девяносто девять, тысяча, ... миллион, ... миллиард, ... триллион, ... квадрильон*.

Натуральных чисел бесконечное множество, но слов для их выражения не так уж много – всего 41. Комбинация же этих слов способна выразить все бесконечное множество чисел.

Как ни одно число не может быть исключено из счетной системы, так и ни одно числительное, выражающее числовую единицу этой системы, тоже не может быть исключено из нее. В самом деле, если *один* исключить из состава числительных и отнести к прилагательным, то наша счетная система, выражаемая числительными, останется без своей начальной единицы, начнется сразу с *двух*. Если слово *тысяча* исключить из состава числительных, то счетная система после *девяти* *ста* *девяти* останется без последующей единицы счета, в системе образуется словесный пробел и т. д. То же самое можно сказать и относительно слов *миллион*, *миллиард* и им подобных.

Собирательные числительные (одна из групп количественных числительных) представляют собой замкнутую, весьма ограниченную счетную систему, образованную от определенно-количественных числительных только первого десятка (за исключением его начальной единицы).

Русская счетная система в математико-лингвистическом аспекте. Структуру современной русской счетной системы количественных числительных (основного разряда имени числительного) в математико-лингвистическом аспекте можно представить следующим образом. Математики выделяют иерархические классы натуральных (целых) чисел: 1) единицы, 2) десятки, 3) сотни, 4) тысячи, 5) миллионы, 6) миллиарды (= биллионы), 7) триллионы, 8) квадрильоны, 9) квинтильоны, 10) секстильоны, 11) септильоны и т. д., каждый в 1000 раз больше предшествующего. Эти классы образуют циклы – более крупные числовые системы. Циклы – это последовательные этапы формирования счетной системы.

Рассмотрим несколько подробнее структуру циклов.

Первый цикл. Он состоит из четырех классов. Первый класс – класс единиц, содержащий числа от 0 и 1 до 9. В математике они называются **узловыми**, т. е. не разложимыми на составные числовые наименования. Числительные первого класса по структуре представляют собой простые однокоренные слова.

Второй класс – от 10 до 19. К *десяти* последовательно прибавляем числа первого класса. *Десять* – простое однокорневое числительное. Остальные – сложные слова. Мы говорим: *один-на-дцать*, *девять-на-дцать*. Здесь *на* отражает древний предметный счет: «положить *один* (какой-то предмет) *на десять* (других предметов)».

Третий класс – круглые десятки от 20 до 90. Числительные, называющие круглые десятки, представляют собой сложные слова: *двадцать*, *тридцать* (за исключением *сорок*). При склонении сложные определенно-количественные числительные, начиная с *пятидесяти*, обнаруживают две флексии: внешнюю и внутреннюю (например, *о восьмистах*). При дальнейшем счете к каждому десятку последовательно прибавляются единицы первого класса, сочетание с которыми образует уже составные числительные: *двадцать один*, ...*девяносто девять*. Прибавление еще одной единицы к 99 вызывает появление нового класса (сотен).

Четвертый класс – класс круглых сотен (от 100 до 900). По морфемному составу это сложные числительные (за исключением *сто*). В сочетании же с числительными первого, второго и третьего классов они рассматриваются как составные. Последовательное прибавление к каждой сотне чисел предшествующих классов вызывает появление новой сотни. Число 999 замыкает первый цикл счетной системы. Прибавление к нему еще одной единицы рождает новое число – 1000 (*тысячу*), первую единицу пятого класса, нового – второго цикла.

Второй цикл. Пятый класс – класс тысяч, образующих новый цикл. Особенность его в том, что счет в нем, как и в первом классе, начинается с единицы, но единицы более высокого иерархического класса – *тысячи*: счет в этом цикле идет уже на тысячи. Последовательно прибавляются счетные единицы первого, второго, третьего, четвертого классов (от 1001 до 999 999). Числительные этого цикла – составные. Числом 999 999 замыкается второй цикл. Прибавление к этому числу еще одной единицы образует новое узловое число (*миллион*), новый класс (миллионов) и новый цикл.

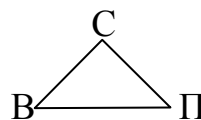
Третий цикл. Шестой класс – класс миллионов. Как цикл он представляет сложную многоступенчатую числовую иерархию. Здесь так же, как и в предыдущих циклах, счет начинается с единиц, но с единиц более высокого класса – с единиц миллионов и последовательно присоединяемых к нему чисел первого и второго циклов – до 999 999 999.

С *миллиарда* начинается новый класс и новый (четвертый) цикл. Такова специфика русской счетной системы, построенная на принципе последовательно расширяющихся чисел.

Как показывает структура счетной системы, специфика второго, третьего и четвертого циклов в том, что каждый из них начинается с узловых чисел первого класса, которые **подвергают счету эти самые начальные единицы высших циклов** (*тысяча*, *миллион*, *миллиард*). Счет обычно начинается с *двух* (*две тысячи*, *два миллиона* и т. д.). Правда, следует заметить, что нормативным считается употребление начальной еди-

ницы высшего цикла не только в эллиптической форме сочетания (т. е. просто *тысяча*, *миллион*, *миллиард*), но и в полной (*одна тысяча*, *один миллион*, *один миллиард*). В полной форме структура первой части таких сочетаний создается по аналогии с моделью **именных словосочетаний**, имеющих числительные первого цикла (*одна туча*, *пятьдесят лимонов*, *сто отрядов*), но только объектом счета в них являются уже не предметы, а, повторяем, **начальные единицы счетных циклов** (*одна тысяча*, *пятьдесят миллионов*, *сто миллиардов*). В этом, оказывается, секрет того, что числительные *тысяча*, *миллион*, *миллиард* лингвистами принимаются за существительные. И это неудивительно: начальные единицы (узловые числа) высших циклов имеют признаки существительного, в то же время не являясь им. Это **ложные существительные, грамматические миражи существительных**, так долго вводившие в заблуждение ученых. И если бы вместо *тысяча*, *миллион*, *миллиард* были бы какие-то другие слова-нумералы, употребленные в значении узловых чисел высших циклов, то и они подверглись бы счету и имели признаки существительных. Такова уж особенность русской системы счисления с ее циклами, такова ее неумолимая логика: в высшем **цикле не только повторяются счетные единицы низших циклов и классов**, но и **подвергаются счету сами начальные единицы этих циклов, сами низшие числовые циклы**. Об этом убедительно свидетельствует и то, что и в древности начальные единицы циклов имели признаки существительных и наши предки подвергали счету начальные единицы циклов своей счетной системы. Это подтверждает этимология современных числительных. Например, у В. В. Иванова: *три десате* > *тридцать*, *дѣвъсьтъѣ* > *двести*, *пять сътъ* > *пятьсот*¹²). Счет числительных в древнерусском языке вообще был обычным явлением. И. И. Срезневский отмечает, что у наших предков «был в ходу счет по девяностам»: *два девяноста*, *съ тремя девяносты*¹³, а иногда и по **девяткам**: *тридевятъ*, от которого образовался фразеологизм «*тридевятое царство*»¹⁴.

И еще одно веское доказательство. Хотя А. А. Реформатский отрицает то, что *тысяча*, *миллион*, *миллиард* являются числительными, в то же время он дает удивительно простой ключ к правильному решению этого вопроса: «В обычном треугольнике слова (слово – вещь – понятие) для числительных отсутствует левый угол. Число не вещь, а понятие»¹⁵. Применим этот треугольник по отношению к словам *тысячница*, *миллионер*, *миллиардер* – треугольник будет заполнен: они существительные, а при рассмотрении слов *тысяча*, *миллион*, *миллиард* левый угол у треугольника будет отсутствовать. И неудивительно: ведь они никакой «вещи», ни-

какого предмета не называют. Их номинативные значения выражают не предметность, а понятие числа, причем конкретного числа счетной системы русского языка. В заключение хочется отметить, что слова *тысяча*, *миллион*, *миллиард* в русском языке появились как числительные, выполняли и сейчас выполняют роль числительных. Правда, «Словарь современного русского языка» указывает, что эти слова могут быть употреблены: 1) в своем обычном значении числительных: *тысяча рублей*; *две-сти тысяч десятин* лесу; состояние, равное *шести миллионам рублей*; в *два миллиарда раз* обильнее; 2) в значении большого количества, множества кого или чего-либо: *тысяча извинений*; *тысячи людей*; *миллион снежинок*, *миллион ужимок*, *миллиарды людей*, *миллиарды звезд*, *миллиарды миллиардов*¹⁶.

Во втором случае, как видим, наблюдается передвижение этих слов из разряда определенно-количественных в разряд неопределенно-количественных числительных. Среди примеров, приводимых в данном словаре, встречаются и случаи употребления этих числительных в значении существительных: *разговаривать с тысячами* (людей), *судьбы миллионов*, *мечтать о миллионах* (большом состоянии, капитале). Одно ясно: первичная их функция – функция числительных, употребление же в значении неопределенно-количественных числительных и в значении существительных – позднейшая трансформация, а не первичное их значение¹⁷.

Партитивная счетная система. Дробь в математике – число, составленное из целого числа долей единицы, качественно однородной, а поэтому и принятой за единицу измерения. Существуют дробные числа – существуют и слова, выражающие их значения. Эти слова – дробные числительные.

Дробные числительные могут последовательно выражать систему партитивных чисел: одна вторая, одна третья, одна четвертая, ...одна тысячная, ...одна миллионная, ... и т. д.; две третьих, две сотых и т. д.; девятьсот девяносто девять миллиардных и т. д. Они оформились на основе эллипсиса существительного **часть** или **доля** в количественном словосочетании и обозначают дробную (не целую) величину, по своей структуре являющуюся составным числительным: в них количество долей (числитель) выражается определенно-количественным числительным, а название частей (знаменатель) – родительным падежом множественного числа порядковых числительных.

Грамматическая специфика дробных числительных охарактеризована Н. М. Шанским и А. Н. Тихоновым¹⁸. В «Русской грамматике» о дробных числительных говорится: «В некоторых классификациях к состав-

ным числительным причисляются так называемые дробные числительные типа *две пятых* (подразумеваются доли единицы), *семь двадцатых*, *девять тридцать вторых*. Однако такие сочетания не могут быть отнесены к числительным. Они представляют собой имеющие количественное значение сочетания слов (часто союзом *и*), относящихся к разным частям речи»¹⁹.

Из заключительного предложения этого отрывка можно сделать вывод, что в «Русской грамматике» аксиомой считается то, что сочетания слов разных частей речи не могут образовать новой – третьей части речи. Однако это не аксиома, а гипотеза, требующая доказательств. Легче доказывается противоположное: сочетания разных слов (предлога и существительного) *в обхват, на дом, на ходу, с налету* рассматриваются в «Русской грамматике» (и вполне справедливо!) как наречия²⁰, а сочетания служебных слов с существительными или деепричастиями *без сопровождения, в течение, по направлению, по поводу, несмотря на, исходя из* – как предлоги²¹.

Из приводимых примеров можно сделать вывод: сочетания слов разных частей речи могут образовать новую часть речи (конечно, одну из тех, которые уже имеются в частеречной системе русского языка). К тому же дробные числительные – сочетание не разных частей речи, а двух разрядов одной и той же части речи – количественных и порядковых числительных.

Порядковая счетная система. Числа, кроме указания на количество предметов, выполняют еще и функцию порядкового счета – счетного порядка следования однородных предметов: *первый, второй, третий, ... сотый, ... тысячный, ... миллионный*.

Порядковые числа выражаются счетными словами, называемыми **порядковыми числительными**. По морфологическим и синтаксическим признакам порядковые числительные очень сходны с прилагательными. Это и послужило основанием включать их в разряд относительных прилагательных и рассматривать как порядковые прилагательные.

Однако порядковые слова все же следует отнести к системе числительных, а не прилагательных, и вот почему.

1. Относительные прилагательные и порядковые числительные объединены в одну часть речи искусственно: они имеют разные объекты отражения действительности. Признак предмета, выраженный относительными прилагательными, раскрывается через его отношение к предмету (*кожаный портфель*), действие (*спасательная лодка*) или обстоятельству (*вчерашние новости*). А порядковые числительные своим объектом име-

ют только порядковый счет, только порядковую счетную систему, т. е. такой признак, который прилагательным несвойственен.

Правда, относительные прилагательные могут указывать и на отношение к числу: *двадцатиградусный мороз* (*мороз* и *двадцать градусов*), *пятнадцатилетний возраст* (*возраст* и *пятнадцать лет*). Но это **сложные** относительные прилагательные. Они указывают на количественный признак, а не на порядковый счет: мороз на сколько градусов? на двадцать и т. п. А порядковые числительные, употребленные в значении прилагательных, приобретают качественную семантику, переставая при этом обозначать порядковый счет. Ср., например: *десятитысячный трактор*, выпущенный заводом, и *десятитысячный город* (в значении 'имеющий десять тысяч жителей'). Способ их различения – постановка вопроса: «который?» – для порядковых числительных и «какой?» – для относительных прилагательных.

2. Порядковые числительные образуются от определенно-количественных числительных и поэтому между ними наблюдается такая семантическая и словообразовательная связь, которая допускает их взаимное преобразование: *три стола* ↔ *третий стол*, *пять домов* ↔ *пятый дом*.

3. Окончания порядковых числительных *-ый*, *-ой*-, *-ий* омонимичны флексиям прилагательных, а это дает основание порядковые числительные и прилагательные рассматривать как грамматические (частеречные) омонимы. Ср., например: *столовая комната* и *студенческая столовая*; *раненный осколком снаряда боец*; *раненый боец тихо стонал* и *раненый отправлен в госпиталь*. Ведь в подобных однокорневых словоформах их флексии рассматриваются как омонимичные и даже как суффиксы-окончания разных частей речи²². Так почему же разнокорневые слова (порядковые числительные и относительные прилагательные), семантически и деривационно далекие между собой, объединяются в одну часть речи? Серьезного научного ответа на этот вопрос современные грамматики не дают <...>

«В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»²³. Любая из форм движущейся материи может быть охарактеризована в счетном аспекте. Мерой форм движущейся материи (дискретной и предварительно дискретизированной для счета) является число, система чисел, которые выражают различие между их единичностью и точным множеством даже в разноструктурных языках²⁴. В русском языке число, система чисел выражается счетными словами, которые в грамматике называются числительными.

При рассмотрении некоторых основных вопросов лексико-грамматического статуса числительных мы исходили из комплекса критериев выделения частей речи, предложенного «Русской грамматикой»: «Части речи – это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой (тождественной организацией) парадигм; 4) общностью основных синтаксических функций»²⁵. Такое понимание частей речи в целом заслуживает положительной оценки, хотя, следует заметить, нет ни одной части речи, которая строго отвечала бы всем этим требованиям.

Глагол, например, представляет собой соединение весьма разнородных грамматических явлений: прежде всего форм (спрягаемых и неспрягаемых, подразделяющихся на склоняемые и неизменяемые), затем многочисленных категорий – классифицирующих и дифференцирующих (вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род, а если причастие – падеж, полная и краткая форма). Глагол и синтаксически неоднороден: его формы (то одни, то другие) могут выполнять функции всех членов предложения – главных и второстепенных. Однако такая их грамматическая пестрота не явилась препятствием к объединению всех глагольных форм в одну самостоятельную часть речи – глагол, потому что у них имеется три общих постоянных признака: значение действия в широком понимании, переходность–непереходность и категория вида. Поразительна частеречная пестрота и категории наречий, которая, по образному выражению В. В. Виноградова, «исстари являлась свалочным местом для всех так называемых «неизменяемых» слов»²⁶. Поэтому-то «Русской грамматикой» они как часть речи определяются преимущественно по семантическому признаку²⁷.

Числительные по своей деривационной и морфологической пестроте, по многообразию синтаксических функций не представляют частеречного исключения:

1) каждый их лексико-грамматический разряд, каждая их группа выделяется своей словообразовательной спецификой;

2) характерной чертой количественных числительных является полное отсутствие у них категории рода (за исключением *один*, *два*) и числа (за исключением *один*), ведь они выражают абстрактные числа, а при обозначении точного количества предметов сочетаются с существительными разных родов;

3) каждая семантико-derivационная группа количественных числительных имеет свою парадигматику. У нумератива *один* она омонимична парадигматике прилагательных, а у числительных *тысяча*, *миллион*, *миллиард* – падежно-числовым формам существительных;

4) у порядковых числительных материальное выражение категорий рода, числа и падежа **омонимично** материальному выражению этих же категорий у прилагательных.

Но объединяет все числительные общий объект – **счетная система** русского языка, которую они выражают в различных аспектах, и общеименная категория падежа.

В связи с этим возникает необходимость пересмотреть существующую ныне точку зрения, согласно которой числительные – это слова, обозначающие только количество предметов. Числительным, на наш взгляд, следует дать такое определение: «**Числительное** – это именная часть речи, выражающая существующую в современном русском языке количественную и порядковую счетную систему, а также единицы этой системы, имеющие общую парадигматику по семантико-derivационным разрядам и группам».

История русского языка показывает эволюционное развитие счетной системы в течение ряда эпох. Числительные для выражения счетных единиц выделялись из синкретичного древнерусского имени, и поэтому неудивительно, что одни числительные имеют омонимичные формы существительных, другие – прилагательных²⁸. Выделились. Так зачем же теперь снова числительные объединять с ними?!

На основе конкретного количества предметов формируется понятие абстрактного числа, а затем на основе конкретного количества предметов и последовательно расширяющихся абстрактных чисел сформировалась современная счетная система. Таким образом, специфика исторического развития числительных – от названия количества конкретных предметов к абстрактному числу и к выражению абстрактной счетной системы. <...>

¹ «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М., 1981. С. 99.

² Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 573.

³ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 297.

⁴ Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. М. 1982. С. 53.

⁵ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 439.

⁶ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 573; Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопр. грамматики: Сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 387.

-
- ⁷ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 192; Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 573.
- ⁸ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 293.
- ⁹ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 573. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 299.
- ¹⁰ Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 123.
- ¹¹ Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 327.
- ¹² Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 324–327.
- ¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1893. Т. 1. С. 650, 641. Стлб. 650.
- ¹⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1893. Т. 1. С. 650, 641. Стлб. 651.
- ¹⁵ Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопр. грамматики: Сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 388.
- ¹⁶ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. 6. Стлб. 985, 987; т. 15. Стлб. 1199.
- ¹⁷ Лукин М. Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк, 1973. С. 53–54, Лукин М. Ф. Морфология современного русского языка. М., 1973. С. 103.
- ¹⁸ Шанский Л. М., Тихонов Л. Н. Современный русский язык. Ч. II. Словообразование. Морфология. М., 1981. С. 146.
- ¹⁹ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 574.
- ²⁰ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 405–406.
- ²¹ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 707–709.
- ²² Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 158.
- ²³ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 181.
- ²⁴ Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. Киев, 1981.
- ²⁵ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 457.
- ²⁶ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 569.
- ²⁷ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 703.
- ²⁸ Иванов В. В., Потиха З. А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. М., 1986. С. 102.

М. А. Шелякин

РУССКИЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ (ЗНАЧЕНИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, УПОТРЕБЛЕНИЕ)

Специфика местоименных значений и речевые функции местоимений

Под местоимениями принято понимать слова, которые указывают на все то, что имеет отношение к речевой ситуации (непосредственному акту речи). В число компонентов речевой ситуации, связанных с местоимениями, входят говорящий, слушающий (адресат высказывания), место (здесь) и время (сейчас) речи, а также находящиеся или отсутствующие в речевом пространстве предметы, выделяемые по отношению к компонентам речевого акта. Те или иные компоненты речевого акта всегда устанавливаются с ориентацией на говорящего как центр речевой ситуации. Поэтому местоимения указывают на компоненты речевого акта и предметы. С точки зрения позиции говорящего. В этом заключается эгоцентризм местоименных слов, их постоянная соотнесенность с субъектом речи. Местоимения – не «пустые» слова, они обладают определенными значениями, структура которых состоит из элемента указательности и признаков, отражающих «параметры» предметов с точки зрения их соотнесенности с говорящим. Например, местоимение *я* указывает на лицо, выступающее в качестве говорящего, местоимение *ты* – на лицо, являющееся собеседником, местоимение *он* – на лицо или предмет, отсутствующий в данном акте речи, местоимение *это/то* – на предмет, расположенный близко/отдаленно от говорящего, местоимение *такой* – на предмет, качественные признаки которого непосредственно воспринимаются говорящим (ср.: «Я *такого* голоса еще никогда не слышал») и т. д.

Местоимения, в отличие от номинативных слов, не выражают качественной определенности однородных предметов, по которой они различаются и опознаются (ср. топор, стол, стена, пол и т. д.), а выделяют разнородные предметы по признаку соотнесенности с говорящим лицом. Такой способ обозначения предметов называется способом указания – дейксисом, а сами языковые знаки – дейктическими (или дейксисами, индикаторами, шифтерами-букв, «подвижными определителями»). В связи с дейктическим характером местоимений их предметная соотнесенность всегда является конкретной, ситуативной и индивидуальной, экземплярной. Поэтому местоимения обладают референтной емкостью,

что сближает их с грамматическими морфемами, ср. однотипность значений личных местоимений (я, ты, он и др.) и грамматических значений глагольной категории лица (пишу, пишешь, пишет и др.), указательных местоимений (этот, тот) и артиклей. Важно отметить, что местоимения не заимствуют у номинативных слов их значения, не употребляются в их значениях. Во-первых, местоимения могут указать на неизвестный предмет, который для говорящего не имеет словесного обозначения (ср.: «Что это такое?»). Во-вторых, при указании на неизвестный предмет местоимения имеют в виду не его качественные признаки, а только его наличие в поле зрения говорящего (ср.: «Наконец-то он идет!»).

Прикрепленность местоимений к ситуативной предметности речи говорящего определяет их первое функциональное назначение – они служат одним из универсальных средств актуализации речевых высказываний, функциональной организации высказываний о конкретных фактах реальной действительности. Это свойство местоимений Э. Бенвенист характеризует как «инструмент для процесса, которой можно назвать обращением языка в речь», т. е. переводом абстрактной системы языка в сферу актуализированной речи. Ср. «(Лопухин): А я в Харьков уезжаю *сейчас...* вот *этим* поездом. Дела много. А *тут* во дворе оставляю Епихова. Я его нанял. (Варя): Что ж! (Лопухин): В прошлом году об *эту* пору уже снег шел, если припомните, а *теперь* тихо, солнечно. Только что вот холодно... Градуса три мороза» (Чехов).

Дейктические функции местоимений легли в основу их другого функционального назначения – текстообразующего или анафорического (заместительного, «повторительного»). Оно сводится к указаниям на элементы контекста, их следование и связи: местоимения либо предваряют элементы текста, либо их повторяют, выступая тем самым средством развертывания и установления смысловых связей в тексте. Ср.: «Товарищ, верь: взойдет *она*, Звезда пленительного счастья» (Пушкин), «*Брат* не приехал; *он* болен». Местоимения в таких случаях могут заменять в тексте имена предметов, предикатов и целые предложения: ср.: «Иванов *вышел*, и Петров сделал *то же самое*»; «*Я напишу ему письмо*, если *это* нужно» (т. е. «если нужно, чтобы я написал ему письмо»). Таким образом, местоимения служат также и для сокращения текста. Однако не все местоимения выполняют анафорическую функцию, вместе с тем некоторые местоимения специализированы только в анафорической функции.

Элементы контекста, на которые указывают местоимения, называются антецедентом (букв., «предыдущий член», но этот термин стал употребляться и по отношению к элементам контекста, которые следуют

за местоимениями). Антецедент и местоимения могут выражать отношение кореферентности, т. е. обозначать один и тот же предмет: ср.: «Письмо Татьяны передо мною, его я свято берегу...» (Пушкин), где местоимение *его* указывает на предмет, который обозначен «письмо Татьяны». Ср. также: «Каждый ученик знает это» – местоимение *каждый* указывает на все предметы, которые обозначены словом «ученик». Однако в связи с тем, что местоимения указывают всегда на индивидуальный экземпляр (определенный или неопределенный), они могут вносить в отношение кореферентности с неопределенным антецедентом конкретизированный характер, связанный с предикатом: ср. «Каждый хочет, чтобы все его уважали» – означает не «чтобы все уважали каждого, а чтобы все уважали одного из каждого, того, кто этого хочет»; «Мне показалось, что кто-то крадется. Я оглянулся, но он (= не кто-то, а тот, кто крадется) успел отскочить за дерево». Поэтому если антецедент индивидуализирован в тексте, то местоимение полностью замещает его: «Моя собака не любит рыбу, она (собака, а не рыба) предпочитает мясо».

Примечание: Термин «местоимение» не является точным: он учитывает лишь анафорические функции местоимений, в дейктических функциях местоимения употребляются не «вместо имени», а в собственных значениях.

Состав местоименных слов

Состав местоименных слов определяется теми семантическими критериями, которые были раскрыты в предыдущем разделе, т. е. признаками эгоцентричности, указательности, переменной ситуативной или контекстуальной отнесенностью. С этой точки зрения местоимениями являются прежде всего слова с исторически своеобразными местоименными корнями (я, ты, он, вы, себя, наш, ваш, свой, кто, что, какой, сам, тот, этот и др.). Однако данными местоимениями не ограничивается круг всех местоименных слов. Местоимения пополняются за счет перехода в них слов других частей речи, т. е. прономинализации существительных, прилагательных. Таковы, например, прилагательные *данный* (в значении 'этот', 'тот, о котором идет речь'), *последний* (в значении 'этот', 'только что упомянутый'), *следующий* (в значении 'такой', 'другой'), *определенный* (в значении 'какой-то'), *целый* (в значении 'весь') и др.: ср. в данном случае, по следующему вопросу, на определенном этапе, работал целый день; числительное *один* (в значении 'некто', 'какой-то'): ср.: я должен зайти к одному человеку; существительные *человек*, *женщина*, *люди*, *наш брат*, *вещь*, *дело* и др.: ср.: он человек хороший, она женщина умная, ваш брат (студент) теперь не тот, бал вещь хорошая, дело идет к разрядке, по три рубля на брата (т. е. на каждого).

С другой стороны, в русском языке старые местоимения обрastaют значениями номинативных слов: ср.: *мой* – в значении ‘муж’, *сам* – в значении ‘хозяин, глава дома’, *вне себя* – ‘в крайнем волнении’, *бежать во всю* – ‘очень быстро’ и др.

Все это свидетельствует о том, что класс местоимений представляет собой своеобразную в семантическом и функциональном отношении группу слов.

Местоимения как часть речи

Местоимения считаются «спорной» частью речи, так как они не обладают единым категориальным значением и собственными грамматическими категориями, повторяя в этом отношении существительные, прилагательные, числительные и наречия. Указательность как общий признак всех местоименных слов является их лексико-семантической, а не грамматической чертой. Однако формально-грамматически русские местоимения неоднородны. Так, все местоимения-существительные (типа: я, ты, кто, что и др.) отличаются от «подлинных» существительных смешанными типами падежных парадигм и рядом функциональных особенностей их категорий и рода. Поэтому подобные местоимения принято в последнее время выделять в особую часть речи под названием «местоимения-существительные». Иначе обстоит дело с местоимениями-прилагательными (типа: мой, твой, этот и др.), местоимениями-числительными (типа: сколько, столько, оба и др.) и местоимениями-наречиями (типа: здесь, там, куда и др.). Их морфологические и синтаксические характеристики в большей мере совпадают с грамматическими характеристиками полных прилагательных, числительных и наречий, в связи с чем они стали описываться среди соответствующих частей речи в качестве их местоименных разновидностей.

Думается, что выделение только местоимений-существительных в особую часть речи и распределение всех остальных местоимений по другим частям речи вряд ли оправдано. Такое суженное понимание местоимений как отдельной части речи, во-первых, не позволяет понять единство их функциональной роли в грамматической организации речи; во-вторых, не учитывает категориальных значений местоимений-прилагательных: они не столько указывают на признак предмета, как прилагательные, сколько выделяют и индивидуализируют сами предметы с их признаками, т. е. совмещают категориальные признаки существительных и прилагательных (ср.: дайте мне этот карандаш), формальное же совпадение словоформ не всегда служит надежным критерием разграничения частей речи (ср.: субстантивацию прилагательных); в-третьих, не прини-

мает во внимание того факта, что исторически русские полные прилагательные произошли от кратких прилагательных в сочетании с указательными местоимениями, так что можно утверждать, что полные прилагательные морфологически повторяют местоимения; в-четвертых, не учитывает того, что почти в каждом типе местоимений-прилагательных наблюдается какое-то отличие от парадигм прилагательных, хотя бы в одной форме; в-пятых, игнорирует системные связи разных групп местоимений (ср.: я – мой, ты – твой, кто-то – какой-то и т. д.) и общую синтаксическую черту местоимений – они, как правило, не допускают атрибутивных сочетаний с номинативными словами. Что касается местоимений-числительных и местоимений-наречий, то они также отличаются функционально от параллельных частей речи и обладают (местоимения-числительное) своими грамматическими особенностями.

Вместе с тем местоимения как часть речи, видимо, нельзя ставить в равноправное положение с другими частями речи: они являются своеобразной «суперчастью речи», стоящей над всеми другими частями речи и отражающей последние в своих грамматических и функциональных особенностях, в чем заключается их специфический грамматический статус как части речи. Поэтому целесообразно выделить не внутри номинативных частей речи отдельные местоименные разряды, а внутри самих местоимений отдельные разряды, параллельные по синтаксическому употреблению и морфологическим свойствам соответствующим частям речи, т. е. среди самих местоимений выделять местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-наречия.

М. Я. Гловинская

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВИДОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО ГЛАГОЛА

ВОПРОС ОБ ИНВАРИАНТЕ В ЗНАЧЕНИЯХ ВИДОВ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

В качестве единого инвариантного значения совершенного вида предлагались законченность, предельность, результативность, точечность и целостность.

Законченность действия (Ф. Миклошич, В. А. Богородицкий). Под законченностью подразумевается доведение действия до конца (понятие конца представляется нам очень важным, однако в рамках рассматриваемой концепции оно, к сожалению, остается необъясненным) Как известно, именно эта точка зрения получила наибольшее распространение

в школьных учебниках и пособиях по грамматике, хотя она же вызывала более всего полемических замечаний в теоретической литературе¹. По мнению А. М. Пешковского и В. В. Виноградова, под это определение не подходят, например, глаголы со значением начала действия (*засуетиться*, *побежать*, *запеть* и т. п.), а И. П. Мучник считал, что значения законченности в совершенном виде нет у глаголов так называемого «мгновенного действия» – *вздрогнуть*, *очнуться* и т. п.

Действительно, у всех названных глаголов отсутствуют соотносительные формы несовершенного вида со значением процесса, законченность которого могли бы обозначать глаголы совершенного вида. Применительно к таким глаголам понятие законченности теряет смысл.

Существенным для отвода рассматриваемой концепции нам представляется именно факт отсутствия соотносительных форм несовершенного вида у глаголов типа *засуетиться*, *побежать* и т. п., а не само по себе то обстоятельство, что они имеют начинательное значение. В принципе значение начинательности не противоречит ни значению длительности действия, ни значению законченности действия. Так, если у начинательного глагола совершенного вида имеется соотносительный парный глагол несовершенного вида, представляющий начало действия как процесс, т. е. имеющий значение длительности, то соответствующий глагол совершенного вида обозначает конец этого процесса. Это имеет место, например, в парах *зацветать* – *зацвести*, *загораться* – *загореться*, *засыпать* – *заснуть* и т. п., где оба глагола имеют начинательное значение.

Предельность действия (Р. О. Якобсон, В. В. Виноградов, вслед за В. В. Виноградовым эта точка зрения укоренилась в современной русистике – см. работы Н. С. Авиловой, Е. А. Земской, М. В. Панова, А. Н. Тихонова). Понятие предельности более содержательно семантически, чем понятие законченности действия. Вот формулировка предельности, которая нам кажется наиболее удачной: «Наиболее абстрактным значением предела действия является значение внутреннего качественного предела т. е. такой границы или «критической точки», по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться»². Здесь для определения предела используются слова «граница» и «исчерпать себя», которые представляются не менее сложными и поэтому точно в такой же мере нуждаются в истолковании, как и понятие предела. Тем не менее в этом определении есть важные элементы смыслового анализа значения совершенного вида: момент (названный «критической точкой»), когда действие должно прекратиться и прекращается. Этих элементов недостаточно для толкования значения совершенного вида, однако все они являются необходимыми (по крайней мере, для большого класса глаголов).

Хотя рассмотренное определение семантически более содержательно, оно по существу мало чем отличается от первого определения, в соответствии с которым совершенный вид обозначает законченное действие, так как понятия предела и конца воспринимаются как очень близкие (см. в третьей главе определение понятий «конец» и «кончить»).

Ни предел, ни законченность действия не являются универсальным свойством значения совершенного вида. Существуют не только отдельные глаголы, но целые группы глаголов, совершенный вид которых не обозначает действия, доведенного до качественного предела (или до конца). Таков, например, большой класс глаголов, обозначающих изменения свойства или положения в пространстве и включающих в свое толкование смысл 'стать более каким-то'. *возрасти, замедлить(ся), заострить(ся), нарастить (темпы), укрепнуть, ослабеть, охладить(ся), повысить(ся), понизить(ся), побледнеть, пожелтеть, покраснеть разогреть(ся), расширить(ся), сократить(ся), сузить(ся), увеличить(ся), углубить(ся), удалить(ся), удлинить(ся), укоротить(ся), уменьшить(ся), ускорить(ся), утопить(ся)* и т. д.

В отличие от так называемых предельных глаголов, совершенный вид которых в самом деле обозначает действие, которое далее не может продолжаться (*лечь, надеть, сесть, умереть, упасть*, и т. п.), вышеприведенные глаголы обозначают действие, которое может быть продолжено, ср. семантическую неправильность *Он уже надел пальто и продолжает его надевать* и нормальность *Цены уже очень повысились и продолжают повышаться*.

Результативность действия (С. О. Карцевский, И. П. Мучник). В соответствии с этой точкой зрения глагол совершенного вида обозначает действие, достигшее результата.

И. П. Мучник³ писал о близости или даже тождественности понятий результативности и предельности. Между тем это – два различных понятия. Чтобы показать их нетождественность, воспользуемся следующими тройками глаголов (или глагольных выражений), которые были введены в научный обиход авторами модели «Смысл → Текст» в связи с лексическими функциями Perf. и Result.

вставать – встать – стоять

садиться – сесть – сидеть

ложиться – лечь – лежать

падать – упасть – лежать

засыпать – заснуть – спать

заболевать – заболеть – болеть

умирать – умереть – мертв(-ым быть)

воскресать – воскреснуть – жив(-ым быть)

Первый элемент в каждой тройке – глагол несовершенного вида – обозначает процесс (действие), второй элемент – парный глагол совершенного вида – обозначает конечный момент этого процесса (конец, предел), третий элемент – глагол или глагольное выражение – обозначает то состояние, которое возникает в тот момент, когда процесс закончился (т. е. результат). Таким образом, глагол совершенного вида, как двуликий Янус, обращен одновременно и к процессу, конец которого он обозначает, и к состоянию – результату этого процесса, начало которого он обозначает *Заснуть* – это одновременно и 'кончить засыпать' и 'начать спать'.

Условно соотношения между такими глаголами можно представить с помощью следующей схемы:

несов.	сов.	
процесс	конец процесса и начало состояния	состояние (результат)

Видимо, при определении значения совершенного вида в одних случаях акцентировалось первое свойство (называемое законченностью, предельностью), в других – второе (называемое результативностью). В обоих случаях имеется в виду один и тот же момент, но в первом случае он характеризуется с точки зрения того, что ему предшествует, а во втором случае – с точки зрения того, что за ним следует. Очевидно, что, хотя речь идет об одном и том же моменте, понятия предельности и результативности не тождественны друг другу.

В. В. Виноградов считает понятие результата более частным, чем понятие предела. Такое представление трудно согласовать с пониманием предела как момента процесса, которое дает сам В. В. Виноградов⁴: с одной стороны, непонятно, что могло бы быть частным случаем момента процесса; с другой стороны, как мы только что видели, результат – это новое состояние, возникающее в момент, когда процесс заканчивается, и, таким образом, одно никак не может быть частным случаем другого.

Независимо от того, как соотносится понятие результативности с понятием предельности (законченности), результативность не может считаться отличительным значением совершенного вида, так как существуют глаголы несовершенного вида, также имеющие значение достигнутого результата. Это глаголы, обозначающие такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными, безуспешными»⁵: *видеть, слышать, ощущать, чувствовать, лгать* и т. д.

Кроме того, значение достигнутого результата могут выражать формы несовершенного вида с так называемым общефактическим значением (*Я смотрел фильм «Летят журавли». Зимний дворец строил Растрелли и т. п.*).

Точечность, непротяженность действия (А. Бругман, А. Мейе, А. Мазон, А. М. Пешковский). Глагол совершенного вида обозначает «действие, в котором конец сливается с началом».

В этом определении принципиально важным представляется выделение двух моментов в характеристике действия, обозначаемого глаголом совершенного вида, – начала и конца. Однако по существу оно не охватывает всех глаголов совершенного вида, а выделяет только один узкий подкласс глаголов, у которых начало действия может мыслиться как совпадающее с концом, а именно – глаголы так называемого мгновенного действия (*вздрогнуть, мигнуть, взорваться, вспыхнуть, хлопнуть*).

Большинство же глаголов совершенного вида обозначает действие, у которого начало не совпадает с концом. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что основная часть глаголов совершенного вида свободно сочетается с наречиями типа *постепенно, медленно*, указывающими на растянутость действия во времени (*постепенно привык, полюбил, медленно подошел, прочел; мало-помалу высох, понемногу вырос* и т. д.). Особенно наглядно факт несовпадения начала и конца действия обнаруживается в тех случаях, когда глагол образован от адъективной основы и обозначает постепенное приобретение соответствующего свойства *замедлиться, замутиться, расшириться, сузиться, удлиниться, повысить* и др.

А. М. Пешковский обосновывал тезис о «точечности» действий, обозначаемых глаголами совершенного вида фактом их несочетаемости с фазовыми глаголами типа *начинать, продолжать, кончать*. Между тем этот факт сам по себе не свидетельствует о том, что моменты начала и конца действия обязательно совпадают.

Целостность действия⁶ (А. П. Размусен, Ф. де Соссюр, А. Достал, Р. Ружичка, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко).

Это понятие использовалось в разное время в разных смыслах. В том виде, какой ему придал Размусен, понятие целостности включает указание на начало, середину и конец действия. Глагол совершенного вида обозначает «действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец – совокупно)».⁷

Форму *напишу* Размусен представляет как «начал писать, пишу и допишу»⁸ В таком виде понятие целостности является семантически со-

держательным и может послужить основой для объяснения факта несочетаемости глаголов совершенного вида с фазовыми глаголами

Однако, как и в предыдущих случаях, сомнение вызывает его универсальность. В частности, весьма сомнительна применимость этого понятия к непарным начинательным глаголам типа *запеть*, *засуетиться* и пр. Если *зацвести* можно представить как начало, середину и конец зацветания, то *запеть* невозможно представить как начало, середину и конец запевания из-за отсутствия глагола *запевать* с соответствующим лексическим значением в русском языке. *Запеть* не может иметь другого значения кроме как 'начать петь'. Размусен пишет, что в *запеть* «действие начала представляется как одно целое»⁹. Тогда в соответствии с его определением целого действие начала = начало начала + середина начала + конец начала. Определение становится бесконечным, потому что в его правой части вновь появляется слово 'начало', которое по прежнему нуждается в истолковании.

Позднее понятие целостности действия стало использоваться чисто метафорически: «комплексность», «неделимая целостность действия», «непредставимость действия в виде фаз» и пр. (любопытно, что последняя формулировка вообще противоречит определению Размусена). Эти формулировки не содержат никаких элементов смыслового анализа.

В последнее время было предложено считать, что целостность действия – это то свойство глаголов совершенного вида, которое не позволяет им сочетаться с «фазовыми» глаголами типа *начаться*, *продолжаться*, *кончиться*¹⁰. Таким образом, указывается не содержание понятия целостности, а только его сочетаемостное проявление. В этом случае неважно, каким словом назвать данное сочетаемостное ограничение – целостность или как-нибудь иначе. Как мы уже говорили, А. М. Пешковский тот же факт интерпретировал как свидетельство того, что глаголы совершенного вида обладают признаком «точечности». «В нашем толковании мы будем исходить из того замечательного факта, что формы совершенного вида не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса. Эта несочетаемость идеи течения процесса с совершенным видом абсолютно всеобща, т. е. нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который бы мог сочетаться с глаголами *начинаю*, *продолжаю*, *бросаю*, *прекращаю*, *прерываю*, *кончаю* и т. д. Поэтому мы принимаем, что значение категории совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола, причем эту непротяженность приходится понимать не как отрицательный признак, а как положительный, потому что несовершенный вид является только отрицанием этого «отрицательного» признака.

Название *punktuell* («точечный») идеально выражает и значение нашего совершенного вида»¹¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разные определения значения совершенного вида отводятся с помощью одних и тех же фактов. Это вызвано тем, что по существу все авторы анализируют только предельные глаголы и глаголы в предельном употреблении, в которых видовое противопоставление воплощено наиболее ярко. Затем найденный признак распространяется на все глаголы совершенного вида. Естественно, что опровергающие примеры черпаются из оставшихся за бортом неопределенных глаголов или глаголов, не имеющих соотносительных форм другого вида.

Интерпретация значений несовершенного вида

При поиске инвариантного значения совершенного вида аспектологическая традиция обычно ограничивается анализом одного главного значения совершенного вида, которое именуется законченностью, предельностью, результативностью и т. п.

Иначе обстоит дело с несовершенным видом. У него есть не одно а несколько периферийных значений, учитываемых аспектологией: актуально-длительное – главное значение *И – трое мы бредем Лежит пластами пыль* (А. Блок), узувальное *Нынче взятки не берут* (М. Зощенко), настоящее историческое *Он совершенно теряется, несет суицидальный вздор, принимается извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде* (М. Зощенко); «законченное или доведенное до предела», так называемое общефактическое *Где я обрывки этих речей слышал уж как-то порой прошлогодней?* (Б. Пастернак), потенциальное: *Дитя еще едва выговаривало слова, а может быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило* (И. Гончаров)¹².

Описание каждого из этих значений в отдельности не вызывает особых разногласий, что, может быть, свидетельствует об их большей семантической однородности. Даже о тех случаях, когда какое-то значение несовершенного вида формулируется разными авторами несколько по-разному, это различие носит чисто внешний характер, значат же такие формулировки по существу одно и то же, ср. формулировку актуально-длительного значения: 1) продолжительность (продолженность), длительность действия; 2) линейность, протяженность действия; 3) действие в его течении, не стесненное мыслью о пределе процесса в целом.

Сложность возникает при определении инвариантного значения несовершенного вида. Дело в том, что несовершенный вид в своих частных значениях может обозначать как действие «незаконченное, не достигшее

предела» (актуально-длительное), так и действие «законченное», «достигшее предела» (общефактическое, настоящее историческое). Узуальное значение охватывает оба типа действия: *дед читал перед сном всегда одно и то же стихотворение* и *дед читал всегда перед сном Библию*.

Очевидно, что категории несовершенного вида невозможно приписать никакого общего семантического признака в качестве инвариантного значения, что и признается большинством аспектологов: «для всех перечисленных частных значений невозможно найти общую положительную формулировку»¹³.

Поэтому в качестве общей предлагается отрицательная формулировка. У разных авторов она выглядит по-разному. Одни характеризуют несовершенный вид как нейтральный, безразличный по отношению к значению совершенного вида, другие – как выражающий отсутствие специфического значения совершенного вида, третьи – как выражающий отрицание значения совершенного вида. Некоторые идут еще дальше и делают крайний вывод о полном отсутствии аспектуальной семантики у несовершенного вида. Это отсутствие значения и приписывается несовершенному виду в качестве его инварианта¹⁴. С выделением такой семантически совершенно опустошенной видовой граммы никак нельзя согласиться. Эта семантическая пустота не является языковой реальностью: форма глагола несовершенного вида всегда имеет либо одно, либо другое, либо третье значение и никогда не имеет пустого значения, которое приписывается несовершенному виду в целом. Не менее важно и то, что, оперируя этой фиктивной единицей, невозможно построить практические правила употребления видов.

Из сказанного можно сделать вывод, что исходной единицей изучения и описания видовой системы должен быть не совершенный или несовершенный вид в целом, а отдельные значения этих грамм.

Что касается семантических инвариантов, то в этом отношении мы целиком разделяем точку зрения А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой: к поискам инвариантного значения грамматического противопоставления естественно переходить после того, как проведено исследование его вариантов¹⁵. <...>

Отдельные признаки как основа описания соотношения видов

О смысловом соотношении совершенного и несовершенного видов существуют различные, иногда прямо противоположные мнения. Бегло остановимся на них.

1. Оппозиция видов является эквиполентной. Каждый из видов обладает положительным признаком: совершенный вид обозначает результативное, недлительное действие, несовершенный вид – длительное, нерезультативное действие¹⁶.

Очевидно, что такое представление складывается при сравнении одного (главного) значения совершенного вида с одним же (главным) значением несовершенного. Однако, как уже говорилось выше, некоторые глаголы несовершенного вида выражают результативность, как и соответствующие глаголы совершенного вида. Тем самым названное соотношение характеризует не все видовые пары, даже если виды сопоставляются только в своих главных значениях.

Тем более это соотношение не отвечает значению многих пар, если распространять его на всю категорию вида в целом, как это делает автор. В частности, его не имеют пары, в которых глагол несовершенного вида не обозначает длительного, протяженного действия: *приходить*, *приводить*, *приносить*, *приезжать*, *пускать* в значении 'разрешать, заставлять' и т. д. <...>

2. Оппозиция видов является привативной. Положительным признаком обладает только совершенный вид, он является маркированным членом видовой оппозиции, несовершенный вид не обладает никаким самостоятельным признаком и характеризуется только отсутствием положительного признака. Например, совершенный вид обозначает точечность, целостность действия, несовершенный – характеризуется отсутствием указания на точечность, целостность. Это противопоставление устанавливается для видов сразу во всех их значениях, что и приводит к характеристике несовершенного вида как элемента, имеющего пустое, фиктивное значение.

Эту точку зрения разделяет абсолютное большинство аспектологов.

3. Оппозиция видов является привативной. Ее маркированный член – несовершенный вид. Эту точку зрения развивает Г. Галтон, полагая, что совершенный вид выражает нормальное течение событий по времени, а несовершенный вид – искусственную задержку нормального течения событий во времени. Эта точка зрения очень слабо аргументирована¹⁷.

Понятие маркированности – немаркированности для описания смыслового соотношения видов перенесено в грамматику из фонологии. В некоторых случаях его использование в грамматике выглядит совершенно органично, например, в случае описания категории времени. Сначала на основании признака «предшествование – не предшествование моменту речи» категория времени разбивается на два класса: прошедшее время (А) – не прошедшее время (не А). Затем класс «не А» на основании би-

нарного признака «совпадение – несовпадение с моментом речи» делится на два новых класса: настоящее время – будущее время. Вся категория времени разбивается, таким образом, на три равноправных, сопоставимых друг с другом класса¹⁸.

В этом случае характеристика «А» (маркированный член противопоставления) является более определенной, чем характеристика «не А» (немаркированный член противопоставления), так как «А» – *это* один определенный класс, в то время как «не А» неизвестно, какой из остающихся двух классов.

В этом случае понятие маркированности имеет ясный смысл: оно равносильно указанию на принадлежность к определенному классу. Немаркированный член противопоставления не содержит такого указания¹⁹.

Приведем другой пример удачного применения понятия маркированности/немаркированности для описания значащих единиц языка. Речь идет о противопоставлении суффиксов мужского и женского рода со значением лица (в таких парах слов, как *учитель – учительница, музыкант – музыкантиша* и т. д.)²⁰. Один член противопоставления (маркированный) описывается как выражающий свойство А (признак пола), другой (немаркированный) – как не выражающий свойства А. В слове *учительница* признак пола выражен (маркированный член), а в слове *учитель* – нет (немаркированный член). Поэтому *учитель* может употребляться для обозначения обоих полов.

В обоих приведенных примерах члены оппозиции имеют общую смысловую часть. В первом случае – 'отношение к моменту речи', во втором – 'значение лица, деятеля'. Наличие общей части у членов оппозиции является необходимым условием привативной оппозиции и тем самым необходимым условием применения понятия маркированности – немаркированности.

Вернемся к оппозиции видов в ее наиболее распространенной трактовке.

Непонятно, какая общая смысловая часть может выделяться у двух единиц – граммом совершенного и несовершенного видов – в том случае, если граммема совершенного вида обладает неким положительным видовым значением, а граммема несовершенного вида обладает полным отсутствием всякого видового значения. Поэтому мы считаем, что понятия маркированности – немаркированности не могут быть применены в данном случае из-за отсутствия основы сравнения – общей смысловой части сравниваемых граммем.

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935. С. 97, Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1977.

С. 493; Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 98–101.

² Грамматика современного литературного языка. М., 1970. С. 337.

³ Мучник. И. П. Указ. соч. С. 97, 104.

⁴ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 407–498.

⁵ Маслов Ю. Г. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. 1948, Сер. лит. и яз. VII. Вып. 4. С. 314.

⁶ О возникновении и развитии этого определения см., например Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 309–312.

⁷ Размусен Л. Л. О глагольных временах и об отношении их к вилам в русском, немецком и французском языках – ЖМНП, 1891, июнь. С. 379.

⁸ Там же. С. 388.

⁹ Там же. С. 382

¹⁰ Маслов Ю. С. Глагольный вид... С. 221–222, Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. С. 12.

¹¹ Пешковский А. М. Указ. соч. С. 98–99.

¹² См. Forsyth Y. A. Grammar of Aspect. Cambridge, 1970. P. 3–6, где значения не-совершенного вида упорядочены иначе, главным считается не актуально длительное (или процессное), а общефактическое и так называемое двунаправленное, см. об этом ниже.

¹³ Маслов Ю. С. Глагольный вид... С. 308.

¹⁴ См. подробнее об этом в работах М. А. Шелякина и Ю. С. Маслова; Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975; Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. Там же.

¹⁵ Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып 4.

¹⁶ Мучник И. П. Указ. соч. С. 102–105.

¹⁷ Более подробное описание этого подхода, а также справедливые критические возражения против него см. Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. С. 44.

¹⁸ См.: Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II. Братислава, 1965. С. 426.

¹⁹ Ср. замечание А. А. Барентсена о соотношении маркированного – немаркированного членов морфологической оппозиции (Барентсен А. А. К описанию семантики категорий 'вид' и 'время'. На материале современного русского литературного языка // *Tijdschrift voor Slavische taal en Letterkunde*. 1973. № 2. 87)

²⁰ Панов М. В. Словообразование // Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 24–25.

А. В. Бондарко

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

I

<...> 1. Соотношение морфологической и синтаксической оппозиции «актив – пассив». Данное противопоставление имеет двойственную природу. С одной стороны, оно выделяется в грамматической системе языка на основе факта семантической и формальной противопоставленности соответствующих конструкций. Перед нами уровень предложения, оппозиция актива и пассива выступает как синтаксическая категория. С другой стороны, активные и пассивные конструкции опираются на определенные морфологические средства глагола, отчасти достаточные, отчасти недостаточные для характеристики словоформы с точки зрения залога; имеются ряды глагольных форм (форм одного и того же слова и форм разных слов), противопоставленные друг другу по семантическим признакам залога. Перед нами уровень слова, залог как МК.

Морфологическая характеристика залога в русском и других славянских языках заключается в том, что одни морфологические образования могут выступать лишь в активе, другие – лишь в пассиве, а третьи – как в активе, так и в пассиве. Морфологическое ядро актива представляют невозвратные глаголы, в том числе причастия (*встречать, гулять, встречающий, гуляющий* и т. п.) Морфологическое ядро пассива представляют формы страдательных причастий (*встречен, встреченный, встречаемый*, подчеркнем, что речь идет о подлинных причастиях, не подвергшихся адъективации). Принадлежность этих образований к тому или иному залогу может быть определена чисто морфологически, в отвлечении от конкретного лексического наполнения, от синтаксической конструкции. Так, если мы знаем лишь то, что налицо невозвратный глагол (в любой форме, кроме формы страдательного причастия), то мы уже знаем, что возможна лишь активная конструкция. Что же касается возвратных глаголов, то их морфологическая характеристика (слабая, недостаточная) сводится лишь к принципиальной способности служить как активу, так и пассиву (ср.: *Они часто встречались* и *Такие выступления встречались одобрительно*) Реализация этой способности зависит от многих факторов, в частности, от лексического и словообразовательного значения данного глагола, от глагольного вида.

Соотношение синтаксической и морфологической сторон залога осложняется тем, что двучленная оппозиция активных и пассивных конст-

рукций опирается на трехчленную систему морфологических залоговых образований:

Активные конструкции		Пассивные конструкции	
Невозвратные глаголы (в том числе причастия)	Возвратные глаголы (в том числе причастия)	Страдательные причастия	

Основной, доминирующей стороной рассматриваемого противопоставления является сторона синтаксическая: морфологические образования находятся на службе синтаксических конструкций – активной и пассивной; само двучленное противопоставление «актив – пассив» обусловлено не морфологической системой (она трехчленна), а противоположением синтаксических конструкций. По этой доминирующей стороне данная оппозиция в целом может быть определена как синтаксическая категория. Однако это не исключает возможности выделения морфологического аспекта залога. Если подходить к данному вопросу со стороны глагола, системы присущих ему форм и категорий, то с этой точки зрения мы вправе говорить о залоге как о морфологической категории.

2. Залог глагола как морфологическая категория непоследовательно-коррелятивного типа. Место залога среди других морфологических категорий. Как уже говорилось выше, мы выделяем три типа МК по признаку коррелятивности форм в пределах одного и того же слова: 1) МК, которые последовательно представлены корреляциями форм одного и того же слова, – последовательно-коррелятивные категории (в русском языке таковы наклонение, время, лицо, род, число глагола, падеж существительных, род, число, падеж прилагательных); 2) МК, которые могут быть представлены корреляциями форм одного слова, но вместе с тем выступают и в виде противопоставленных друг другу форм разных слов, – непоследовательно-коррелятивные категории (именно к этому типу мы относим залог глагола; сюда относятся также глагольный вид, число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий), для данного типа МК характерно широкое распространение несоотнесительных образований (ср. глаголы, выступающие лишь в активе, глаголы только совершенного или только несовершенного вида, существительные, выступающие только в ед. или только во мн. числе, несоотнесительные формы положительной степени прилагательных и наречий), парадигма таких категорий обнаруживает высокую степень зависимости от лексики; 3) МК, которые не могут быть представлены формами одного слова, т. е. всегда представлены формами разных слов, – некоррелятивные категории (таковы категории рода существительных и лица местоимений).

В области залога, так же как и в области вида, представлены два типа соотношений членов категории: 1) относительно регулярный тип, в рамках которого мы имеем дело с формами одного и того же слова (ср. видовые пары типа *заккрыть* – *заккрывать*, являющиеся результатом имперфективации, и залоговые пары типа *заккрыл* – *был заккрыт*, *заккрывающий* – *заккрываемый*, представляющие собой результат причастной пассивизации); 2) нерегулярный тип, в рамках которого есть основания говорить о соотносительных формах разных слов (ср. видовые пары типа *строить* – *построить*, являющиеся результатом перфективации, и залоговые пары типа *разгрызть* – *разгрызаться*, являющиеся результатом возвратной пассивизации).

Относительная грамматическая регулярность залоговых соотношений 1-го типа (при причастной пассивизации) заключается в следующем: если от невозвратных финитных и причастных форм образуются формы страдательных причастий (подлинные причастия, не подвергшиеся адъективации), то данное противопоставление всегда проходит внутри одного слова и внутри одного и того же лексического значения в слове. Это и дает основание (как и по отношению к видовым парам в области имперфективации) говорить в данном случае о формах одного и того же слова. По крайней мере в рамках одного вида в случаях типа *написал*, *написавший* – *написан*, *написанный*, *требует*, *требующий* – *требуемый* оппозиция «актив – пассив» регулярно проходит в рамках одного слова, одного и того же лексического значения.

Отсутствие грамматической регулярности соотношений 2-го типа (при возвратной пассивизации) очевидно. Мы не можем сказать, что присоединение постфикса *-ся* к невозвратному образованию всегда дает противопоставление актива и пассива. В одних случаях такое противопоставление возникает (*рассматривать* – *рассматриваться* и т. п.), а в других – нет (*сердить* – *сердиться* и т. п.); нередко оппозиция актива и пассива образуется лишь в части значений многозначных глаголов, причем в целом лексическая адекватность возвратного и невозвратного образований отсутствует (ср. *ударять* и *ударяться*, *вращать* и *вращаться*). Это дает основания (как и по отношению к видовым парам в области перфективации) говорить в данном случае о формах, которые хотя и являются (могут быть) соотносительными, т. е. могут характеризоваться тождеством лексического значения, но не могут быть признаны формами одного и того же слова – перед нами соотносительные формы разных слов¹.

С классификацией МК по указанному признаку перекрещивается классификация, основанная на характере связи между соотносительными

формами, представляющими члены данной категории. Эта классификация, естественно, охватывает лишь коррелятивные (последовательно и непоследовательно) МК. С данной точки зрения выделяются два типа МК: 1) альтернативные – категории, члены которых представлены формами, находящимися в отношении морфологической альтернативы, т. е. морфологического чередования (состав этих МК в русском языке совпадает с составом последовательно-коррелятивных МК); 2) деривационные – категории, члены которых представлены формами, находящимися в отношении морфологической деривации, т. е. морфологической производности (состав этих МК совпадает с составом непоследовательно-коррелятивных МК). Итак, если в первом случае налицо чередование форм, то во втором – производность одной формы от другой. Речь идет прежде всего о семантической производности, которая обычно совмещается и с производностью формальной. Ср. производность совершенного вида от несовершенного в случаях типа *писать* – *написать* (при перфективации) и производность несовершенного вида от совершенного в случаях типа *подписать* – *подписывать* (при имперфективации). Ср. также производность мн. числа существительных от ед. числа, а также производность сравнительной и превосходной степени от положительной.

Пассив является производным от актива. Эта производность находит целый ряд проявлений. Существуют активные образования, которым не соответствуют пассивные, но нет пассивных образований, которым не соответствовали бы активные (в данном случае проявляется как формальная, так и семантическая производность пассива). Далее, производность пассива проявляется в ряде ограничений, с которыми связано его употребление. Во всех отношениях мы можем трактовать активную конструкцию как исходную, а пассивную как результат определенного преобразования исходной конструкции, но не наоборот.

По характеру синтагматического выявления МК могут быть разделены на два типа: 1) синтагматически слабые – не характеризующиеся регулярным синтагматическим проявлением в связях данной словоформы с другими словоформами (в русском языке таковы категории времени, наклонения и вида); 2) синтагматически сильные – регулярно выявляющиеся в связях данной словоформы с другими словоформами (ср. синтаксические категории А. М. Пешковского, противопоставленные не синтаксическим по признаку обозначения зависимости одних слов в речи от других), с нашей точки зрения, к этому типу в русском языке относятся все остальные МК, в том числе и залог. Следует подчеркнуть, что залог, как и падеж, представляет собой категорию, характеризующуюся наиболее высокой степенью синтагматического выявления.

С точки зрения участия МК в построении структуры предложения (т. е. по их структурно-синтаксической значимости), могут быть выделены три типа МК: 1) МК, характеризующиеся постоянной синтаксической значимостью; для данного типа МК характерно постоянное, обязательное участие в построении структуры предложения; разные члены данной категории связаны с разными синтаксическими конструкциями; этот тип представляет залог глагола; 2) категории с переменной структурно-синтаксической значимостью; такие категории могут участвовать в построении синтаксической структуры предложения, но не всегда в своей конкретной репрезентации существенны в данном отношении; члены таких категорий в одних случаях связаны с разными синтаксическими конструкциями, а в других – с одной и той же (такова категория падежа существительных: разные падежи и одни и те же падежные формы в разных функциях характеризуются разной степенью структурно-синтаксической значимости, таковы также категории числа существительных, вила, времени, наклонения, лица, числа и рода глагола); 3) МК, не обладающие структурно-синтаксической значимостью в том смысле, что разные члены таких категорий не связаны с разными синтаксическими конструкциями (таковы род существительных, род, число, падеж прилагательных), такие категории участвуют в выражении синтагматических связей между репрезентантами членов предложения, но от того, каким именно членом представлена данная категория в предложении, не зависит тип синтаксической структуры.

Итак, залог на разных уровнях классификации МК выступает как категория: 1) непоследовательно коррелятивного типа; 2) деривационная; 3) синтагматически сильная; 4) категория с постоянной структурно-синтаксической значимостью.

Место залога среди других МК с точки зрения иных классификационных признаков таково: различаются категории с семантической и структурной доминантой – залог мы относим к 1-му типу, различаются категории преимущественно отражательного и преимущественно интерпретационного типа – залог относится к последнему, различаются категории актуализационного и неактуализационного типа – залог относится ко 2-му типу.

3. Синтаксическое выражение и семантическое содержание оппозиции «актив – пассив». При активе (*Отец написал статью; Все спешат. Гости одеваются*) носителю глагольного признака соответствует логический субъект, при пассиве (*Статья написана отцом. Статья написана. Статья пишется*) – логический объект. Наличие прямого дополнения – возможный, но не обязательный синтаксический признак

актива. Если этот признак присутствует, то он дополнительно, избыточно характеризует актив, так как в пассиве сочетание с прямым дополнением (для русского литературного языка) невозможно. Если же данного признака нет, то это не препятствует определению конструкции как активной. Если в конструкции представлено косвенное дополнение (тв. падеж) со значением логического субъекта, то этот признак дополнительно характеризует пассив, так как в активе он невозможен. Если же данный признак отсутствует (что вполне обычно), то это не препятствует определению конструкции как пассивной.

При активе действие передается как исходящее от участника ситуации, представленного носителем глагольного признака, при пассиве – как направленное на него, иначе говоря, при активе глагольный признак имеет центробежную направленность по отношению к его носителю, а при пассиве – центростремительную².

При характеристике выражения и содержания актива и пассива мы не случайно не использовали обычный термин «подлежащее». Дело в том, что этот термин подходит лишь к части языкового материала (см. приведенные выше примеры). Уже обращение к конструкциям с полными действительными и страдательными причастиями (*Отцу, написавшему статью; В написанной им статье*), а также к инфинитивным конструкциям типа *Он просил нас зайти* показывает, что для характеристики актива и пассива необходимо более широкое понятие, чем подлежащее. Таким понятием, очень важным для описания залога, является «носитель глагольного признака». Это понятие в нашей трактовке охватывает не только подлежащее, но и другие проявления той функционально-структурной синтаксической величины, от которой зависит глагольный признак (также величина билатеральная функционально-структурная).

Рассмотрим, используя понятие «носитель глагольного признака», неопределенно-личные конструкции типа *Статью пишут, К вам пришли*. В таких конструкциях отсутствует подлежащее, однако здесь представлено иное выражение соответствующего элемента семантической структуры предложения – в самой структуре конструкции с формой 3-го лица мн. числа (настоящего, будущего, настоящего-будущего времени или с соответствующей формой прошедшего времени, а также сослагательного наклонения). Иначе говоря, здесь налицо носитель глагольного признака, хотя он и выступает не как подлежащее, а в особой, более сложной реализации: в данном случае в одной и той же словоформе представлен и глагольный признак и его носитель. В рассматриваемых конструкциях носителю глагольного признака соответствует логический субъект (в данном случае выступающий в варианте «неопределенного

лица»). Следовательно, перед нами актив. Существенным синтаксическим признаком актива в данных условиях является возможная сочетаемость с прямым дополнением (реализованная в 1-м примере). Не менее важен сильный морфологический признак актива – невозвратность глагола (было бы трудно доказать, что при общем правиле – выражении пассива страдательными причастиями и возвратными образованиями – существуют исключения вроде рассматриваемых конструкций: личная невозвратная форма в пассиве). Перед нами не только формальные, но и семантические признаки актива: действие передается как исходящее от «неопределенно-личного» участника ситуации, представленного носителем глагольного признака; налицо центробежная направленность глагольного признака по отношению к его носителю. Принадлежность рассматриваемых конструкций к активу находит дополнительное подтверждение в их противопоставленности соответствующим пассивным конструкциям (ср.: *Статью пишут* и *Статья пишется*).

Аналогичным образом мы подходим к определению залога в определенно-личных (*Люблю цветы*) и обобщенно-личных (*Иногда позавидуйшь таким людям, Его не проведешь*), а также императивных конструкциях (*Подождите!*). И здесь мы видим центробежную направленность глагольного признака по отношению к его носителю, которому соответствует логический субъект (в данном случае – в вариантах «определенного» и «обобщенного» лица, а также лица, к которому обращено побуждение).

Рассмотрим безличные конструкции типа *Светает, Вечереет; Дорогу занесло; Кости ломит*. Морфологический признак – невозвратность глагола – говорит об активе. На это же указывает и возможная сочетаемость с прямым дополнением. Однако отсутствие логического субъекта и носителя глагольного признака заставляет сомневаться в том, что здесь представлена семантика актива. Отсюда вытекает возможность истолкования случаев типа *светает* как нейтрализации семантического противопоставления «актив – пассив»³. Однако есть и другая возможность, которая в настоящее время нам представляется более предпочтительной. Мы исходим из понятия «типизированной направленности». Если в других случаях невозвратные глаголы во всех формах, кроме форм страдательных причастий, обнаруживают центробежную направленность, то можно предположить, что эта направленность как обобщенный грамматический тип распространяется и на невозвратные безличные глаголы, а также на личные глаголы в безличном употреблении. Попытаемся встать на позицию «доверия к языку», в частности, к «сильному» морфологическому показателю актива, каким является невозвратность глагола. При

таком подходе можно признать «аналогическое распространение» типизированной центробежной направленности на те конструкции, где нет ни носителя глагольного признака, ни логического субъекта. Перед нами особого рода языковая интерпретация определенного отношения: при наличии стандартной морфологической формы актива даже безличные конструкции интерпретируются как активные, охватываются морфологической моделью актива.

Аналогичное явление типизированной направленности глагольного признака – в данном случае центростремительной – мы видим в безличных конструкциях с формой пассивного причастия. Ср., например: *На это уже (многими) было указано; Об этом уже (кем-то) было упомянуто.*

Еще сложнее ситуация с безличными конструкциями, содержащими возвратные глаголы. Здесь нет того сильного морфологического показателя, который определял бы языковую интерпретацию активности или пассивности и на который можно было бы опереться при установлении залога. В разных типах таких конструкций вопрос о залоге должен решаться по-разному. В предложениях типа *На это уже (многими) указывалось; Об этом уже (кем-то) упоминалось* представлен пассив. Показателен существенный в данном случае синтаксический признак пассива – наличие или возможность косвенного дополнения со значением логического субъекта. Показателен также параллелизм с конструкциями, содержащими пассивные причастия (*было упомянуто* и т. п.). Примечательна противопоставленность активным конструкциям типа *На это многие уже указывали; Об этом уже упоминали.*

В случаях типа *Мне не читается. Мне не спится* принадлежность к активу или к пассиву не удастся определить на основании более или менее объективных признаков. По-видимому, здесь данная оппозиция нейтрализована. То же следует сказать и о других случаях безличности, связанной с возвратностью: *Хочется пить, Остается сделать многое* и т. д.

II

1. Понятие залоговости. Залог глагола вместе с теми разнообразными языковыми единствами, с которыми он взаимодействует на функциональной основе и отчасти переkreщивается в плане выражения, образует широкое функционально-семантическое поле. Речь идет о поле, создаваемом взаимодействием разнородных языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических), служащих для выражения и языковой семантической интерпретации отношения понятия действия к его логическому субъекту и логическому объекту.

Залоговость, как и всякое ФСП, трактуется нами как языковая группировка, которая имеет как план содержания, так и план выражения (как уже говорилось, выражение является неоднородным, охватывающим разные стороны и уровни языка). Поле залоговости имеет конкретно-языковой характер, т. е. речь идет о группировке средств выражения залоговых (в широком смысле) отношений в данном конкретном языке или в определенной группе языков. Данное поле базируется, конечно, на понятийной основе. Такой основой является залоговое отношение как отношение понятия действия к логическому субъекту и логическому объекту. Эта глубинная понятийная база служит основанием термина «залоговость» и обеспечивает возможность применения этого термина к любому языку. Однако применительно к данному конкретному языку понятийная основа поля залога выступает уже в определенной языковой семантической интерпретации, т. е. мы имеем здесь дело со сложными комплексами языковых значений – грамматических, лексико-грамматических (в частности, словообразовательных) и лексических. Эти значения могут быть сведены к общей широкой и абстрактной понятийной основе, иначе говоря, в них может быть выделен общий постоянный понятийный элемент, но сами по себе, как значения определенных языковых средств, они относятся не к миру отвлеченных понятий, а к миру языковой семантики, к плану содержания языковых средств и их комбинаций, к области языковых семантических функций.

В рассматриваемом поле в русском языке (как и в других славянских языках) выделяются три основно-функционально-семантические сферы, опирающиеся на определенные, отчасти перекрещивающиеся средства выражения: 1) сфера активности – пассивности; 2) сфера переходности – непереходности; 3) сфера частных значений возвратности. Каждая из этих сфер обладает достаточно четкой качественной спецификой, так что в принципе вполне допустимо трактовать их как самостоятельные, хотя и пересекающиеся ФСП. Однако взаимодействие этих сфер и наличие общих для них семантических элементов дает основание для их объединения (при условии четкой внутренней дифференциации) в составе более широкого единства, т. е. для выделения поля залоговости в указанном выше широком смысле. Подчеркнем, что и при акценте на дифференциацию самостоятельных полей активности – пассивности, переходности – непереходности и возвратности не утрачивается необходимость более общего понятия, соответствующего группировке этих полей⁴.

Основные линии связей между указанными сферами таковы: 1) переходность – непереходность глагола обуславливает соотносительность – несоотносительности актива и пассива: переходные глаголы, как

правило, образуют пассив, непереходные же, как правило, его не образуют; 2) возвратные образования в принципе могут выступать как в активе, так и в пассиве, в отличие от невозвратных, для которых возможен лишь актив; 3) возвратные глаголы всегда непереходны. Сопряженность рассматриваемых сфер в поле залоговости наглядно проявляется в трехчленной морфологической системе «невозвратные глаголы – возвратные глаголы – страдательные причастия». Возвратные глаголы «нарушают стройность» морфологического выражения оппозиции «актив – пассив» именно потому, что они одновременно участвуют в оппозиции «возвратность – невозвратность», а кроме того выражают значения отдельных разрядов возвратности. Это своего рода узел связи между компонентами поля залога.

Иерархия основных компонентов рассматриваемого поля основана на степени их грамматикализации. Наиболее грамматикализованной в рамках данного поля является оппозиция «актив – пассив», здесь достигается та степень грамматикализации, при которой члены категории могут быть представлены формами одного и того же слова (хотя та же категория, как вы видели, отчасти представлена и формами разных слов). Именно эта оппозиция является грамматическим ядром поля. Остальные его компоненты располагаются по принципу убывающей степени грамматикализации, представляя в своей иерархии постепенный переход от центра к периферии: оппозиция возвратных – невозвратных глаголов по признаку непереходности, оппозиция переходных – непереходных глаголов, выявляющаяся в сочетаемости – несочетаемости с прямым дополнением (здесь представлена «переходная зона» от центра к периферии), отдельные словообразовательные разряды возвратности (периферия залоговости). Поле залога перекрещивается с другими ФСП. Так, оно пересекается с персональностью (ср. отношение личных и безличных конструкций к активу и пассиву, а также отношение к пассиву 1-го и 2-го лица, с другой стороны, и 3-го лица – с другой). Можно отметить также пересечения с аспектуальностью (ср. в частности, разное отношение возвратного и причастного пассива к глагольному виду), модальностью, темпоральностью, различными функционально-семантическими сферами «падежности».

2. Сфера активности – пассивности. Данная сфера основана на такой языковой интерпретации отношения понятия действия к логическому субъекту и логическому объекту, которая связана с отношением глагольного признака к его носителю. Помимо собственно залога, эта сфера включает в себя такие явления периферийного характера, как «лексический пассив» типа *Он терпит обиды; Они испытывают давление со*

стороны (грамматически это актив, но лексически передается пассивность носителя глагольного признака)⁵.

3. Сфера переходности – непереходности. Эта сфера основана на такой языковой интерпретации отношения понятия действия к логическому объекту, которая связана с отношением глагольного признака к сочетаемости с прямым дополнением. К этой сфере относятся две оппозиции: 1) лексико-морфологическая оппозиция возвратных – невозвратных глаголов по признаку непереходности (имеется в виду отношение всех возвратных глаголов ко всем невозвратным в морфологической системе языка; 2) лексико-синтаксическая оппозиция переходных – непереходных глаголов, находящая выражение в сочетаемости – несочетаемости глагола с вин. падежом прямого объекта. Обе эти оппозиции характеризуются меньшей степенью грамматикализации по сравнению с залогом и занимают по отношению к нему периферийное положение (в целом, как уже говорилось, здесь представлена переходная зона от центра поля к его периферии). Присоединение постфикса *-ся*, как уже было отмечено, во многих случаях влечет за собой изменение лексического значения глагола; возможные случаи лексического тождества не обладают достаточной регулярностью. Мы имеем здесь дело с оппозицией форм разных слов. Переходность – непереходность за пределами возвратности зависит от лексического значения и синтаксического поведения отдельных глаголов и глагольных групп (в этом смысле переходность не интегрирована, а «рассеяна» в глагольной лексике). Если постфикс *-ся* – общий признак, который «механически» решает вопрос о непереходности на уровне морфологической системы языка, то вопрос о лексико-синтаксической переходности – непереходности решается особо для разных словообразовательных типов, сплошь и рядом – для каждого глагола, а нередко и для разных значений и типов употребления одного и того же глагола.

4. Сфера частных значений возвратности. Данная сфера основана на такой языковой интерпретации отношения понятия действия к логическому субъекту и логическому объекту, которая находит выражение прежде всего в словообразовательных разрядах возвратных глаголов (ср. собственно-возвратные глаголы типа *беречься*, *защищаться* и т. п.; взаимно-возвратные – *встречаться*, *целоваться*; общевозвратные – *веселиться*, *сердиться* и т. п.; косвенно-возвратные – *строиться*, *прибрататься* и т. п.). Перед нами комплекс весьма разнообразных значений. Однако в этих значениях все же можно найти нечто общее. Обычно общий признак значений возвратных глаголов усматривается в непереходности. Следует подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с особым ее типом – воз-

вратной непереходностью. Ее специфика заключается в следующем: налицо подчеркнутая, специально выраженная особой морфемой замкнутость, сосредоточенность глагольного признака в сфере его носителя, которая всегда реализуется в той или иной конкретной разновидности (источник многообразия частных значений возвратности, как известно, заключается в сочетаемости постфикса *-ся* с разными типами лексических значений производящих глагольных основ).

Рассматриваемые разряды возвратных глаголов во многом аналогичны способам действия. Подобные лексико-грамматические разряды, в отличие от морфологических категорий, не представляют собой оппозиций рядов грамматических форм с однородным значением. Они не опираются на специальную систему форм, хотя и имеют грамматическое выражение. В данном случае оно заключается, в частности, в том, что все разряды возвратных глаголов, кроме образований с пассивным значением, представляют собой глаголы, выступающие (в данном значении) лишь в активе. Перед нами отдельные разряды (подклассы) глагольной лексики, и этим обусловлено их периферийное положение в поле залоговости. Возвратные глаголы морфемно характеризованы лишь во всей их совокупности – в их противопоставлении невозвратным глаголам. Что же касается каждого отдельного разряда, то он не отличается каким-либо особым морфемным признаком. К сфере возвратности относятся также такие явления, как выражение взаимного значения сочетанием глагола со своеобразным взаимным местоимением *друг друга*. Возвратность выходит за рамки поля залоговости, т. е. лишь отчасти охватывается этим полем. В частности, сочетания с местоимением *себя* относятся к залоговости лишь в той мере, в какой они взаимодействуют с тем или иным ее компонентом.

5. Семантическая иерархия компонентов поля залоговости. Основным ступеням иерархии компонентов залоговости по степени грамматикализации в общем соответствует и собственно семантическая иерархия по признаку возрастающей степени грамматичности значений. Эта иерархия находит отражение, в частности, в широте охвата лексики данным значением, в его зависимости или независимости от индивидуальных и групповых лексических значений, в характере связей между значениями элементов разных иерархических уровней поля залоговости.

Семантическая иерархия компонентов залоговости такова: 1) (наиболее высокая ступень) семантические признаки актива и пассива; 2) признаки переходности – непереходности; 3) дополнительные оттенки, наслаивающиеся на первые два типа признаков, в частности, значения разрядов возвратности, а также значения элементов ФСП, пересе-

кающихся с залоговостью (например, модальные, персональные и аспектуальные семантические элементы, взаимодействующие с залоговыми).

Эта иерархия проявляется в семантической структуре глагольной словоформы, выступающей в составе высказывания. Рассмотрим пример: *Они долго не виделись*. Элементы семантической иерархии залоговости представлены здесь следующим образом.

1) Семантический признак актива – центробежная направленность действия. Сфера проявления этого признака наиболее широка – все глаголы в активе. Данный признак независим по отношению к семантическим залоговым признакам низших уровней: он проявляется как при переходности, так и при непереходности, при любом из разрядов возвратности за пределами пассива.

Семантический признак непереходности. Данный признак при его реализации в рамках актива уточняет характер центробежной направленности: действие исходит от логического субъекта, представленного носителем глагольного признака (они), но не переходит на прямой объект. Возвратная непереходность, фиксируя замкнутость глагольного признака в сфере его носителя, создает предпосылки для выражения дополнительных более частных оттенков того или иного словообразовательного разряда возвратности.

Семантический признак взаимно-возвратного значения. Сфера его проявления ограничена узкими рамками данного словообразовательного разряда возвратности. Рассматриваемый признак подчинен предшествующим: он накладывается на семантическую основу активности и (непосредственно) непереходности в ее возвратной реализации: уточняется характер замкнутости действия в сфере носителя глагольного признака.

Другой пример: *Книга легко читается*. Здесь представлены следующие элементы семантической иерархии: 1) значение пассива – центростремительная направленность действия (в варианте двучленного пассива, т. е. при невыраженном логическом субъекте, иначе говоря, при отсутствии указания на исходный пункт центростремительной направленности); 2) значение непереходности в ее возвратной реализации (речь идет о непереходности как языковой семантической функции: глагольный признак не переходит на зависимый от него прямой объект, выраженный вин. падежом без предлога; на уровне же понятийных категорий здесь, как и вообще в пассиве переходных глаголов, представлена понятийная переходность действия на логический объект); 3) пассивно-потенциальное значение; это значение проявляется лишь в контексте, его нет в отдельно взятой словоформе; оно представляет собой семантический комплекс, являющийся результатом взаимодействия указанных элемен-

тов поля залоговости с модальным значением потенциальности (ср.: *Эту книгу можно легко читать*), аспектуальности (перед нами так называемое потенциально-качественное значение, связанное с несовершенным видом); заметим, что контекстуальный элемент – наречие *легко* – относится как к модальности (характер возможности), так и к аспектуальности (характер протекания действия). <...>

¹ Соотносительность форм разных слов (нерегулярного типа) следует отличать от признака коррелятивности форм одного и того же слова – признака, лежащего в основе рассматриваемой классификации МК.

² О различительных признаках центробежности – центростремительности см.: Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках // Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М., 1961. С. 8–9.

³ В частности, так трактуются эти случаи в моей статье «К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка)» // *Вопр. языкознания*. 1972. № 3. С. 34–35.

⁴ Наша трактовка залоговости во многом опирается на концепцию В. В. Виноградова, видевшего в том, что называют залогом, целый клубок разнородных лексико-грамматических явлений. Примечательно, что В. В. Виноградов, с одной стороны, стремится расчленить разные структурные элементы этого комплекса, а с другой – установить связи между ними; см.: Виноградов В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Изд. 2. М., 1972. С. 170–511 (особенно с. 501–503).

⁵ См.: Яхонтов С. Е. Конструкции, называемые пассивными, в китайском языке // *Категория залога. Материалы конференции*. Л., 1970. С. 45–48.

А. В. Бондарко

ВЗАИМОСВЯЗИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА

Глагольный вид

в его отношении к другим категориям глагола

I. Наиболее существенные («сильные») связи вида с другими глагольными категориями.

1) Вид и время. Функциональные связи проявляются: а) в зависимости функционирования видов от временного плана; б) в частичном перекрещивании дифференциальных семантических признаков в системах вида и времени; в) в способности видовых и временных семантических признаков создавать видо-временные семантические комплексы. Семантический признак временной локализованности как связующее звено между видами и временами. Парадигматические связи, зависимость парадигмы времени от вида (несовершенный вид – 3 формы времени, со-

вершенный вид – 2 формы). Особенно тесный характер связи категорий вида и времени.

2) Вид и залог. Функциональные связи: актив как основная позиция функционирования глагольных форм в обоих видах; особенности видо-временных значений страдательно-причастных форм. Парадигматические связи: образование причастного пассива преимущественно от форм совершенного вида; образование возвратного пассива преимущественно от форм несовершенного вида.

II. Менее существенные (слабые) связи и случаи отсутствия межкатегориальных соотношений.

1) Вид и наклонение. Функциональные связи: изъявительное наклонение как основная позиция функционирования обоих видов; особенности употребления видов в повелительном наклонении; некоторые особенности употребления видов в сослагательном наклонении. Почти полное отсутствие парадигматических связей: каждое наклонение может иметь формы обоих видов, каждый вид может выступать в любом наклонении; единственное парадигматическое ограничение: инклюзивные формы императива образуются преимущественно от совершенного вида (ср.: *зайдем-те*, хотя у некоторых глаголов движения в этих формах возможен несовершенный вид: *идем-те*, *едем-те*, *бежим-те*). В таких случаях можно видеть слабую парадигматическую и вместе с тем функциональную связь.

Вид и лицо. Слабые функциональные и парадигматические связи. Связь некоторых вариантов наглядно-примерного и потенциального значений совершенного вида с обобщенно-личным типом употребления формы 2-го лица (*Иногда скажешь, а потом уже подумаешь. Его не убедишь*). Ср. также указанные в предшествующем параграфе ограничения образования инклюзивных форм императива преимущественно от основ совершенного вида (в данном случае формы инклюзива упоминаются как особые формы лица).

Вид и число. Отсутствие явных и прямых функциональных и парадигматических связей. Отдельные ограничения в употреблении некоторых образований лишь косвенно связаны с категориями вида и числа. Так, при дистрибутивном способе действия, допускающем лишь совершенный вид, возможно лишь мн. число. (*Мальчишки попрыгали в воду и т. п.*). Некоторые частные варианты потенциального значения совершенного вида (*Тебя не уговоришь; Еще бы – похудеешь* и т. п.) связаны с обобщенно-личным типом употребления той формы лица, которая в этом значении выступает лишь в ед. числе.

Вид и род. Полное отсутствие функциональных и парадигматических связей.

Связи залога с другими категориями глагола

I. Сильные связи.

1) Залог и вид (см. выше). 2) Залог и наклонение. Функциональная и вместе с тем парадигматическая связь: возможность образования и функционирования форм пассива лишь в изъявительном и сослагательном наклонениях (общее правило); редкие случаи возвратного пассива в повелительном наклонении (*Не подвергайтесь влиянию со стороны!* и т. п.). 3) Залог и лицо. Функциональные связи: особенности реализации значения актива в неопределенно-личном, обобщенно-личном и безличном типах функционирования форм лица; особенности безличного пассива. Неопределенно-личность, обобщенно-личность и большинство типов безличности как функционально-синтаксические позиции, исключающие возможность употребления пассива. Ограниченность употребления возвратного пассива в формах 1-го и 2-го лица. Возможность истолкования этих ограничений и как проявления парадигматических связей категорий залога и лица.

II. Слабые связи и отсутствие межкатегориальных отношений.

1) Залог и время. Проявление слабых функциональных связей в таких явлениях, как соотношение залогового значения пассива и перфектное видо-временное значение пассивных причастных форм. Невозможность выражения некоторых частных временных значений, например, настоящего актуального, формами пассива (отмечено Л. Л. Буланиным). 2) Залог и число; залог и род. Отсутствие функциональных и парадигматических связей.

Время в его отношении к другим категориям глагола

I. Сильные связи.

1) Время и вид (см. выше). 2) Время и наклонение. Функциональные связи: зависимость модальных оттенков изъявительного наклонения от времени глагола. Парадигматические связи: изъявительное наклонение как позиция, в которой реализуется противопоставление форм времени; отсутствие форм времени в косвенных наклонениях.

II. Слабые связи и отсутствие межкатегориальных отношений.

1) Время и лицо. Слабые функциональные связи: возможность обобщенно-личного употребления только в планах настоящего и будущего времени, но не прошедшего. Парадигматические связи: оппозиция 1-го, 2-го и 3-го лица, морфологически выраженная в самом глаголе, представлена в настоящем и будущем временах, но не в прошедшем времени. 2) Время и залог (см. выше). 3) Время и род. Отсутствие функциональных связей. Парадигматические связи: прошедшее время как од-

на из позиций (наряду с сослагательным наклонением), в которых различаются формы рода глагола. 4) Время и число. Отсутствие функциональных и парадигматических связей.

Связи наклонения с другими категориями глагола

I. Сильные связи.

1) Наклонение и время (см. выше), 2) Наклонение и залог (см. выше). 3) Наклонение и лицо. Функциональные и парадигматические связи: различие семантических функций и парадигм лица в изъявительном наклонении, с одной стороны, и в повелительном – с другой (ср., в частности, функции обобщенно-личности и безличности, проявляющиеся лишь в изъявительном и сослагательном наклонениях, а также такие факты, как роль 2-го лица как основной формы лица в императиве, отпадение 1-го лица, появление «совокупного 1-го и 2-го лица» – формы и функции инклюзива); чисто парадигматические связи: отсутствие морфологических показателей лица в самих глагольных формах сослагательного наклонения (как и в формах прошедшего времени изъявительного наклонения).

II. Слабые связи.

1) Наклонение и вид (см. выше). 2) Наклонение и число. Специфика императивных форм инклюзива с точки зрения числа. 3) Наклонение и род. Парадигматические связи: возможность различия по родам лишь в прошедшем времени изъявительного наклонения и в сослагательном наклонении.

Лицо глагола и другие глагольные категории

I. Сильные связи.

1) Лицо и залог (см. выше). 2) Лицо и число. Функциональные связи: возможность нейтрализации семантических различий по числу при неопределенно-личном и обобщенно-личном употреблении; отсутствие семантики ед. числа при безличности; особенности частных значений форм 1-го и 2-го лица в ед. и мн. числе; сочетание семантики лица и числа в формах инклюзива. Парадигматические связи; несоотнесенность формы безличности, характеризованной показателем ед. числа, с мн. числом; асимметричный характер парадигмы лица императивных форм в ед. и мн. числе.

II. Слабые связи.

1) Лицо и вид (см. выше). 2) Лицо и время (см. выше). 3) Лицо и род. Отсутствие функциональных связей. Парадигматические связи: взаимное

исключение граммем лица и рода в глагольных словоформах (возможность различий по роду лишь в тех формах, где отсутствуют различия по лицу в глагольной словоформе).

Число и другие глагольные категории

I. Сильные связи.

1) Число и лицо (см. выше). 2) Число и род. Связь структурных согласовательных функций числа и рода при выражении предикативного отношения между подлежащим и сказуемым. Парадигматические связи: возможность различия по роду лишь в ед. числе.

II. Слабые связи и отсутствие межкатегориальных связей. 1) Число и вид (см. выше). 2) Число и залог (отсутствие связей). 3) Число и время (отсутствие связей). 4) Число и наклонение (см. выше).

Род и другие глагольные категории

I. Функциональные и парадигматические связи. Род и число (см. выше).

II. Парадигматические связи и отсутствие межкатегориальных отношений.

1) Род и вид (отсутствие связей). 2) Род и залог (отсутствие связей). 3) Род и время (см. выше). 4) Род и наклонение (см. выше). 5) Род и лицо (см. выше).

Связи основных морфологических категорий глагола и взаимодействие функционально-семантических полей

Взаимодействие полей аспектуальности и темпоральности, аспектуальности и залоговости, модальности и темпоральности, модальности и персональности, модальности и залоговости, персональности и залоговости. Частичные пересечения полей. Сочетание аспектуальных и темпоральных и т. п. элементов в структуре функционально-семантического микрополя.

Вопрос о группировке основных глагольных категорий как об особом типе группировок в морфологии

Постановка вопроса о группировке глагольных категорий как функциональном и формально-структурном единстве, сформированном функциональными и парадигматическими связями между отдельными категориями.

В. В. Виноградов

РУССКИЙ ЯЗЫК
(ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)
КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

**§ 1. Вопрос о категории состояния
в русских грамматических трудах XIX – начала XX в.**

С первой трети XIX в. в русских грамматиках последовательно выделяется разряд слов, промежуточных между именами и глаголами и выражающих главным образом состояние. В качестве грамматических признаков этого разряда слов отмечались: употребление их или исключительно, или преимущественно в функции сказуемого, их неизменяемость по падежам – при близости к именам прилагательным и существительным – и значение времени, неотрывное от их грамматических форм. От наречий эти слова отличались наличием своеобразных «номинативов» – иногда с формами рода, подобно прошедшему времени глагола, значением времени, отношением к лицу или оттенками безличности, а главное тем, что эти слова не обозначали признака качества и действия. В отдельных группах этих слов бросалось в глаза сходство с краткими формами имен прилагательных. А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» (Спб., 1859) присоединяет весь этот разряд слов к категории глагола. Он относит сюда все вообще краткие формы имен прилагательных, считая их «спрягаемыми словами». Еще ярче, по Востокову, оттенок глагольности, спрягаемости выступает в некоторых безличных словах, которые похожи на существительные или на наречия, и в некоторых родовых и личных предикативных (сказуемых) словах, которые похожи на краткие прилагательные, но которые не имеют соотносительных полных форм среди имен прилагательных. Так, слова *льзя* (ср. *нельзя*), *жаль*, *лень* (в таком разговорном употреблении: *лень было так рано вставать*) Востоков относит к безличным глаголам. Перечисляя глаголы, управляющие инфинитивом, Востоков помещает в их число *рад*, *готов* (среди глаголов, означающих расположение к действию), *горазд*, *можно*, *должно* (среди глаголов, означающих возможность и потребность действия).

Однако точка зрения А. Х. Востокова показалась слишком радикальной большинству русских грамматистов первой половины XIX в. Во имя историко-генетических предпосылок о родстве кратких форм имен прилагательных с существительными она была отвергнута Павским и затем К. С. Аксаковым. А. А. Потебня примкнул к этой традиции. Лишь

М. Катков мельком выразил согласие с востокским определением кратких имен прилагательных как спрягаемых форм.

Кроме того, смягченные отголоски концепции Востокова можно найти в грамматических трудах обобщающего и в то же время учебного типа, вроде «Опыта общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова или «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева.

<...> Только Н. П. Некрасов в книге «О значении форм русского глагола» (1865) выступил решительным и даже крайним последователем концепции Востокова, придя к ней с другой стороны. <...>

<...> До «Очерка современного русского литературного языка» А. А. Шахматова вопрос о категории состояния оставался в таком неопределенном положении. Например, профессор В. А. Богородицкий указывал на то, что бесчленные выражения именного происхождения, вроде *можно, нужно*, теперь являются для чутья глаголами или глагольными частицами, и ссылаясь на формы времени, им присущие (ср. прошедшее время *можно было, нужно было*).

Академик А. А. Шахматов утвердил открытие Востокова своим авторитетом, также признав краткие формы прилагательных спрягаемыми словами. Но А. А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» и в «Синтаксисе русского языка» касался преимущественно отдельных морфологических и синтаксических своеобразий краткой формы имени прилагательного. Он не ставил «категории состояния» в ряд других «частей речи». Этот шаг был сделан профессором Л. В. Щербой в его статье «О частях речи в русском языке».

§ 2. Грамматические особенности категории состояния

Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого. Понятно, что многие из слов (особенно безличного, наречного типа), подводимых под категорию состояния, могут сочетаться и с другими наиболее отвлеченными вспомогательными глаголами, кроме *быть* (например: *стало жаль, становится больно; делается досадно, стыдно; бываю рад* и т. п.).

Таким образом, слова из категории состояния по внешнему облику отличаются от прилагательных и существительных отсутствием форм склонения и наличием форм времени, от наречий – формами времени и неспособностью качественно или обстоятельно определять глагол и имя прилагательное.

Естественно, что и значения предмета, качества или качественно-обстоятельственного отношения совершенно чужды категории состояния. Слова, относящиеся к категории состояния, выражают «недействительное» состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т. п.).

Так как формы времени в категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы *я был рад* и *буду рад* (*будешь рад* и т. п.) – являются чистыми формами времени и склонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений. Историю категории состояния необходимо ставить в связь с исторической судьбой глагола *быть* и с историей категорий глагола, кратких форм имени прилагательного и наречия <...>.

В. В. Виноградов

РУССКИЙ ЯЗЫК (ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ, ИХ РАЗРЯДЫ

§ 1. Модальные слова как особый грамматический тип

Грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказывания или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными, или модальными. В кругу модальных отношений обыкновенно рассматривают отрицание и утверждение, всякого рода склонения, разнообразные субъективные оттенки значений, облекающие формы времени, и т. п.

Модальные отношения выражаются не только грамматическими формами глагола или особыми формальными показателями. Они могут выражаться также своеобразным «вводным» использованием как форм разных частей речи, так и целых синтагм или даже предложений. Но в русском языке для выражения категории синтаксической модальности существует и отдельный лексико-семантический разряд слов. Понятно, что многие слова и даже вводные словосочетания и «предложения», обозначающие отношение предложения или частей его к реальности, могут превратиться в частицы и грамматизироваться, т. е. они становятся простыми грамматическими выразителями модальности предложения, лишенными лексической самостоятельности и раздельности.

Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения. Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию. Во всех этих случаях модальные слова лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания, хотя нередко и приближаются к частицам речи (частицам). По мнению грамматистов, они находятся «вне предложения», лишь «примыкая» к нему (Овсянико-Куликовский). Не вступая в связь с другими словами, «они не являются членами предложения, хотя бы даже служебными» (Пешковский). Они нередко выделяются и интонационно. Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи. Выражая оценку высказываемой мысли или способа ее выражения, они граничат одной своей стороной с «частицами речи», с реляционными словами, но резко отличаются от основных разрядов или классов их (предлогов и союзов) своими синтаксическими функциями. Так как этот класс слов (и примыкающих к ним частиц) в русском языке стремительно возрастает (особенно в XVIII–XX вв.), включая в себя и устойчивые фразеологические единства и сочетания, то и морфологические типы слов и фразеологических единиц, в него входящих или к нему тяготеющих, очень разнообразны и разнообразны.

§ 2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции.

Указания на связь модальных слов с категорией наречия

<...> В предшествующей грамматической традиции отмечены такие черты в строе и составе модальных слов:

1. Тесная связь многих разрядов модальных слов с наречиями. Наречия лето переходят в модальные слова или сближаются с ними по синтаксической функции. Ослабление синтаксической связи между наречием и тем словом, к которому оно примыкает, способствует этому переходу.

2. Наличие, наряду с модальными словами, большого количества модальных частиц. Граница между модальными словами и частицами

оказывается очень подвижной. Многие модальные частицы являются результатом семантического «усыхания», или опустошения, слов. Модальные частицы отличаются от других разрядов частиц тем, что они относятся не к какому-нибудь отдельному слову предложения, а к предложению в целом. Ср., например, частицы *мол*, *де*, *дескать* и т. п.

3. Однородность функций модальных слов и частиц с функциями глагольного наклонения. Относясь ко всему предложению и выражая возможность, нереальность, достоверность и т. п., модальные слова и частицы оттеняют значения глагольного наклонения. Чем менее полновесно модальное слово, тем более его лексическое значение растворяется в общем модальном значении высказывания (например, *Я едва ли завтра уеду*).

4. Широкое распространение модальных значений и оттенков в кругу других типов частиц, кроме предлогов. А. А. Шахматовым была высказана, но не развита мысль о глубоком влиянии модальных слов и частиц на союзы.

5. Функциональная близость модальных слов и частиц к вводным предложениям (и вводным синтагмам).

<...>

§ 4. Состав лексико-грамматической категории модальности с точки зрения этимологической

Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов.

Ведь и так называемые вводные слова включают в свой состав и фразеологические сочетания, и полновесные слова, и частицы. Кроме того, по общепринятому мнению, к ним примыкают, функционально с ними сближаются разнородные синтаксические конструкции, свободно разлагающиеся на разные части речи. Действительно, в категории модальности сближаются по функциям и объединяются слова и выражения разного строения и разного значения. Отделение модально-определятельных частиц от вводных слов иногда в высшей степени затруднительно. <...>

Модальные частицы нередко однородны по своим функциям с лексически полновесными модальными словами и синтагмами. Эта общность функций сближает их в пределах одной грамматической категории. Кроме того, морфологические границы между частицами-морфема-

ми и словами вообще условны и текучи (ср., например, такие модальные слова-частицы, как: *конечно, право, прямо, просто, верно* и т. п.). <...>

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна. В оценке выражения с этой точки зрения играют роль и его фонетические свойства, и его смысловый вес, и система разных его значений, и его функциональные связи с другими словами.

Среди модальных слов в современном языке преобладают слова наречного происхождения (а иногда и гибридного наречно-модального значения), однородные с качественными наречиями на *-о*. Например: *действительно, буквально, нормально, решительно, собственно, верно, безусловно, подлинно* и т. п.

Довольно многочислен разряд модальных слов, однотипных с словами категории состояния. Например: *видно* (ср. *видать*), *слышно, полно, областное должно, очевидно, вероятно, понятно* и т. п.

После отнаречных образований самым продуктивным разрядом модальных слов являются отглагольные слова. По своему образованию они представляют собой личные или безличные формы настоящего-будущего времени или форму инфинитива. В некоторых случаях можно говорить о простом употреблении формы какого-нибудь глагола в функции модального слова; в других – о превращении такой формы в отдельное слово с модальным значением. Таковы:

а) модальные слова, однородные с личными формами глагола, иногда осложненными присоединением вопросительной частицы *ли*, например: *признаюсь, видишь, веришь ли, видите, знаете ли, извините* и др.;

б) модальные слова, однородные с неопределенно-личными формами глагола: *говорят, передают* и некоторые другие;

в) модальные слова, однородные с безличными формами глагола: *разумеется, кажется, говорится, что называется, значит* и другие подобные;

г) модальные слова инфинитивного типа: *признаться, видать, знать* и т. п.

Малопродуктивен тип модальных слов, представляющих собой изолированные формы имени существительного с предлогом и без предлога и иногда напоминающих наречия. Например: *словом, кстати, в частности* и другие подобные.

Единичны образования от членных прилагательных (с пропуском слова *дело*): *главное*. Ср.: *самое большее, само меньшее*.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ (ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ)

Все шире и шире в категорию модальности вовлекаются целые фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения. Выделяются два основных типа их: глагольный и именной.

В глагольном типе намечается несколько разновидностей:

1) деепричастные словосочетания (обычно включающие в себя формы глагола *говорить*): *собственно говоря, коротко говоря, откровенно говоря, вообще говоря, иначе говоря* и т. п.;

2) инфинитивные словосочетания: *так сказать, признаться сказать* и некоторые другие; ср.: *шутка сказать*;

3) лично-глагольные словосочетания, например: *бог знает, кто его знает* и другие подобные; ср.: «Лежит, как пласт, а жар от него, боже ты мой! Я подумал, *кто его знает*, умрет того и гляди» (Тургенев, «Накануне»).

Состав таких модальных фраз очень разнообразен, и многие из них представляют собой свободные сочетания слов.

4) безлично-глагольные словосочетания: *стало быть, должно быть* и т. п.; ср.: *не в обиду будь сказано*.

В кругу модальных словосочетаний именного типа особенно употребительны типизованные, но свободные сочетания слов двух разрядов:

1) выражения, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *к*: *к моему несчастью, к сожалению*, и нередко осложняемые формой прилагательного (в том числе и местоименного), формой родительного падежа существительного или личного местоимения: *к изумлению* (всех присутствовавших), *к общему восхищению, к пригорбю* и т. п.;

2) словосочетания, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *по*, обычно с присоединением определения в форме согласуемого прилагательного или родительного падежа личного местоимения или имени существительного: *по мнению, по словам, по выражению такого-то, по слухам, по преданию*; ср. фразеологические единства: *по всей вероятности, по всей видимости, по крайней мере*.

Кроме двух видов свободных словосочетаний, к именному типу принадлежит небольшое количество неделимых фразовых единств:

1) словосочетания, состоящие из беспредложной формы имени существительного и определяющего слова: *одним словом* (ср. *словом*);

2) обособленное: *в самом деле*;

3) изолированное: *в конце концов*;

4) ср. также словосочетания из местоимения и прилагательного: *чего доброго*;

5) словосочетания местоименного характера: *как никак, всего навсего* и др.; ср.: *кроме того, сверх того, помимо того* и др.;

6) словосочетания междометного характера.

В тех же модальных функциях могут выступать и свободные словосочетания и вставные предложения, анализ которых далеко выходит за пределы грамматического учения о слове.

§ 5. Разряды модальных слов и частиц, выделяемые по их современному значению и употреблению

<...> Модальные слова по своим функциям могут быть разделены на следующие двенадцать основных разрядов:

1. Выделяется разряд модальных слов и частиц, обозначающих чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также и ее оценку со стороны говорящего. Модальные слова и частицы этого рода являются показателями того, что воспроизводимое высказывание приписывается говорящим другому лицу.

Сюда принадлежат такие модальные слова и частицы: *мол, де, дескать, будто, будто бы, слышно* и т. п.

<...> С этим разрядом модальных частиц по функциям сближается: 1) продуктивный тип вставных синтагм, состоящих из предлога *по* с дательным падежом имени существительного и обычно с определяющим его родительным падежом от названий или указаний лица, вроде *по свидетельству такого-то, по мнению, по словам, по рассказам, по описанию, по выражению такого-то, по преданию, по слухам* и другие подобные; 2) группа неопределенно-личных или безличных вставных глагольных форм или глагольных синтагм типа *говорят, говорит, как говорится, передают* и т. п.

2. Кроме указаний на чужую речь или на использование чужих выражений, модальные слова могут содержать оценку самого стиля, способа выражения. То или иное выражение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи. Говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками. Сюда относятся такие модальные слова и словосочетания, как: *буквально, так сказать, собственно говоря, коротко (откровенно) говоря, вообще говоря* и т. п.

Сюда же принадлежат те модальные слова и выражения, которыми обозначается переход от одного стиля речи к другому, переход с одной системы выражения на другую. Таковы: *то есть, иначе говоря* и т. п. По-видимому, к этому же разряду следует причислить и те модальные слова, которыми отмечается переход к обобщению, к итогу речи: *словом, одним словом* и т. п., или в которых выражаются поиски забытого или непонятого слова: *как бишь, то бишь* и т. п. «И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних от пансионеров, школ, лицеев, как бишь их» (Грибоедов, «Горе от ума»).

3. Смежный тип образуют те модальные слова и устойчивые словосочетания, которыми обозначается характер речевой экспрессии или эмоциональный тон высказывания, подчеркиваются экспрессивные оттенки выражений. По-видимому, этот разряд слов состоит лишь из идиом и отстоявшихся фразовых клише, вроде *шутка сказать, не в обиду будь сказано, признаться сказать* и т. п. <...>

4. К следующему разряду принадлежат те модальные слова и идиомы, в которых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности. Это обозначения тех эмоциональных или волевых модальностей, которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей. Модальные слова этого типа указывают не на способ выражения, не на экспрессивную окраску речи, а на эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения. Таковы, например, модальные слова, частицы и идиомы: *чего доброго, право, спасибо, чай, знать, пожалуй, небось, вишь, полно, должно, верно, как-никак, что ли* и т. п.

С модальными словами этого разряда сближается по значению продуктивный тип вставных синтагм, образуемых из предлога *к* с дательным падежом имени существительного, обозначающего эмоцию или вызывающее ее обстоятельство: *к сожалению, к несчастью, к изумлению, к счастью, к общему восхищению* и т. п.

Сюда же примыкают и глагольно-модальные слова, представляющие собой формы 1-го или 2-го лица (неопределенного) настоящего времени или инфинитива. Таковы, например, слова: *признаюсь, признаться, видать, глядишь* и т. п. <...>

5. Модальность суждения может быть основана не на эмоциональном отношении к предмету сообщения, а на чисто логической оценке достоверности утверждения. Модальные слова, обозначающие не эмоциональную, а рассудочную, логическую оценку сообщения, замыкаются в особый разряд. Таковы: *вероятно* (ср. *по всей вероятности*), *понятно, несомненно, безусловно, очевидно, видимо, по-видимому, разумеется, может быть, действительно, в самом деле, подлинно* и т. п.

Этот разряд слов выражает сложную и богатую оттенками гамму модальных оценок от чисто субъективной и несколько колеблющейся оценки сообщаемого факта до объективного, логически обоснованного определения степени его достоверности.

6. Отдельный разряд образуют модальные слова и словосочетания, выражающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания. Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Однако их значение не вполне однородно со значениями союзов. Модальные слова этого типа не выражают соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они не вызываются самим этим сообщением. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой. Таковы, например: *значит, стало быть, кстати, мало того, кроме того, сверх того, помимо того, в частности, примерно, например, главное (главное дело), в конце концов* и т. п.

Однако в структуре некоторых слов этого типа модальные значения совмещаются с союзными. Таково, например, *впрочем*. Это слово, кроме значения противительного союза (*тем не менее, все же*), может выражать колебания, нерешительность. <...> Точно так же слова *наоборот* и *напротив* совмещают функции модальных слов с наречными и союзными, а *напротив* – сверх того и со значениями предлога.

7. К этому разряду примыкает другой тип модальных слов, обозначающих порядок движения мыслей в числовой последовательности: *во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых* и т. п. Эти выражения определяют не только место какого-нибудь пункта в ряду перечислений, но и содержат его оценку, его субъективную квалификацию. <...>

8. Кажется, в особый разряд следует выделить модальные слова, выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации. Например: *кстати, одно к другому, заодно, к тому же* и другие подобные.

Модальные слова этого типа, выражая присоединение какого-нибудь побочного звена, по функции сближаются и с союзами.

9. Немногочисленный, отдельный разряд модальных выражений образуют сравнительные частицы и частицы-наречия: *словно, как будто, как бы, точно* и т. п., если они выражают не обособленное сравнение, а модальную оценку какого-нибудь выражения в составе основных членов предложения (обычно предиката). В таком случае они являются чем-то вроде модальной связки. <...>

10. В особый разряд замыкаются модальные слова, свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению. Модальные слова этого рода, облеченные в форму императива или в форму второго лица настоящего времени, представляют как бы промежуточный тип между категорией модальности и междометиями. Например: *видишь (ли), видите (ли); знаешь (ли), знаешь что, знаете что, извините*.

Развитие модальных оттенков в этих глагольных формах сопровождается изменением их лексических и грамматических значений. Они постепенно превращаются в новые потенциальные слова и совсем отделяются от соответствующих глаголов (ср. отсутствие реальных значений глагола *знать* в таких вводных словах, как *знаешь, знаете ли*).

11. Количественные обозначения степени также вовлекаются в круг модальных слов. Они становятся выражением субъективной оценки меры, числа или степени чего-нибудь. Итак, выделяются как особый разряд модальные слова, в которых заключается общая субъективная оценка степени или меры какого-нибудь суждения о количестве. Таковы, например, выражения: *самое большее, самое меньшее, по крайней мере, едва ли не* и т. п.

12. В категории модальности наблюдаются переходные, или гибридные, типы слов и выражений, совмещающих модальные значения со значениями других категорий. По-видимому, в силу яркой субъективной окраски большей части модальных слов с ними легко сближаются междометия. В самом деле, если междометия сопутствуют тому или иному высказыванию как выражение его модальной, резко эмоциональной оценки, они становятся модальными словами.

Недаром Д. Н. Овсянико-Куликовский, а за ним А. М. Пешковский относили к «вводным словам» *слава богу, ей-богу, черт возьми, шут знает* и т. п.

<...> А. А. Шахматов к вводным словам причислял «и ряд бранных выражений и заклинаний, потерявших свое первоначальное значение и употребляющихся как простые восклицания, не имеющие определенного значения. Сюда относятся выражения, как: *черт его побери, чтоб ему пусто было, чтоб ему ни дна ни покрывки*, употребленные не сами по себе, а в качестве вводных предложений или в качестве сопутствующих тому или другому предложению слов».

Функциональные переходы междометий в категорию модальности легки и разнообразны, особенно в стилях бытового просторечья.

И. А. Киселев

ЧАСТИЦЫ В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ВВЕДЕНИЕ

В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова встречается термин «частицы», хотя в то время он не служит наименованием одной из частей речи. Правильно называя частицами некоторые слова (*ли, не*), М. В. Ломоносов многие частицы (*даже, вот* и др.) относил к наречиям¹. Н. Греч частицами называл предлоги и союзы, в то же время выделяя так называемые частицы присловные (*ко, то* и др.)², которые ни к союзам, ни к предлогам отнести нельзя. А. Востоков, правильно квалифицируя некоторые слова как частицы (*только, единственно, лишь* и др.), обычно не отграничивает частицы от других разрядов слов. Так, частицы *разве, неужели, ужели, ни* он относит к наречиям, *то-то, да, нет, вон, вот* — к междометиям, *бы, же, ли, даже, еще, мол, де, дескать* — к союзам³. Ф. И. Буслаев использует иногда термин «частицы», но не выделяет слова, им обозначаемые, в отдельную часть речи⁴. Однако уже А. И. Соболевский в своем курсе «Русский исторический синтаксис» сделал первую попытку отграничить частицы от других разрядов слов, выделить в отдельную часть речи, заявив, что в русском языке различаются три основные группы слов: имя, глагол и частицы⁵. А. Добиаш в «Опыте семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка», проведя тонкие наблюдения над частицами, пришел к убеждению, что «они выведены из насущной потребности языка и представляют в этом отношении отдельную законченную систему» и что «частицы» нужно признавать как отдельную часть речи⁶. Решительно заявил о необходимости выделения частиц в особую часть речи А. А. Шахматов. «В русском языке, — писал А. А. Шахматов, — синтаксически различаются следующие части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие (знаменательные части речи); местоимение, числительное, местоименное наречие (незнаменательные части речи); предлог, союз, префикс, частица (служебные части речи); междометие (как эквивалент слова)»⁷. Он же впервые дал определение новой части речи: «Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении сочетающиеся с ним предикативы». И далее: «Это часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат»⁸. В. А. Богородицкий, анализируя языковой материал, отмечает, что «не-

которые словечки с пониженной знаменательностью не подходят ни под ту, ни под другую из указанных групп, а поэтому могут быть просто называемы частицами или частичками, напр.: *ли, же, бы* и т. п.»⁹. С появлением трудов А. И. Соболевского, А. Добиаша, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого и некоторых других языковедов частицы заняли прочные позиции в ряду других частей речи.

<...> В научной литературе частицы нередко рассматриваются как несущественный, вспомогательный, разряд слов, не имеющий лексического значения и не несущий определенных синтаксических функций, как явление периферическое, факультативное.

В отношении наличия или отсутствия у частиц лексического значения или характера этого значения отмечены следующие точки зрения. Одна группа ученых полагает, что у частиц, как и вообще у служебных слов, отсутствует лексическое значение, что они имеют чисто грамматическое значение. «Некоторые слова, – утверждал А. А. Шахматов, – имеют исключительно грамматическое значение: это слова служебные»¹⁰. Еще более категорически высказался А. М. Пешковский, который заявлял, что частичные (служебные) слова «представляют собой чистую форму, одну сплошную форму без содержания»¹¹. «Служебные слова, – писал А. Н. Гвоздев, – не обладают лексическим и грамматическим значением, как знаменательные слова, а выступают лишь как носители грамматических значений»¹² и т. п.

Другая группа лингвистов, не отрицая полностью наличия у частиц лексического значения, указывает на его неоднозначность, неполноценность и т. п. Так, В. А. Богородицкий говорит о «пониженной знаменательности» частиц¹³, Л. М. Чистякова – об их «ослабленном лексическом значении»¹⁴, Е. Е. Михелевич полагает, что частицы «обладают неполнозначным лексическим значением»¹⁵.

Третья группа исследователей (Г. И. Чирва, Ю. Г. Скиба и др.) указывает на контекстуальную, синтаксическую обусловленность лексического значения частиц. «Изолированно, вне определенного типа конструкций, частицы лишены лексических значений», – подчеркивает Н. Ю. Шведова¹⁶.

Не соглашаясь с приведенными выше высказываниями, мы, как и ряд других исследователей, в понимании частиц, в установлении соотношения между так называемыми знаменательными и служебными словами исходим из того, что «термин «знаменательный» неудобен в том отношении, что создает неверное впечатление, что в языке имеются не только знаменательные, но и незнаменательные слова. В действительности все слова **по-своему** знаменательны»¹⁷. Расчленение слов на знаме-

нательные и служебные неправомерно и в том отношении, что «основные, качественные различия слов идут по линии различий частей речи, и классификация по частям речи всегда есть классификация слов. Деление же по линии служебности и полноточности проходит по разным частям речи и представляет собой классификацию внутри слова»¹⁸. Так, многие слова знаменательных частей речи (некоторые местоимения, прилагательные, глаголы и др.) могут выступать как служебные, играя самостоятельную, вспомогательную роль. Например, при образовании аналитической сравнительной или превосходной степени прилагательных или качественных наречий (*Сестра более красивая, чем брат. Он самый красивый. Он красивее всех. Наши летчики летают выше всех* и т. д.), при образовании аналитических форм будущего времени от глаголов несовершенного вида (*Я буду читать. Мы будем петь*); в составе сказуемого многие глаголы (или другие знаменательные слова) выполняют служебные функции (*Он стал ученым. Буря начала утихать. Все должны спать*) и т. д. В то же время частицы – служебные слова – в некоторых случаях своего употребления полноточны: их значение можно четко определить. Они могут быть носителями логического ударения, быть структурно необходимыми компонентами конструкции, употребляться самостоятельно, вне связи со знаменательными словами, в некоторых случаях – даже управлять знаменательными словами или самостоятельно выступать в функции какого-либо члена предложения. Приведем примеры. 1. *Нет* в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною. 2. Елесь. Маменька, невидимая рука, невидимая рука. Мигачёва. Где она, где она? Елесь. *Вот* она! (подает деньги). 3. Елесь. Стойте-ка! Находка! *Вот* она, в траве-то. 4. «Я служу преподавателем в гимназии». – «*Неужели?*». 5. *На* тебе ключи и мотай в бригаду. В предложении 4 частица *неужели* образует самостоятельное (синтаксически нерасчлененное) предложение и является отдельным высказыванием (репликой) в диалоге, выражая удивление, с оттенками сомнения, недоверия. Если предположить, что частицы не имеют самостоятельного значения, то такое употребление данного слова было бы невозможно. В предложениях 2, 3 частица *вот* является особым типом обстоятельства места, о чем свидетельствует, в частности, постановка логического вопроса к частице – *где?* (2), наличие уточняющего обстоятельства (3) в *траве-то*; полноточность (знаменательность) частицы подчеркивается ее логическим выделением (2, 3). В предложениях 1, 5 частицы *нет* и *на* образуют особый тип сказуемого, причем управляют различными падежными формами знаменательных слов. Все это, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что «частица, как любое другое слово

(словарная единица), имеет лексическое значение, семантически отличающее одну частицу от другой»¹⁹. Все дело в том, что частицы имеют такое лексическое значение, которое не совпадает с общим понятием лексического значения знаменательных слов, что «по характеру лексического значения, осуществляемого на высоком уровне абстракции, они качественно отличаются от полнозначных слов с предметно-вещественной соотнесенностью»²⁰. Следовательно, по нашему убеждению, целесообразно говорить не об отсутствии у частиц «самостоятельного лексического значения», не об «ослабленном лексическом значении их», не о «пониженной знаменательности» данного разряда слов, не о контекстуальной обусловленности их лексического значения (это можно отнести и к «знаменательным» словам), а о своеобразии лексического значения частиц, его подвижности, о различной степени знаменательности различных разрядов частиц или даже различных частиц в пределах одного разряда. Итак, лексическая знаменательность частиц разных групп и даже отдельных частиц в пределах одного разряда (более того, даже одной и той же частицы при различных случаях ее употребления) неравноценна. Объясняется это тем, что «частицы, обслуживающие предложение, распадаются на ряд категорий, настолько различны по своим функциям, что, собственно говоря, общее название всех разновидностей частиц является чем-то условным. Их основные категории не меньше различаются между собой, чем отдельные части речи»²¹.

Рассматривая лексическое значение частиц, мы выделяем следующие уровни (типы) их лексической знаменательности: лексическая знаменательность высшего (ЛЗВП), среднего (ЛЗСП) и низшего (ЛЗНП) порядка.

Частицы, характеризующиеся ЛЗВП, по своей полнозначности приближаются к так называемым самостоятельным (знаменательным) словам: их значение вполне самостоятельно и выясняется без контекста, они обычно ударяемы (и даже могут быть носителями логического ударения), выступают в качестве отдельного члена предложения или самостоятельно образуют предложение, в словосочетаниях могут выступать в качестве опорного слова, управляя знаменательными словами, к ним в некоторых случаях возможна постановка логических вопросов (например, *где?*), они могут иметь при себе уточняющие члены предложения, эти частицы являются структурно обязательными компонентами, с изъятием которых разрушается все построение.

Приведем примеры: Настали святки. *То-то* радость! Гадает ветреная младость. Княгиня. *Вот то-то* детки: им бал, а батюшка таскайся на поклон. «*Ай да Данила Купор!*» – тяжело и продолжительно выпуская дух и засучивая рукава, сказала Марья Дмитриевна. «Ну куда же ты, милень-

кий, убегаешь? *Ну и женишок*», – шутила она. Она на ходу несколько раз нагибалась, чтобы одергивать юбку, и повторяла: «Наказание, *что* за ветер!». В приведенных предложениях частицы *то-то*, *вот то-то*, *ай да*, *ну и*, *что за* самостоятельно, без «знаменательных» слов характеризуют признак предмета, обозначенного существительным, давая ему своеобразную эмоционально-экспрессивную характеристику и выступая в синтаксической функции особого типа определения. Полнозначность частиц подчеркивается и их ударением.

ЛЗСП характеризуется тем, что частицы, хотя и могут приближаться по своему значению к членам предложения, таковыми в полном смысле не являются, они образуют новое понятие, создают новое значение в сочетании со знаменательным словом, вместе с которым они и конструируют член предложения (*Вот где вы! Вон куда вас занесло! Готов хоть кого слушать! Чтоб только успеть! Лишь бы не забыть!* и т. п.). Во всех случаях частицы, обладающие ЛЗСП, также являются структурно необходимым компонентом, изъятие которого невозможно. Ипполит. Давешние слова вашей дочери у меня *вот где* (ударяет себя в грудь). Я все вижу, все понимаю, Алексей Иванович, но я – в сторонке... Это ужасно. В этом вся моя мука... *Вот почему* я вас спросила, что мне делать, как жить.

В приведенных предложениях частица *вот* в совокупности с местоименными наречиями *где* и *почему* характеризует признак действия, выраженного глаголом, конструируя обстоятельства места (*вот где*) и причины (*вот почему*). В обоих случаях названная частица является структурно обязательным компонентом, с изъятием которого разрушается построение.

ЛЗНП отличается тем, что значение частиц обнаруживается лишь из контекста, в структуре предложения, а само их употребление, как правило, факультативно (усилительные частицы *да*, *ведь*, *же*, *и*, *так* и др., указательные – *это*, *оно*, модальные *ну*, *-ка*, *мол*, *де*, *дескать*, *чай*, *небось* и др.), хотя с их изъятием и происходят некоторые семантические сдвиги, может меняться в какой-то мере экспрессивная и модальная окраска предложения. В этом можно убедиться, если изъять подчеркнутые частицы из приводимых ниже предложений: «А, *чай*, много с вами бывало приключений?» – сказал я, подстрекаемый любопытством. Как *бы* нам ее домой отправить, – подумайте-ка!. *Ну*, как можно спать! *Да* ты посмотри, что за прелесть. А *ведь* как хорошо мы жили, *ведь* правда, Улечка?, «У меня *просто* тяжесть с сердца упала», – прорвавшись наконец сквозь поток его слов и страшно понизив голос, проговорила Клава. Туда, – ссссык, ссссык – уходили шрапнели. Но он *же* знал, снарядов мало, черт, мало.

А скажи, Игнатий Порфирич, через чего *это* она так уж дюже скоро похудела? Я ее веду, а она *прямо* на глазах тает. Вернулся к бричкам, спрашиваю у парня: какой из косарей секретарь? А он, дура мордатая, говорит, что секретарь, *дескать*, без рубахи.

Если проанализировать все приведенные в данном разделе примеры, то можно прийти к выводу, что разные частицы внутри каждой их трех основных групп (логико-смысловые, модальные, эмоционально-экспрессивные) могут иметь ЛЗВП, ЛЗСП или ЛЗНП. Более того, одна и та же частица в различных случаях ее употребления, при различных лексико-грамматических условиях может иметь ЛЗВП, ЛЗСП, ЛЗНП. Последний тезис проиллюстрируем. Елесья. Стойте-ка, находка! *Вот* она, в траве – ЛЗВП. Забыл тебе сказать, Прохоровна, *вот* что: своего кочета ты не могли резать – ЛЗСП. Буланов. А у вас много денег-с? Гурмыжская. Много. *Вот* посмотри – ЛЗНП. Некоторым же частным разрядам частиц всегда свойственна знаменательность одного типа, например, усиительным – ЛЗНП.

О том, что частицы являются полнозначными, полноправными лексическими единицами, свидетельствуют также свойственные им явления полисемии, омонимии, синонимии, антонимии. Подтверждением полисемии является характеристика частиц в посвященных им словарных статьях толковых словарей, где указывается ряд значений частиц. Так, по данным академического четырехтомного словаря русского языка, частица *вот* может иметь шесть значений. В предлагаемой работе, в которой дается более тонкая семантическая дифференциация, выявляется значительно большее количество значений (собственно-указательное, локально-указательное, собственно-выделительное, сопоставительно-выделительное, собственно-уточнительное, усиительно-уточнительное, обобщенно-уточнительное, эмоционально-экспрессивное и др.). Ряд значений выражает частица *только*: собственно выделительно-ограничительное. В гавани остался *только* эсминец «Фидониси»; обобщенно-ограничительное. Несчастливцев. Так тебя били, кому *только* не лень было; императивно-ограничительное. Милонов. *Только* смотрите, Раиса Павловна, смотрите за ним хорошенько! Он так еще молод!, и др.

Существенным в характеристике частиц как лексических единиц нужно признать также рассмотрение свойственного им явления омонимии. Как отмечается в литературе, «омонимию служебных слов можно рассматривать в двух планах: во-первых, как совпадение внешней оболочки служебного и неслужебного слова; во-вторых, как совпадение внешней оболочки одного служебного слова с другим служебным словом. В последнем плане полезно разграничивать омонимию между раз-

ными лексико-грамматическими разрядами служебных слов (предлог – союз, союз – частица, частица – предлог и т. д.) и омонимию одного и того же разряда (предлог – предлог, союз – союз и т. д.)». В отношении частиц можно говорить об омонимии всех указанных типов. Образцы омонимии первого типа (служебное слово (частица) – неслужебное слово): *просто* (частица) – *просто* (наречие), *прямо* (частица) – *прямо* (наречие), *дай* (частица) – *дай* (глагол), *давай* (частица) – *давай* (глагол), *пускай* (частица) – *пускай* (глагол), *бывало* (частица) – *бывало* (глагол), *было* (частица) – *было* (глагол) и т. п. Проиллюстрируем это примерами: «Гутаришь ты, Сёма, всякую чепуху, *прямо* как мальчишка», – недовольно проговорила Лушка (частица). В машине *прямо*, строго, неподвижно сидели военные (наречие). Но она совсем не была артисткой, она только играла в артистки, она *просто* не могла найти себя (частица). Одета она была *просто*, скромно (наречие). *Давай*, Давыдов, вечером соберемся все и поговорим по душам (частица). *Давай* ему каждый день по три таблетки (глагол). Каждый день, *бывало*, Иван Иванович и Иван Никифорович посылают друг к другу узнать о здоровье (частица). От пленников ее вокруг ней *бывало* тесно (глагол). Мармеладов остановился, хотел *было* улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал (частица). Это *было* в памятном сорок первом (глагол), и т. д.

Приведем примеры омонимии второго типа – совпадения внешней оболочки одного служебного слова (частицы) с другим служебным словом (например, союзом): Вы так *и* скажите ему – я всё, что надо, сделаю. Лучшего соседа Корчагин *и* не мечтал иметь (частицы). Он говорил тихим голосом, сладко *и* нежно улыбаясь (союз). «*Да* вы постойте, батюшка, вы послушайте меня», – перебил штаб-ротмистр своим басистым голосом (частица). На ель Ворона взгромоздясь, позавтракать было совсем уж собралась, *да* призадумалась, а сыр во рту держала (союз). *Чтоб* был кошелек, а то запорю (частица). Важно только, чтобы повар был бы повар парень свой, чтобы числился недаром, *чтоб* подчас не спал ночей (союз). Выглянувшее лицо показалось ему *как будто* несколько знакомо (частица). Мы втроем начали беседовать, *как будто* все были знакомы (союз) и т. д.

Наконец, можно отметить омонимию в пределах частиц. Напр.: Подыдем стаканы, содвинем их разом! *Да* здравствуют музы, *да* здравствует разум! – модально-волевая частица. «Он принял лекарство?» – «*Да*» – утвердительная. «*Да* что ты кричишь, успокойся», – говорил Ростов – усилительная. «*Да?*» – спросил Нестеренко – вопросительная. Ему сейчас некого обвинять, – *разве* самого себя – выделительно-ограничительная. «А ты *разве* не комсомолка?» – настойчиво спрашивала Уля – вопросительная.

Следует отметить также свойственную частицам синонимию. Синонимичными, например, являются частицы: *ну и – что за – ох и – ай да – вот это; только – лишь, именно – как раз – и даже – и* и т. д.: *Ай да глазки! Ср.: Ну и глазки! Ох и глазки! Что за глазки! Вот это глазки!* и т. п. Гурмыжская. Алексис будет управлять имением, а я займусь *только* (ср.: *лишь*) добрыми делами. Вечером лениво гуляли по улицам, и тот, кто имел галоши, надевал их, если *даже* (ср.: *и*) было сухо. «Значит, – у меня дела так хороши, что *и* (ср.: *даже*) лечиться не стоит», – пытался он пошутить, но шутка не удалась.

Наконец, можно говорить об антонимии частиц, хотя это явление обнаруживается у частиц менее отчетливо и свойственно не всем словам данной лексико-грамматической категории. Напр.: *вот* (указание на ближний предмет!), *вон* (указание на дальний предмет), *да* (утверждение), *нет* (отрицание): Чацкий. Опрыскивай водой. Смотри: свободнее дыхание стало. Повеять чем? Лиза. *Вот* опахало. Скоро девчонка показала ему на черневшее вдаль строение, сказавши: «*Вон* столбовая дорога!». «Вы студент?» – спросил тот, взглянув на повестку. – «*Да*, бывший студент». «А вы кто – студент?» – спросила она его. – «*Нет*, я учитель».

Так обстоит дело в отношении лексического значения частиц. Не менее сложной является проблема синтаксических функций указанной категории слов.

В литературе отмечается мнение об «отсутствии определенной синтаксической функции у частиц»²², о том, что частицы сами по себе не обладают грамматическим значением (Ю. Г. Скиба), что они не могут «выступать отдельным членом предложения»²³ и т. д.

Однако, как справедливо указывал В. В. Виноградов, «ошибочным и случайным должно быть признано мнение, будто частицы не несут никаких синтаксических функций»²⁴. Представляется оправданным говорить не об отсутствии у частиц определенных синтаксических функций, а о своеобразии, широте и неравноценности для различных разрядов частиц этих функций. Когда мы говорим о синтаксических функциях того или иного слова (это в первую очередь относится к служебным словам), мы имеем в виду их структурно-синтаксическую значимость не только как члена предложения или в составе члена предложения, но и за его пределами, его роль в формировании основной синтаксической единицы – предложения. В этом плане частицы имеют вполне определенную синтаксическую значимость, которая проявляется в нижеследующем.

Многие частицы (*вот, вон, на, нет, то-то, ну и, что за, как* и др.) могут самостоятельно выполнять функцию члена предложения. Некоторые указания на этот счет отмечены в литературе. «Частицы, – отмечает

Д. С. Светлышев, – потенциально сохраняющие местоименное или наречное значение (*то-то, что за, как и др.*), несмотря на то, что выражаемая ими характеристика нуждается в дополнительном истолковании, могут рассматриваться как самостоятельные компоненты предложения»²⁵. Подтвердим это примерами (некоторые из них уже использовались нами выше): 1. Уж *то-то* там мы заживем: в ладу, в довольстве, в неге! 2. *Вот уж* друзья, *так* друзья! *То-то* приняли! 3. *Нет* женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных нежным солнцем. 4. Елесья. Стойте-ка, находка! *Вот* она, в траве-то. 5. «*Ну и прогулочка!*» – Иван Ильич, переводя дух, остановился. 6. *На* тебе ключи.

В примерах 3, 6 частицы *нет* и *на* выступают в качестве сказуемого, причем *на* управляет дательным и винительным, а *нет* – родительным падежом «знаменательных» слов. В предложениях 1, 4 частицы *то-то* и *вот* выступают в качестве обстоятельств образа действия (1) и места (4), о чем свидетельствует возможность постановки обстоятельственных вопросов *как?*, *каким образом?* (1), *где?* (4) и наличие уточняющих обстоятельств (*в ладу, в довольстве, в неге, в траве-то*). В примерах 2, 5 частицы *вот уж... так, то-то, ну и* выступают в функции эмоционально-экспрессивного определения (ср.: Настоящие друзья! Очень хорошие приятели! Необыкновенная, ужасная прогулочка!). Способность некоторых частиц самостоятельно, без участия знаменательных слов, конструировать член предложения будем именовать синтаксической значимостью высшего порядка (СЗВП).

Многие частицы могут оформлять высказывание самостоятельно, вне сочетания со знаменательными словами, образуя синтаксически нерасчлененные предложения (нефразеологического характера), что следует признать разновидностью СЗВП: *Да! Нет. Неужели? Разве? Пусть! Пускай!* и т. п. *Нет*: рано чувства в нем остыли; ему наскучил света шум. «Вели дать бутылку, я сделаю... вели дать». – «*Пускай, пускай!*» – сказал Долохов, улыбаясь. Иван Ильич думал: «Зачем скрывать от себя, – выше всего желание счастья. Я хочу наперекор всему, – *пусть*». «Ты хочешь знать мое мнение?» – спросил Николай Иванович. – «*Да*».

Свидетельством СЗВП является также весьма продуктивная роль частиц в конструировании фразеологизмов, многие из которых образуются исключительно из частиц. Хлестаков. Нет, я не хочу! *Вот еще!* Мне какое дело? А Лушке сколько харчей я по его тайному приказу перетаскал? *То-то и оно!* Деньги-то, какие брал в кредит на покупку садила и травополки, возвернул кредитному товариществу? *То-то* и есть!

Во многих случаях частица оформляет член предложения не самостоятельно, а в совокупности со знаменательным словом, образуя с ним единое смысловое и синтаксическое целое и являясь структурно обязательным компонентом, с изъятием которого разрушается все построение. Назовем это синтаксической значимостью среднего порядка (СЗСП). Напр.: Ну, теперь *пусть* ищут. Низко смерть над шапкой свищет, *хоть* кого согнет в дугу. *Вот* что главное усвой: наш тот свет в загробном мире лучший и передовой.

Наконец, ряд частиц (обычно усилительные, а также некоторые частицы других разрядов) могут образовывать член предложения в совокупности со знаменательным словом или относиться ко всему высказыванию в целом, в обоих случаях не являясь структурно обязательным компонентом. Изъятие их не разрушает конструкции, хотя и ведет иногда к некоторой трансформации семантики высказывания, несколько меняет в некоторых случаях модальный и экспрессивный рисунок предложения. Здесь имеет место синтаксическая значимость низшего порядка (СЗНП): Как она испугалась нынче ночью! – говорил он, – ведь надобно ж, чтоб это случилось *именно* тогда, как я в отсутствии. *Да* садись *же*, устал *небось*! Несмотря на такое бедствие, солдаты и офицеры жили *точно* так *же*, как и всегда. Но она (лошадь) бракованная. Совсем *уж* некстати это белое пятно на левой ноге и, поглядите, головой закидывает. Рим был разложен идеями христианства. Варвары разорвали уже *только* труп Рима.

Одна и та же частица в разных случаях ее употребления может иметь СЗВП, СЗСП или СЗНП. Ср.: «Где они?» – «*Вот* они, на столе» (СЗВП). Ах, *вот* куда ты завернул! (СЗСП). *Вот* идут студенты (СЗНП).

Сопоставляя лексическую знаменательность и синтаксическую значимость частиц, можно прийти к выводу, что уровень синтаксической значимости зависит от уровня их лексической знаменательности. И, таким образом, как правило, СЗВП соотносится с ЛЗВП, СЗСП – с ЛЗСП, СЗНП – с ЛЗНЛ.

Таковы некоторые аспекты проблемы частиц как особой лексико-грамматической категории слов.

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 550–551, 566.

² Греч Н. Практическая русская грамматика. Спб., 1827. С. 23, 24, 224.

³ Востоков А. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Спб., 1835. С. 208, 209, 215, 217–218, 226, 227, 234–235.

⁴ Буслев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 287.

-
- ⁵ Соболевский А. И. Русский исторический синтаксис (литогр. лекции). 1892–1893. С. 10–12.
- ⁶ Добиаш А. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897. С. 510–312.
- ⁷ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 422.
- ⁸ Там же. С. 506.
- ⁹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 105–106.
- ¹⁰ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. С. 432.
- ¹¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 40.
- ¹² Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. М., 1958. С. 388.
- ¹³ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. С. 105–106.
- ¹⁴ Чистякова Л. М. К методике стилистического анализа частиц // Русский язык в школе. М., 1951. № 5. С. 44.
- ¹⁵ Михелевич Е. Е. Логико-смысловые частицы в современном немецком языке (к вопросу о грамматической системе морфологически неизменяемых слов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1960. С. 5.
- ¹⁶ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 97.
- ¹⁷ Кудагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958. С. 18.
- ¹⁸ Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959. С. 390.
- ¹⁹ Лабутис В. Частицы современного литовского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1965. С. 8.
- ²⁰ Колодезнев В. М. Лексико-грамматические свойства глагольных частиц в современном русском языке // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1967. № 332. Современный русский язык. С. 127.
- ²¹ Шуба П. П. Службовые слова-амонімы ў беларускай мове // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. Сер. IV. 1969. № 3. С. 33–34.
- ²² Грамматика русского языка. М., 1953. Т. 1. С. 639.
- ²³ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1947. С. 313.
- ²⁴ Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 666.
- ²⁵ Светлышев Д. С. К вопросу о функциях частиц, выражающих эмоциональные оттенки речи // Учен. зап. Ивановск. пед. ин-та. Т. 17. Филологические науки, 1958. Вып. 5. Ч. 3. С. 8.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко А. В.* Категория залога // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976. С. 21–36.
- Бондарко А. В.* Взаимосвязи морфологических категорий глагола // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976. С. 13–17.
- Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 10–13; 30–32; 38–43; 319–336; 568–583.
- Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419–442.
- Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 7–19.
- Головин Б. Н.* Заметки о грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 29–36.
- Ермакова О. П.* Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования: УЗ (Ташкентский гос. пед. ин-т имени Низами. Ташкент, 1975. Т. 143. С. 57–63.
- Земская Е. А.* О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 63–77.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М., 1992. С. 36–39.
- Ицкович В. А.* Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 84–96.
- Киселев И. А.* Частицы в современных восточнославянских языках. Мн., 1976. 160 с. С. 3–17.
- Клобуков Е. В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986. С. 6–23.
- Кубрякова Б. С., Соболева П. Л.* О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 5–8.
- Кубрякова Е. С.* Об основной единице словообразовательной системы языка // Актуальные проблемы русского словообразования: Тез. докл. и краткие сообщения III Респ. науч. конф. (21–23 сент. 1978). Ташкент, 1978. С. 36–39.
- Лопатин В. В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57.
- Лукин М. Ф.* К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 43–51.

Лукин М. Ф. О широком и узком понимании прилагательных в грамматиках современного русского языка // Филологические науки. 1991. № 1. С. 73–83.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. М., 1971. С. 177–185.

Панов М. Б. О частях речи в русском языке // Филологические науки. 1960. № 4. С. 3–14.

Соболева П. А. Число существительных как грамматико-словообразовательная категория // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 66–74.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 36–41.

Шелякин М. А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Тарту, 1986. С. 5–10.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77–100.

Янко-Триницкая Н. Членимость основы русского слова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Т. 27. Вып. 6. С. 532–540.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Словообразование	4
<i>Винокур Г. О.</i> Избранные работы по русскому языку. Заметки по русскому словообразованию	4
<i>Кубрякова Е. С.</i> Об основной единице словообразовательной системы языка	9
<i>Ермакова О. П.</i> Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур	12
<i>Лопатин В. В.</i> Метафорическая мотивация в русском словообразовании	16
<i>Земская Е. А.</i> О парадигматических отношениях в словообразовании	20
<i>Тихонов А. Н.</i> Основные понятия русского словообразования. Словообразовательное гнездо как единица словообразовательной системы языка	25
<i>Земская Е. А.</i> Словообразование как деятельность. К уточнению понятия «словообразовательный тип»	40
<i>Янко-Триницкая Н.</i> Членимость основы русского слова	44
Морфология	53
<i>Виноградов В. В.</i> Русский язык (грамматическое учение о слове). Введение в грамматическое учение о слове. § 2. Грамматика, ее объем и ее задачи	53
<i>Головин Б. Н.</i> Заметки о грамматическом значении	58
<i>Бондарко А. В.</i> Грамматическая категория и контекст	66
<i>Кубрякова Б. С., Соболева П. Л.</i> О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании	78
<i>Щерба Л. В.</i> О частях речи в русском языке	81
<i>Виноградов В. В.</i> Русский язык (грамматическое учение о слове). Введение в грамматическое учение о слове. § 5. Основные структурно-семантические типы слов	99
<i>Панов М. Б.</i> О частях речи в русском языке	107
<i>Ицкович В. А.</i> Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция)	119
<i>Соболева П. А.</i> Число существительных как грамматико-словообразовательная категория	135
<i>Мучник И. П.</i> Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. Характеристика структуры рода и ее компонентов	143
<i>Клобуков Е. В.</i> Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. Теоретические предпосылки позиционного анализа падежной семантики. Падежная форма и ее характеристики	147
	241

<i>Лукин М. Ф.</i> О широком и узком понимании прилагательных в грамматиках современного русского языка	162
<i>Лукин М. Ф.</i> К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке	172
<i>Шелякин М. А.</i> Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление)	184
<i>Гловинская М. Я.</i> Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Вопрос об инварианте в значениях видов. Интерпретация значений совершенного вида	188
<i>Бондарко А. В.</i> Категория залога	199
<i>Бондарко А. В.</i> Взаимосвязи морфологических категорий глагола	212
<i>Виноградов В. В.</i> Русский язык (грамматическое учение о слове). Категория состояния	217
<i>Виноградов В. В.</i> Русский язык (грамматическое учение о слове). Модальные слова и частицы. Их разряды	219
<i>Киселев И. А.</i> Частицы в современных восточнославянских языках. Введение	228
Библиографические ссылки	239